

Теодор Драйзер Гений

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155380
Гений : роман / Теодор Драйзер: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38500-3*

Аннотация

Герой романа «Гений», талантливый художник Юджин Витла, во многом сродни своему создателю – американскому писателю Теодору Драйзеру. Их сближают не только биографические совпадения, но и эстетические взгляды.

Тернист путь Юджина к цели. Он обретает материальное благополучие и респектабельное положение в обществе ценой невосполнимых потерь. Но Юджин – сильная личность, он сумел не сломаться, пережив творческий и душевный кризис. Творческая личность, он находится в постоянном поиске и открывает для себя новую сферу – «великое искусство снов»...

Содержание

Жизнь гения	5
Гений	17
Книга первая	17
Глава I	17
Глава II	24
Глава III	32
Глава IV	36
Глава V	42
Глава VI	44
Глава VII	48
Глава VIII	53
Глава IX	56
Глава X	60
Глава XI	63
Глава XII	67
Глава XIII	71
Глава XIV	75
Глава XV	78
Глава XVI	81
Глава XVII	85
Глава XVIII	90
Глава XIX	95
Глава XX	99
Глава XXI	104
Глава XXII	108
Глава XXIII	111
Глава XXIV	115
Глава XXV	119
Глава XXVI	124
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Теодор Драйзер Гений

The Genius © Theodor Dreiser, 1943

© Вступ. статья. Д. Корнейчук, 2009

© Перевод. М. Волосов, 2009

© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство
«Эксмо», 2009

Жизнь гения

«Факт заключается в том, что он был великим художником. Никакой другой американский гражданин его поколения не оказал такого широкого и прекрасного влияния на нашу национальную литературу. Американская литература до и после его отличается так же сильно, как биология до и после Дарвина. Он был человеком огромной самобытности, глубокого чувства и непоколебимого мужества».
Генри Менкен

27 августа 1871 года в ветхом домишке, расположенном в одном из беднейших кварталов городка Тера-Хот (штат Индиана), раздался плач младенца – девятого ребенка в семье Джона и Сары Драйзер. Мальчика нарекли Германом Теодором.

Детство будущего писателя было неразрывно связано с нищетой. Отец, Джон Драйзер, был человеком, так называемого, «высокого полета мысли» и все время проводил в философских размышлениях – вследствие чего времени на работу просто не оставалось. Вся тяжесть содержания большой семьи лежала на матери семейства, Саре Драйзер. Сара хваталась за любую работу, лишь бы прокормить семью – занималась стиркой, убирала в гостинице, готовила обеды для одиноких рабочих. Однако этих титанических усилий мужественной женщины не хватало, чтобы избавить семейство от нищеты.

Впоследствии Драйзер так вспоминал свое детство: «Как ни был я мал, я все же сознавал страдания, выпавшие на долю моей матери. Мне вспоминаются долгие, мрачные, серые, холодные дни; скудная еда, состоящая из картошки или чечевицы. Ребенком, в особенности в эти годы, я не однажды был голоден».

В шестилетнем возрасте мальчика отдают в немецкую католическую школу, поскольку отец видел в нем будущего священника. Все что запомнилось Драйзеру за период обучения в школе – это постоянная зубрежка церковных текстов, надменные лица священников и долгие нудные службы, смысл которых ребенок просто не в состоянии был понять.

Уже с самого детства Драйзер познал, что значит быть бедняком. После школы, когда другие дети спешили домой к ужину, Теодор отправлялся помогать матери в ее работе. А что говорить о вечно латаной-перелатаной одежде? А издевательства со стороны других детей, которые унижали его за бедность? Все это оставило незаживающий шрам в душе писателя и до конца жизни вселило в него комплекс, что ему суждено судьбой нищенское существование. Но в то же время трудное детство закалило будущего писателя для будущей тяжелой борьбы за место в обществе.

Семья часто переезжает с места на место, однако везде ситуация одинакова – домишко в бедном квартале и, несмотря на постоянный труд, вечная нехватка денег на самое необходимое. И только когда семья Драйзеров переезжает в городишко Варшава, что в штате Индиана, в жизни Теодора наступает более-менее светлая полоса.

Наконец-то мальчик попадает в городскую школу, которая значительно отличалась от церковной своей широтой взглядов и меньшей догматичностью. «Именно в этой школе я впервые осознал... что именно все это время угнетало и задерживало мое развитие – догматическое и устрашающее господство католической церкви и школы», – вспоминал позднее писатель.

И мальчик начинает впитывать знания с такой скоростью, что просто потрясает своих учителей. Но главным пристрастием Драйзера становится литература. Он безудержно читает – Диккенс, Купер, Скотт, Теккереи, Шекспир. Для того чтобы прочитать в оригинале Шиллера и Гете Теодор изучает немецкий язык. Литература заставляет Драйзера задуматься над

проблемами окружающего мира, задаться вопросом, почему одни люди бедные, а другие богатые.

В 1887 году Теодор Драйзер получает свидетельство об окончании средней школы. Перед молодым человеком встает вопрос: а что же дальше? Он не имел средств для поступления в университет, да и перспектив достойной работы в таком маленьком городке, как Варшава, не было. И Драйзер выбирает рискованный путь – отправляется в большой город, в Чикаго, в надежде найти работу.

Как и любой провинциал, приезжающий в большой город, Теодор был переполнен радужными надеждами; рассчитывал, что для кого-кого, а для него уж точно в Чикаго найдется хорошая работа. Как он ошибался! Большой город сразу отрезвлял все честолюбивые иллюзии провинциальных мечтателей, что Драйзер сразу ощутил на себе.

День за днем он обивал пороги фабрик, заводов, фирм и везде слышал одно: «Работники не нужны!», а там, где все же были места, обязательно требовался опыт работы. Но где же набраться опыта, если даже не предоставляют такой возможности. Наконец молодому человеку удалось устроиться посудомойщиком и посыльным в дешевом ресторанчике. Не выдержав тяжелых условий труда, через пару месяцев он уходит с этой работы...

Кем только не пришлось потрудиться на протяжении двух лет Драйзеру: чернорабочим на складе скобяных изделий, разносчиком газет и т. д. Без высшего образования у него не было никаких перспектив на высокооплачиваемую работу, и молодой человек уже начинал терять надежду, понимая, что помочь может только чудо.

«Чудо» явилось в обличье Милдред Филдинг, его бывшей школьной учительницы в варшавской средней школе. Еще в школе она заприметила зарождающийся литературный талант Драйзера и, понимая, что без поддержки он может так и не раскрыться, в 1889 году за свой счет отправляет Теодора на год на учебу в Индианский университет.

В университете Драйзер увлекается историей и философией, знакомится с произведениями классиков мировой литературы. Именно в то время он начинает задумываться о литературном поприще – Теодор хочет стать журналистом.

Год учебы в университете пролетел быстро. Успешно сдав экзамены, но не имея денег на продолжение обучения, Драйзер возвращается в Чикаго. Снова работает на низкооплачиваемых должностях – клерком, возчиком фургонов прачечной, сборщиком взносов. Но теперь у него есть мечта – стать репортером. И Драйзер, которому было не занимать в упорстве в достижении цели, начинает воплощать мечту в реальность.

Сначала Теодор попытался устроиться репортером в крупные газеты, однако быстро пришел к выводу, что без опыта работы ему ничего не светит. Тогда он решил попытаться счастья в издательствах поменьше. Вскоре он начинает свою репортерскую карьеру в газете «Дейли глоб».

Начав работать репортером, молодой человек быстро расстался со своими иллюзиями относительно сути этой профессии. Драйзер представлял себе репортеров «совестью нации», людьми, которые пишут правду, какой бы горькой и неприглядной она ни была бы. Но что он увидел на практике? Цинизм, заказные статьи, постоянная грызня между коллегами. «Желание трудиться, создавать что-то для мира наталкивается на жестокий отпор в горниле газетной текучки, попытки высвободить час-другой для души терпят неудачу, – напишет позднее Драйзер, – сводятся на нет из-за непрестанной занятости. В итоге человек обычно испытывает такое разочарование, что решает либо расстаться с мечтой стать писателем, либо поискать другое поприще, дающее больше возможностей для досуга. Гений выбирается на поверхность. Талант, так и не получив признания, нередко иссушает и растрчивает себя в сфере журналистики». Такими ли он представлял себе журналистов? Нет! Он не будет таким! Его статьи будут пронизаны правдой, как бы это не нравилось издателям!

Молодой журналист быстро обратил на себя внимание резкостью своих статей, тематика которых колебалась от политических разоблачений до убийств. Литературный редактор «Дейли глоб» Джон Максвелл так отозвался о Драйзере: «Ты умеешь наблюдать. Тебе суждено быть писателем, а не только простым газетным репортером».

Набравшись опыта, Драйзер продолжает карьеру в Сент-Луисе. Летом 1893 года молодому репортеру сент-луисской газеты «Репаблик» Теодору Драйзеру поручили сопровождать молодых учительниц, победительниц конкурса «Лучший учитель», на чикагскую Всемирную выставку. Среди них он сразу приметил молодую рыжеволосую Сару Осборн Уайт. Вот как впоследствии Теодор описывал свои первые впечатления о Саре (кстати, в романе «Гений» прототипом героини по имени Анджела стала именно Сара): «Она привлекала его не только своей внешностью, хотя была прелестна, но и какой-то особенностью своего темперамента, которую он все время ощущал, как иногда долго ощущаешь на языке приятный вкус».

Молодые люди сразу понравились друг другу и начали встречаться. Вскоре они были уже помолвлены. Драйзер воспылал любовью, однако что действительно таилось под этим словом – желание физической близости или желание быть с человеком вечно? На это молодой репортер еще не мог дать ответа.

Время шло. Драйзер упорно работал над своей карьерой. В 1894 году он переезжает в Нью-Йорк. После периода тяжелых лишений, когда из-за отсутствия работы молодой человек был вынужден жить впроголодь, он осенью 1895 года возглавляет журнал «Эври манс». Далее Драйзер занимается написанием статей для ведущих американских журналов – «Космополитен», «Харперс». Теодор хорошо помнил свое бедное детство и юность, поэтому работал без остановок, не жалея себя, дабы опять не остаться без куска хлеба.

Для лучшего понимания жизненной позиции Драйзера необходимо отметить некоторые аспекты его мировоззрения, которое сформировалось еще в юношеские годы. Он совершенно не признавал американские светские условности, в частности, относительно взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Тогда было принято, что если уж молодой человек помолвлен с девушкой, то это уже предрешенная женитьба. Любые физические контакты между молодыми людьми, не состоящими в браке, строго осуждались обществом. Но Драйзер, как натура творческая, просто не мог быть связан с одной женщиной, для него это было невыносимо. Мир так огромен и прекрасен, такое количество умнейших и красивейших девушек кругом... Как можно навеки связать себя с одной?

Да, в определенный момент он увлекся Сарой, ее невинностью и простодушием, красотой и застенчивостью. И в состоянии любовной эйфории состоялась помолвка. Однако вскоре после знакомства молодой человек начал замечать существенные различия между ним и Сарой, те преграды, которые в будущем выросли в стену непонимания.

Для Драйзера условности ничего не значили, только вот для Сары все было диаметрально противоположным. Все то, что признавалось общественной моралью, было для Сары непоколебимой истиной. Она стремилась к браку и материнству, мечтала о муже, требующем заботы и любви, хотела стать добропорядочной замужней женщиной, а он... Да знал ли он сам в то время, к чему стремится его вечно мечущаяся душа?

В Нью-Йорке у Драйзера были другие женщины. Он быстро влюблялся – и также быстро остывал в своей страсти. Но не забывал и Сару, постоянно с ней переписывался, заверяя в любви, хотя жениться не спешил. Он не мог порвать эти, изжившие себя, по его мнению, отношения. Почему? Дело в том, что Драйзер не любил обижать людей, и ему было даже страшно представить, что случится с Сарой, если он разорвет эту помолвку.

Этот период их отношений писатель так описывает в «Гении» от имени своего персонажа Юджина: «Вот уже три года, как он был знаком с Анджелой. Около полутора лет он не видел ее. За последний год в его письмах все меньше и меньше говорилось об их

отношениях... Ему трудно стало писать обычные любовные письма. Но он не позволял себе доискиваться причин этого, поскольку остерегался трезво разбираться в своих чувствах – это привело бы его к мучительному заключению, что он не может жениться на Анджеле, и заставило бы, так или иначе, освободиться от данного ей слова...»

Именно такие чувства испытывал молодой человек по отношению к своей невесте. «Он тянул, удерживаемый жалостью к ее уходящей молодости, удерживаемый ее любовью к нему, сознанием своей несправедливости – тем, что он отнял у нее столько лет и помешал ей иначе устроить свою судьбу».

Надо заметить, что Драйзер имел основания для своих опасений относительно Сары. Она любила его безумно и не представляла своей жизни без него. В наш совершенно неограниченный моральными нормами век они бы просто расстались и, возможно, их дальнейшая жизнь сложилась бы удачней. Однако тогда, обуреваемый угрызениями совести, мучась за свое отсутствие любви к Саре и испытывая моральное давление со стороны ее сестры, Драйзер все же попросил руки Сары.

28 декабря 1898 года в Вашингтоне Герман Теодор Драйзер и Сара Осборн Уайт сочтались законным браком (довольно знаменательная дата, поскольку именно в этот день в 1945 году писателю предстоит отойти в мир иной).

Молодые переезжают в Нью-Йорк и начинают совместную жизнь. Поскольку по роду своей деятельности Драйзеру приходилось контактировать с тогдашней интеллектуальной нью-йоркской богемой, он попытался ввести в этот круг и Сару, что, однако, закончилось неудачей. Сара не понимала многих из обсуждаемых проблем, не разделяла свободные взгляды на общественную мораль, в общем, она сразу оказалась среди друзей мужа «белой вороной». Хотя это не мешало ей с чисто женской проницательностью наблюдать равнодушное отношение многих представительниц этого общества к ее мужу. Начались сцены ревности, истерики, несправедливые упреки.

Необходимо отдать Саре должное. Она любила мужа, любила до беспамьтства. При помощи заботливых Сариных рук квартира Драйзера в Нью-Йорке была превращена в уютное гнездышко, в котором царил один бог – Драйзер. Что же испытывал сам писатель – известно только ему одному, однако есть сведения, что в то время у него были романы с другими женщинами.

В 1900 году Драйзер пишет свой первый роман – «Сестра Керри», в котором реалистично показывает многие негативные черты американского общества. Писатель очень много вложил в свое творение и питал надежды на его успех. Однако многие издательства отказались печатать книгу. Наконец, книга была выпущена тиражом... 1250 экземпляров, из которых было продано всего 456. Американское общество не приняло начинающего писателя: уж слишком он был откровенен, напоказ выставляя многие пороки общества. Неприятие его творения стало сильным ударом для Драйзера. У него начинается затяжная депрессия. Он просто не может писать, да и популярные журналы не особо нуждаются в его статьях. Материальное положение семьи ухудшается. Драйзеры переезжают из города в город в надежде, что новое место поможет выйти писателю из депрессии, однако ничего не помогает.

Только в 1904 году Драйзер восстанавливает свое душевное равновесие и чувствует, что может снова полноценно работать. Этот сложный четырехлетний период своей жизни он позднее также опишет в «Гении».

Большую часть этого периода времени Сара провела рядом с мужем. Она стоически терпела материальные трудности, жила надеждой на лучшее, упорно продолжая верить в своего Драйзера и стараясь вселить эту веру в него самого. Наверно, Сара давно уже поняла, что муж ее не любит, однако продолжала питать себя иллюзиями о том, что он поймет ее незаменимость.

Начиная с 1904 года в жизни Драйзера опять наступает светлая полоса. Сначала он устраивается штатным сотрудником газеты «Нью-Йорк Дейли Ньюс», далее возглавляет журналы «Стрит энд Смитс» и «Бродвей Мэгэзин» – и, наконец, апофеозом его журналистской карьеры стал пост главного редактора одного из крупнейших в Нью-Йорке журнального объединения «Баттерик».

С этого времени Драйзер стал достаточно влиятельной фигурой в нью-йоркском обществе, его материальное положение улучшилось настолько, что он смог позволить снять себе огромную квартиру в центре города, приобрести роскошную обстановку, автомобиль с шофером... Его семейная жизнь перешла в состояние «тихого штиля». Драйзер смирился с жизнью с нелюбимой женщиной, а Сара с тем, что муж ее не любит. Новое социальное положение, занимаемое Драйзером в обществе, не позволяло ему быть втянутым в скандал на любовном поприще. Он был уже не простым журналистом, а главой солидного издания, человеком, принимать которого удостаивали честью крупнейшие бизнесмены и сенаторы. На этих деловых приемах следовало появляться с законной супругой, дабы не вызвать нежелательных кривотолков в обществе и не пошатнуть свой авторитет. Американская общественная мораль была очень строга в этом вопросе.

Все для писателя складывалось удачно: хорошая работа, перспективы, стабильная семейная жизнь. Слишком удачно...

В определенном возрасте у некоторых мужчин появляется неудержимое влечение к молодым, красивым и немного наивным девушкам. А если человек еще совершенно неудовлетворен своей семейной жизнью, то эта тяга становится просто невыносимой. В случае с Теодором Драйзером таким желанным объектом стала Тельма Кудлипп, которую впоследствии он изобразит в «Гении» под именем Сюзанна.

Тельма была дочерью одной из сотрудниц журнала, редактором которого являлся Драйзер. Вот как писатель позднее опишет свое первое впечатление о Тельме: «Было что-то свое, особенное, в этой цветущей девушке, то мечтательно безразличной, с улыбкой, подобной дыханию ветерка, оживляющего поверхность вод. Большие голубовато-серые глаза... румяные, красиво очерченные губы и еще по-детски округлое розовое личико в ореоле пышных русых волос были полны неизъяснимого очарования, а ее девичий стан дышал и невинностью и сладострастием».

Наконец-то он нашел свою музу.

С этого времени Теодор потерял покой, совершенно не мог сосредоточиться на работе. Драйзера закружило в любовном вихре, он не мог ни дня прожить без Тельмы. А что же девушка? Она отвечала ему взаимностью, но были ли для нее эти отношения тем, чем они представлялись Драйзеру. Вряд ли... Тельме импонировало то, что такой видный человек как Драйзер носит ее буквально на руках, выполняя любые ее прихоти, и поминутно клянется в вечной любви.

Сара не могла не заметить разительные перемены в поведении мужа. Произошел откровенный разговор, во время которого Драйзер признался, что любит другую, и желает развода. Однако предоставим слово самому писателю, который наиболее красочно описывает тогдашние свои слова, обращенные к жене: «Да, мне нужна свобода!.. И я ее добьюсь... Мне опротивело лгать и притворяться. Мне опротивели твои пошленькие взгляды на жизнь, твои представления о том, что хорошо и что плохо. Вот уже одиннадцать или двенадцать лет, как я терплю это. Я, как арестант, сидел с тобой каждое утро за завтраком и каждый вечер за обедом. Я выслушивал твои рассуждения насчет жизни и возмущался каждым твоим словом и презирал теории. Я шел на то, чтобы не оскорблять твои чувства. Но теперь с этим покончено».

Многолетняя плотина недовольства семейной жизнью прорвалась. Однако Сара категорически отказалась дать Драйзеру развод. А тут еще нагрянула неприятность в виде матери Тельмы, Анны Кудлипп. Анна была страшно напугана признанием дочери о том, что она любит Драйзера и собирается с ним жить. Что значит жить вместе? Он же женатый человек!

Мать решила взять дело в свои руки, дабы избежать возможного позора, вызванного неопытностью и романтической влюбленностью дочери. Сначала Анна поговорила с Драйзером, который клятвенно заверил, что женится на ее дочери, как только получит развод. А получит ли он его вообще? За ответом на этот вопрос Анна Кудлипп отправилась к Саре Драйзер, которая в самой категорической форме заявила, что не даст развод ни при каких обстоятельствах.

И Анна начала действовать. Она увезла Тельму из Нью-Йорка и поселила под присмотром родственников. Далее отправилась на прием к владельцу журнала «Баттерик» Эрману Рижую и потребовала немедленного увольнения Драйзера с поста главного редактора, поскольку он пытался совратить ее дочь. В противном случае пообещала сообщить журналистам все подробности этой истории, а также присовокупить некоторые аспекты амурных походов самого Риджуэя с сотрудницами журнала. Такой «жаренный» материал нанес бы непоправимый ущерб репутации журнала, а в те времена репутация значила многое.

В конце сентября 1910 года в кабинет главного редактора журнала «Баттерик» Теодору Драйзеру явились владельцы журнала для серьезного разговора. Было сказано, что в связи с его скандальной любовной историей, которая грозит репутации компании, он в данный момент не может выполнять обязанность главного редактора. Драйзеру предложили взять по собственному желанию годичный отпуск. Он сразу все понял – и откуда вести об его истории, и что скрывалось под «годовым отпуском». И это после всех усилий, которые он вложил в развитие журнала!

Его финансовое положение сразу пошатнулось, ибо, получая на посту главного редактора журнала зарплату в 25 тысяч долларов, он мог позволить себе многое. А что теперь? Со всем придется расстаться? Со слугами, с машиной, с шикарной квартирой? Он не был готов к такому ходу событий. Дальнейшие события подкосили его еще больше. Тельма под нажимом матери заявила о решении на год уехать за границу, дабы на расстоянии проверить их чувства. Уехать именно теперь, когда она ему так сильно нужна, когда необходима ему как воздух?

Драйзер переселяется из дома в гостиницу, избавляясь от присутствия ненавистной ему жены. Он пишет письма Тельме, однако она ни одного не получает, поскольку письма перехватываются ее матерью.

Драйзер просто в отчаянии. Так 3 октября 1910 года он пишет Тельме: *«Цветочек мой, как ты мила. О Боже, как ты прекрасна и как воспоминания о тебе ранят. Если бы я потерял тебя... о нет – какая боль... Чувствуешь ли ты что-нибудь подобное? Скажешь ли ты об этом когда-нибудь? Почему ты молчишь?»*

*Тельма, милая! Сладенькая моя! Маленькая Синяя Птичка! Божественный огонь – я люблю тебя, люблю, люблю! Ты наполнила мои дни душевными муками и переживаниями, но они прекрасны. Ты стоишь всего – моих терзаний, моей работы, опасности публичного позора. Я с радостью плачу эту цену, и заплачу снова без малейших колебаний. Странно, не так ли? Но это правда».*¹

И все же Тельма уезжает, а Драйзер остается один...

Как известно, в этой жизни ничего просто так не происходит. Вполне возможно, что не случись этих событий, мы бы никогда не узнали великого писателя, а говорили бы о Теодоре Драйзере как об известном редакторе или, возможно, конгрессмене.

¹ Перевод А. Федорусь.

Оставшись один, Драйзер переезжает в скромную квартиру с видом на Гудзон и погружается в работу над новым романом – «Дженни Герхардт». Это был уже не тот молодой мечтатель, написавший свой первый роман «Сестра Керри». Нет, это реалист, осознающий, что, вполне возможно, его книги не будут приняты общественной ханжеской моралью из-за своей откровенности, однако он будет бороться за свои книги, будет писать, чего бы ему это не стоило.

В октябре 1911 года «Дженни Герхардт» увидела свет в издательстве «Харперс». Роман, в основу которого писатель положил реальную историю, происшедшую с одной из своих сестер, был принят критикой достаточно благожелательно.

В 1912–1914 годах Драйзер пишет романы «Финансист» и «Титан», прототипом главного персонажа которых послужил известный американский миллионер Чарльз Йеркес. В этих произведениях Драйзер одним из первых американских писателей открыто показал механизмы накопления богатств представителями тогдашней бизнес-элиты. Не стоит и говорить о том, что с подачи последних романы были раскритикованы в прессе и продавались очень плохо (а «Титан» вообще не хотели издавать!).

Все произведения писателя шокировали общество своим реализмом. Драйзер писал о том, о чем пресса и писатели старались умалчивать – социальные проблемы, двойная общественная мораль, деньги, заработанные на обмане людей. Каждую его книгу критика и пресса встречала в «штыки». Поэтому выход в 1915 году нового романа «Гений» произвел очередной взрыв в американском литературном обществе. Основной тематикой романа Драйзера стала судьба таланта в американском обществе. Писатель прослеживает жизнь молодого талантливоего художника Юджина Витлы, вынужденного отказаться от многих своих творческих стремлений в угоду суровым реалиям рыночных отношений. Осведомленный читатель без труда найдет большое сходство между главным героем и самим писателем.

Сам Драйзер так писал об этом романе: «Я имел в виду не какого-либо определенного художника, когда написал книгу, а сплетение обстоятельств в моей собственной жизни и в жизни других людей, которые интересовали и волновали меня». А в письме своему другу Генри Менкену замечал: «...это жестокая вещь, но взятая из жизни».

Интересна история написания романа. Первый вариант «Гения» Драйзер закончил писать в августе 1911 года. В первоначальном варианте роман имел, как выразились бы в наше время, хеппи-энд – после всех трудностей Сюзанна все же выходит замуж за Юджина Витлу. Издатели, ознакомившись с рукописью и как бы предчувствуя скандал, который может вызвать роман, в один голос утверждали, что данная тематика совершенно не заинтересует читающую публику. Писатель был вынужден на время отложить издание романа. В 1913–1914 годах Драйзер фактически переписывает роман заново, в частности, переписывая его концовку.

Сразу после выхода «Гения» большинство газетных и журнальных литературных критиков гневно обрушились на новое детище писателя. «Нью-Йорк Таймс»: «Теодор Драйзер еще раз избрал в качестве героя своей книги ненормального человека и написал о нем ненормально длинный роман... Он от начала до конца слишком реалистичен, а также слишком угнетающ и неприятен...».

Журнал «Харперс»: «Г-н Драйзер, этот хроник вульгарных американцев, катастрофически провалился со своим «Гением».

«Нью-Йорк Ворлд»: «Гений» Теодора Драйзера, история художника, жаждущего известности и гонящегося за женщинами, написана на 736 страницах, весит фунт и три четверти и содержит примерно 350 тыс. слов. Было бы лучше, если бы она была меньше на 350 тыс. слов, легче на фунт и три четверти и короче на 736 страниц. Г-н Драйзер должен отказаться от мысли, что, раз он достиг успеха двумя сексуальными романами, он может продолжать до бесконечности заполнять толстые тома остатками страсти».

«Радужный» прием прессы в очередной раз неприятно удивил писателя. Драйзер, правда, рассчитывал, что такая реакция критиков подстегнет общественное любопытство к его роману, однако не учел психологию тогдашних американцев, для которых мнение прессы о книге имело решающий вес. До конца года было продано всего 6577 экземпляров.

Но только неприятием романа критикой и плохим тиражом на этот раз неприятности писателя не закончились. В 1916 году «Нью-Йоркское общество борьбы с пороком» запретило дальнейшее распространение «Гения», как «богохульного и непристойного произведения».

Стоит немного остановиться на деятельности этой организации. Полуофициальное «Нью-Йоркское общество борьбы с пороком» было создано во второй половине XIX века Энтони Комстоком и было наделено большими правами. На эту организацию власти штата Нью-Йорк возложили «почетную» миссию внедрения в жизнь законов, направленных против непристойностей – чем ее члены с энтузиазмом и занимались. Так к «подвигам» общества можно отнести запрещение распространения в США таких книг, как «Три мушкетера» А. Дюма, сборника од Горация, произведений Э. Сю. С их подачи были арестованы более 3 тысяч человек, уничтожено более 30 тонн книг и почти 4 миллиона репродукций картин. В общем, организация плодотворно стояла на страже американской нравственной морали.

После выхода романа глава общества Джон Самнер прочел «Гения» и нашел 17 «нечестивых», а также 75 «бесстыжих» мест! Это вынудило этого благопристойного человека лично отправиться в издательство и потребовать изъять книгу из продажи. «Мы смотрим на эту книгу с точки зрения ее воздействия на читательниц-женщин с незрелым умом, – писал он в ноябре 1916 года... – Совершенно ясно, что чтение подобной книги молодой женщиной окажет на нее весьма пагубное влияние».

Издатели, не желающие вступать в конфликт с фанатиками из общества, начали отзывать роман из магазинов. Драйзер, опасаясь за сохранность типографических матриц с текстом книги, был вынужден тайком вывезти их в соседний штат Нью-Джерси. Однако это уже был не тот начинающий литератор, который после отказа издавать его роман «Сестра Керри» впал в депрессию. Перед нами предстает уже состоявшийся писатель, готовый отстаивать право на жизнь своего произведения, как перед критиками, так и перед обществом в целом.

Друзья писателя разослали сотни частных писем писателям, журналистам и издателям с просьбой высказаться в поддержку Драйзера. В его защиту выступили такие мастера слова, как Джек Лондон, Синклер Льюис. Поддержала Драйзера и Лига писателей Америки. Из Европы Герберт Уэллс и ряд других писателей прислали телеграмму: «Мы считаем, «Гений» – произведение с большими литературными достоинствами, и поддерживаем протест Лиги писателей Америки против его запрещения».

Драйзер постоянно дает интервью в прессе, защищая свою книгу и призывая освободить литературу от общественных цензоров. «Я смотрю на вмешательство в мои дела... как на акт грубого произвола и опасаясь за судьбу интеллигента в Америке, – писал он в статье, опубликованной в конце 1916 года. – Вмешательство «общества борьбы с пороком» в серьезную литературу представляется мне наихудшей и наиболее развращающей формой тирании, которую только может придумать человеческий разум и которая вскрыла всю глубину невежества и нетерпимости и пресекает инициативу и вдохновение в самом зародыше... В литературе пытаются насадить царство террора. Когда оно кончится?».

К большому сожалению, поддержка Драйзера многими видными литературными организациями не имела существенного эффекта – запрет с книги снят не был, ибо, по словам Джона Самнера, «... группа людей не должна пытаться навязать обществу ее собственное понимание того, что является приличным или неприличным». Надо заметить, что господин

Самнер с полным правом мог адресовать эти слова и к своей собственной организации, ведь именно его общество присвоило себе право судить о том, что нравственно, а что нет!

И хотя Драйзер был уже закаленным в моральном плане бойцом и запрет «Гения» не мог сильно подкосить его в душевном плане, однако, по словам биографа писателя Сванберга, «теперь для него было абсолютно невозможным писать новые романы, которые могли запретить, даже если бы он мог позволить себе такую роскошь, и пройдет целое десятилетие между «Гением», который превратил его в бедняка, и следующим романом, который принесет ему относительное благополучие. Кто знает, что еще сошло бы с его пера, если бы его не ограничивали, а поддерживали?». Писатель сосредотачивается на публицистической деятельности, пишет рассказы, многие из которых отвергаются издателями. Осенью 1919 года судьба свела его с Элен Ричардсон, молодой актрисой и его дальней родственницей. Между ними сразу вспыхнула симпатия, быстро перешедшая в неразрывную привязанность. Драйзер так позднее описал эту встречу:

«Какими словами описать глубочайшее из переживаний? Какими красками передать то, что есть самая сущность и потому так неуловимо и не имеет резких оттенков? Думается мне, что лучше всего начать с того серого ветреного сентябрьского дня, когда я сидел за письменным столом в моей мастерской на 10-й улице в Нью-Йорке и писал; услышав звонок, я несколько минут раздумывал, отворить ли дверь...

Я встал, накинул на себя синий китайский халат, который всегда лежал у меня под рукой на случай, если окажется необходимым придать себе более импозантный вид, и подошел к двери. При этом я заметил, что надел халат наизнанку, а это, как известно, является самым бесспорным предзнаменованием неотвратимых перемен. Я не знаю случая, когда бы эта примета не оправдалась... Я отворил дверь. Наградив меня такой молодой, радостной, невинно-простодушной улыбкой, какой (так мне показалось в ту минуту) я не видел ни у кого уже много лет, она осведомилась, здесь ли я живу, и назвала меня при этом моим полным именем.

— Здесь, и я перед вами.

— Ах, в таком случае я ваша родственница, племянница Ви, — мелодичной скороговоркой промолвила девушка. — И Ви взяла с меня слово...

— Если вы племянница моей двоюродной сестры Ви или состоите в каком-либо другом близком или дальнем родстве со мной, прошу вас, войдите, — прервал я ее с тем радушием, с каким встречают луч солнца, неожиданно проникший в подземелье. Такими лучистыми были ее глаза и улыбка. До этой минуты я никак не думал, что среди моих родственников может быть такая восхитительная девушка. Что говорить, яркий луговой цветок столь же противоположен грубому сорняку, выросшему на худосочном городском сквере. Маленькая кокетливая газель рядом с клыкастым кабаном, злым и диким... Пьеретта, разодетая для майского праздника, и старый Борея, мрачный и хмурый. И все же я старался улыбаться и чувствовать себя молодым душой, и мне даже удалось достичь чего-то, у меня не хватает духу сказать — чего. Кто это писал:

«...заставляя веселое солнце озарять тусклые сердца тех, для кого красота — потребность души?»).

Через несколько дней после знакомства Драйзер признался Элен в любви.

Так провидение подарило Драйзеру любимого человека и верного помощника до конца его жизни.

В 1925 году вышел новый роман писателя «Американская трагедия». В романе, объединившем жанр детектива и философские размышления, Драйзер показал основную суть так называемой «американской мечты» о богатстве, ради достижения которой люди готовы идти на убийство.

Книга, основанная на реальных событиях, была встречена с восторгом как критиками, так и читателями. Впервые книга Драйзера не подверглась критике, и даже больше – стала литературной сенсацией. Его издатель, Хоррест Ливрайт, писал: «Рецензии поразительны, полны энтузиазма, воздают вам должное. Ваше выдающееся положение в литературе признано, продажа идет блестяще».

«Мы вскоре поняли, – вспоминала Элен Ричардсон, – что с этого момента в нашей жизни может быть все, кроме спокойствия. Не успели мы распаковать наши вещи, как... сразу окунулись в водоворот событий, вызванных огромным успехом «Американской трагедии». Хоррест Ливрайт предвкушал колоссальный успех. Происходили совещания за совещаниями; шли переговоры о продаже книги для кино, о постановке пьесы за границей, о постановке ее на Бродвее».

После успеха «Американской трагедии» читатели стали активно покупать и другие романы писателя – «Гений», «Сестру Керри», «Дженни Герхардт».

Как и многие представители передовой интеллигенции, Драйзер был разочарован общественным устройством Америки. Огромные различия между уровнем жизни разных частей населения вызывали протест у таких людей с обостренным чувством справедливости, как Драйзер. Этот протест приводил к поиску новых утопических форм общественного строя, где бы все люди были равны и не было ни богатых, ни бедных. Под влиянием подобных мыслей писатель неизбежно склоняется к коммунистическим идеям о всеобщем равенстве и братстве, примером воплощения которых он видел Советский Союз. «Я знаю так мало правды об условиях в России, – писал Драйзер, – что я не осмеливаюсь высказывать свое мнение в отношении окончательного результата того, что там происходит, но я действительно надеюсь, что нечто прекрасное и большое и бессмертное выйдет из этого».

Драйзер загорелся идеей побывать в Советском Союзе. Он говорил: «У России есть мечта... Мне нужны идеалы. И такой я представляю себе Россию. Меня интересует она сама, происшедшие изменения, ее идеалы, ее мечты». Просоветские взгляды известного американского писателя не остались незамеченными в Москве, которой в то время необходимо было создать позитивный имидж страны на мировой арене. Что могло быть лучшей характеристикой преимуществ коммунистического строя, чем слова такого человека, как Драйзер?

Россия понемногу восстанавливалась после разрушительной гражданской войны благодаря вынужденному НЭПу, который многие «товарищи» считали предательством идей революции. В страну еще позволяли приезжать, а самое главное – уезжать, иностранным журналистам, бизнесменам, писателям. И что самое замечательное, иностранцы еще имели возможность общаться с настоящими пролетариями, а не с «подсадными» агентами НКВД. На этой последней волне демократических свобод осенью 1927 года Драйзер получает официальное приглашение от правительства России принять участие в праздновании десятой годовщины Октябрьской революции.

В сопровождении переводчика писатель на протяжении нескольких месяцев путешествует по России. Он встречается с представителями так называемой «новой пролетарской интеллигенции, рабочими, крестьянами». И всюду слышит восторженные отклики людей, как хорошо живется в стране, где «так вольно дышит человек». Писателя окружают таким вниманием, которое ему и не снилось в Америке. В его честь устраиваются приемы и торжества, его знакомят со всеми историческими достопримечательностями. Как известно, человек видит то, что он хочет видеть, и верит в то, во что хочет. Не избежал этого и Драйзер. «Мой визит в Россию, – писал он Анри Барбюсу, – явился восхитительным именно потому, что я видел, как рабочие и крестьяне в действительности создают жизнь, справедливую ко всем тем, кто хочет трудиться, и в которой ничего не припасено для бездельников и транжир». Только вот не знал великий писатель, что всех так называемых «бездельников и транжир», в лице составляющих цвет нации интеллигенции и дворян, уже давно поставили к

стенке в подвалах ЧК, а кто успел убежать – работали таксистами и швейцарами от Парижа до Нью-Йорка!

Возвратился из поездки Драйзер в полной убежденности, которую он сохранил до конца жизни, что «Россия – это единственная социальная надежда мира... Она сделала и делает для будущего человечества значительно больше, чем остальные страны мира, вместе взятые». В 1928 году писатель на основе своих впечатлений публикует книгу «Драйзер смотрит на Россию».

Осенью 1930 года писатель был номинирован на Нобелевскую премию по литературе. Именно Драйзеру большинство литературных критиков прочили приз Шведской королевской академии... А награду получил другой американский писатель – Синклер Льюис. Драйзер отнесся к такому повороту событий совершенно спокойно, заметив: «Я не могу себе представить, чтобы эта премия уменьшила или улучшила умственное состояние любого серьезного писателя».

Драйзер сосредотачивается на публицистической и общественной деятельности. В 1944 году, после долгих лет игнорирования, последовало официальное признание литературных заслуг Драйзера – Американская академия искусств и литературы награждает писателя почетной медалью за выдающиеся достижения в области искусства и литературы. В решении академии указывалось, что Драйзер награждается «не только за высокие качества таких книг, как «Американская трагедия», «Сестра Керри», «Двенадцать мужчин» и многие другие, но также за Ваши отвагу и честность, с которыми Вы пробивали путь в качестве пионера, воссоздающего в прозе подлинных живых людей и настоящую Америку». Писатель отправляется в Нью-Йорк за наградой. Не обошлось и без неприятных эксцессов. По традиции каждый лауреат премии выступал с благодарственной речью. Драйзер в своем будущем выступлении собирался затронуть проблемы современного искусства, однако текст речи, отправленный на предварительное ознакомление в академию, был возвращен с предложением полностью его переделать. Писатель счел такой жест личным оскорблением. В день награждения он медленно взобрался на сцену, принял награду... и молча вернулся на свое место в зале.

В том же году произошло радостное событие в личной жизни писателя. Поскольку первая жена Драйзера, Сара, много лет не давала ему развод, писатель был вынужден жить вместе с Элен Ричардсон гражданским браком. В 1942 году Сара умерла, вследствие чего Драйзер стал свободным человеком как по закону, так и по канонам католической церкви. И вот, вскоре после награждения Академией искусств, в небольшом городке Стивенсон, штат Вашингтон, состоялось бракосочетание между Германом Теодором Драйзером и Элен Ричардсон.

Последние годы своей жизни писатель полностью отдается работе над двумя романами – «Стоиком» (завершающей частью «Трилогии желаний») и «Оплотом» (историей падения нравов в американской квакерской семье). «День за днем мы работали с ним, сидя друг против друга за его длинным рабочим столом; Тедди покачивался в старомодном желтом кресле-качалке, а я печатала на машинке, – вспоминала Элен Ричардсон. – Иногда мне не хватало места, чтобы разложить перепечатанные страницы, тогда мы переходили в столовую и устраивались за большим испанским столом. Тедди тащил за собой кресло-качалку, усаживался в него, и, покачиваясь, продолжал диктовать. Упорство, с каким он работал, было просто невероятным; в сущности, за редкими исключениями, его ничто больше тогда не интересовало».

Теодор Драйзер скончался 28 декабря 1945 года. «Мир и покой, недоступные человеческому пониманию, снизошли на него. В его кончине было великолепное благородство, словно каждый атом его тела обрел полный покой».

Творческое наследие Драйзера намного пережило писателя. Поколение сменяется поколением, но книги Драйзера продолжают притягивать читателей в поисках ответов на

актуальные вопросы о добре и зле, любви и ненависти, благородстве и подлости. Все также мы продолжаем переживать вместе с главными героями его романов, представляя себя на месте Клайда Гриффитса или Френка Каупервуда. А именно этот интерес и является показателем истинного величия литературного гения Теодора Драйзера!

Д. Корнейчук

Гений

Юджин Витла, обещаешь ли ты взять эту женщину себе в жены, чтобы жить с ней согласно воле божьей в священном браке? Обещаешь ли ты любить ее, беречь, почитать, лелеять в болезни и здоровье и, отказавшись от всех других, быть верным ей одной, пока смерть не разлучит вас?

Обещаю.

Книга первая Юность

Глава I

Действие этой повести начинается между 1884–1889 годами в городе Александрии, небольшом административном центре штата Иллинойс. Собственно городом Александрию с ее десяти тысячным населением можно было назвать лишь в той мере, в какой она перестала быть деревней. В описываемую пору в ней имелись: одна линия конки, театр, носивший название «Оперы» (неизвестно почему, так как там никогда не ставилась ни одна опера), два вокзала, по числу проходивших здесь железных дорог, и так называемый деловой центр, в сущности, четыре тротуара вокруг главной площади, на которых обычно толкался народ. В деловом центре города находился окружной суд и редакции четырех газет – двух утренних и двух вечерних. Газеты эти не без успеха старались довести до сознания своих читателей, что на свете много всяких вопросов как местного, так и общегосударственного значения и что жизнь ставит человеку немало интересных и разнообразных задач.

Несколько озер и живописная речка на окраине – пожалуй, самая приятная особенность окрестного пейзажа – сообщали Александрии характер недорогого курорта. Строения в городе были не новые, почти сплошь деревянные, как и вообще в американском захолустье того времени, но некоторые кварталы выглядели даже нарядно. Дома здесь стояли в глубине зеленых палисадников, и обрамлявшие их живые изгороди, неизбежные цветочные клумбы и вымощенные кирпичом дорожки с непреложностью свидетельствовали о достатке и комфорте, которым наслаждались их обладатели. Александрия была городом молодых американцев. Ее дух был молод. Перед каждым еще простирались неведомые дали. Здесь можно было жить и радоваться жизни.

В этом городе обитала семья, которая по своему положению и составу могла считаться типичной для Америки, в частности, для ее Среднего Запада. Семью эту нельзя было назвать бедной – во всяком случае, она себя такой не считала, – но она отнюдь не была и богатой. Отец, Томас Джефферсон Витла, агент по продаже швейных машин, был в округе главным поставщиком одной из наиболее известных и ходких марок. Продажа каждой машины стоимостью в двадцать, тридцать пять и шестьдесят долларов приносила ему тридцать пять процентов комиссионных. Машин продавалось немного, но достаточно, чтобы агент мог выручить от этих операций до двух тысяч долларов в год. На эти средства мистеру Витле удалось приобрести участок земли и дом, который он уютно обставил, и открыть на главной площади лавку, где были выставлены последние модели швейных машин. Он также принимал в обмен подержанные машины других марок, со скидкой от десяти до пятнадцати долларов с продажной цены новой машины, занимался починкой и, сверх всего прочего, с истинно

американской предприимчивостью, пробовал свои силы в страховом деле. Он взялся за него в расчете, что к тому времени, как сын его, Юджин Теннисон Витла, подрастет, страховое дело достаточно разовьется, и он передаст ему эту часть своей работы. Конечно, пока еще трудно было сказать, что выйдет из его сына, но всегда хорошо иметь что-нибудь про запас.

Мистер Витла, рыжеватый блондин невысокого роста, с голубыми глазами, приветливо глядевшими из-под густых бровей, орлиным носом и вкрадчивой, подкупающей улыбкой, был человек живой и энергичный. Необходимость внушать несговорчивым матронам и их равнодушным или косным мужьям, что им не обойтись без новой швейной машины, вырабатывала в нем осторожность и такт, а также известную изворотливость. Он умел принаравливаться к людям. Его жена считала, что даже слишком. И уж во всяком случае мистер Витла был честен, трудолюбив и бережлив. Ему с женой пришлось долго ждать того дня, когда можно будет сказать, что у них есть свой собственный дом и припасено кое-что про черный день. Но когда это время наступило, у супругов Витла уже не было основания жаловаться на судьбу.

Их славный домик, белый с зелеными ставнями, ютился в тени высоких густых деревьев, а перед домом раскинулась низко подстриженная лужайка с тщательно разделанными клумбами. На террасе стояли кресла-качалки, под одним деревом висели качели, под другим – гамак, а в сарае помещались шарабан и несколько фургонов, в которых Витла разъезжал со своим товаром. Он любил собак и держал двух шотландских овчарок. Миссис Витла обожала все живое: у нее была канарейка, кошка, куры, а в скворечнице, укрепленной на высоком шесте, обитало несколько дроздов. Словом, это был прелестный уголок, и супруги Витла по праву гордились им.

Мириэм Витла была своему мужу доброй женой. Дочь владельца фуражной лавки в Вустере, что в графстве Мак-Лин, небольшом городке близ Александрии, она никогда не выезжала дальше Спрингфилда и Чикаго. В Спрингфилд она попала еще в ранней юности, по случаю похорон Линкольна, а в Чикаго съездила вместе с мужем, чтобы побывать на ярмарке, которую штат ежегодно устраивал на городской набережной. Миссис Витла хорошо сохранилась, она все еще была красива; под ее внешней сдержанностью скрывалась поэтическая натура. Это она настояла на том, чтобы назвать их единственного сына Юджин Теннисон – в честь своего брата Юджина, а заодно и прославленного поэта, – такое сильное впечатление произвели на нее «Королевские идиллии».

Имя Юджин Теннисон казалось папаше Витла несколько вычурным для американского мальчика, уроженца Средне-Западных штатов, но он любил жену и обычно считался с ее желаниями. Имена Сильвия и Миртл, которые она выбрала для дочерей, ему даже нравились. Все дети были хороши собой. Черноволосая, темноглазая Сильвия, энергичная, здоровая, всегда улыбающаяся, в двадцать один год цвела, как роза. Сестра ее, более хрупкого сложения, миниатюрная, бледная, застенчивая, была необычайно мила – совсем как цветок мирта, имя которого она носит, говорила про нее мать. Прилежная, мечтательная, склонная к уединению, она любила стихи. Все юные денди из старших классов считали за честь пойтись с Миртл, но в ее присутствии не могли сказать двух слов. И она не знала, о чем с ними говорить.

Юджин Витла, двумя годами моложе Миртл, был любимцем семьи. У него были гладкие черные волосы, темные миндалевидные глаза, прямой нос и красиво очерченный, но, пожалуй, безвольный подбородок. Все находили необыкновенно приятной его улыбку, обнажавшую ровные белые зубы, которыми он словно гордился. Он не отличался крепким здоровьем, был подвержен частой смене настроений и рано стал проявлять черты артистической натуры. Плохое пищеварение и некоторое малокровие делали его более хрупким на вид, чем он был на самом деле. Под броней сдержанности в нем таилась пламенная, страст-

ная душа, кипели бурные желания. Он был застенчив, самолюбив, не в меру чувствителен и очень неуверен в себе.

Дома он слонялся без дела, зачитывался Диккенсом, Теккереем, Скоттом и По и, глотая книгу за книгой, размышлял о жизни. Его манили большие города. Он мечтал о путешествиях. В школе на переменах он читал книги Тэна и Гиббона, дивясь пышности и красоте описываемых ими королевских дворов. Уроки языка, математики, естествознания и физики казались ему скучными, интерес к ним просыпался у него лишь временами и ненадолго. Иногда вдруг какие-то вещи представлялись ему занятыми – что такое на самом деле облака, из чего состоит вода, какие химические элементы входят в состав земли. Но охотнее всего он лежал в гамаке и, будь то весной, летом или осенью, глядел в голубое небо, просвечивающее сквозь верхушки деревьев. Коршун, парящий в небе и как бы застывший в созерцательном полете, надолго приковывал к себе его внимание. Чудесное зрелище белоснежных облаков, которые, клубясь, несутся по ветру, словно плавучий остров, было для него подобно песне. Он не лишен был остроумия и обладал чувством юмора и чувством пафоса. Порой ему казалось, что он будет заниматься живописью, порой – что писать стихи. Он угадывал в себе склонность и к тому, и к другому, но не занимался, в сущности, ни тем, ни другим. Иногда он делал какие-то наброски – ничего законченного: уголок крыши, выходящий из трубы дымок и летящие птицы; излучина реки со склонившейся над водою ивой и тут же лодка у причала; мельничная запруда со стайкой плавающих уток и мальчик или женщина на берегу. У него не было еще в то время дара изображения, а только очень острое чувство красоты. Очарование летящей птицы, пышно распустившейся розы, дерева, раскачивающегося на ветру, – все захватывало его. Он любил бродить вечерами по улицам родного города, любуясь яркими витринами и наслаждаясь ощущением молодости и воодушевления, которое дает толпа, и ощущением ласкового уюта от освещенных окон домов, просвечивающих сквозь густые деревья.

Он восхищался девушками, они влекли его, – но только те, что были по-настоящему красивы. В школе были две-три девушки, при виде которых ему приходили на память поэтические сравнения из книг: «красота – что стрела, пущенная из лука», «золотые косы, дивный стан», «прелестный образ, поступь феи», но он терялся и робел в их присутствии. Они казались ему прекрасными, но такими далекими. Его воображение наделяло их большей красотой, чем это было на самом деле, – красота жила в его душе, но он еще не знал этого. Одна девушка, чьи густые волосы, золотистые, как спелые колосья, тугими косами лежали на затылке, долго занимала его мысли. Он обожал ее издали, а она и не подозревала, что он не сводит с нее серьезных горящих глаз, стоит лишь ей отвернуться. Вскоре она уехала, ее родители переселились в другой город, и время исцелило раны Юджина – ведь на свете много красоты. Но цвет ее волос и чудесные линии шеи запомнились ему навсегда.

Витла подумывал о том, чтобы дать детям высшее образование, но никто из них не обнаруживал влечения к наукам. Они были, пожалуй, мудрее книг, так как жили в мире воображения и чувства. Сильвия мечтала о материнстве. В двадцать один год она вышла замуж за Генри Берджеса, сына Бенджамина Берджеса, издателя газеты «Морнинг Эппил», и в первый же год у них родился ребенок. Миртл, погруженная в премудрости алгебры и тригонометрии, уже задумывалась над тем, выйти ли ей замуж или стать учительницей, так как скромные средства семьи требовали, чтобы она чем-нибудь занялась. Юджин учился, грезя наяву и не заботясь о том, чтобы приобрести полезные знания. Он немного писал, но эти попытки шестнадцатилетнего мальчика были ребячеством. Он рисовал, но не было никого, кто сказал бы ему, стоят ли чего-нибудь его рисунки. Все житейское, как правило, не имело для него значения, а в то же время его пугало, что жизнь ставит человеку практические задачи: продавать и покупать, как его отец, вести торговые книги, управлять делом. Все это смущало его, и он очень рано стал задумываться над тем, что его ждет. Он не возражал против занятия,

которое избрал для себя отец, но оно не интересовало его. Он думал, что для него это будет бессмысленной, скучной погоней за куском хлеба, да и страховое дело не лучше. Едва ли он когда-нибудь разберется в бесконечных дурацких параграфах страхового полиса. Когда по вечерам или в субботу он помогал отцу в лавке, это было для него сущим наказанием. Не лежала у него душа к этому делу.

Когда Юджину пошел тринадцатый год, мистер Витла уже стал понимать, что его сын не создан для коммерции, а когда тому минуло пятнадцать, он окончательно убедился в этом. Судя по книгам, которыми увлекался мальчик, и по его школьным отметкам, Юджина, видимо, не интересовали и школьные занятия. Миртл, которая была на два года старше брата, но в школе занималась в одной с ним классной, рассказывала, что Юджин меньше всего думает об уроках. Он глаз не отрывает от окна.

Опыт Юджина по части любовных увлечений был небогат. На его долю выпали те мимолетные переживания, которые суждены нам в ранней юности, когда мы украдкой целуем девушек или они украдкой целуют нас, – к Юджину относилось последнее. Он не увлекался какой-либо определенной девушкой. В четырнадцать лет одна юная школьница избрала его на вечеринке своим кавалером и во время игры в «почту», когда в темной комнате девичьи руки обвились вокруг его шеи и девичьи губы коснулись его губ, он испытал незабываемое ощущение; но больше им не пришлось встретиться. Вспоминая это первое переживание, Юджин мечтал о любви, но всегда робко, издали. Он боялся девушек, да и те, по правде говоря, боялись его. Они не могли его понять.

Но на семнадцатом году жизни, осенью, Юджин встретил девушку, которая произвела на него глубокое впечатление. Стелла Эплтон, его ровесница, была настоящей красавицей. Белокурая, с темно-голубыми глазами и тонкой, воздушной фигуркой, она была исполнена того веселого и простодушного очарования, которое и само не подозревает, как оно опасно для обыкновенного беззащитного мужского сердца. Она кокетничала с мальчиками не потому, что кто-нибудь ей особенно нравился, а потому, что это забавляло ее. В этом кокетстве не было, однако, ничего мелочного и дурного, просто она находила, что мальчишки все премилые, причем те, что поскромнее, привлекали ее, в сущности, больше, чем воображающие о себе умники. Юджин понравился ей своей робостью.

Он увидел ее в первый раз, когда был уже в выпускном классе. Стелла недавно поселилась в их городе и поступила в последний класс третьей ступени. Отец ее приехал из Молина, штат Иллинойс, получив место управляющего на новой, только что открывшейся здесь фабрике приводных ремней. Девушка быстро подружилась с Миртл – по-видимому, ее привлекал в Миртл кроткий нрав, тогда как ту привлекала веселость Стеллы.

Как-то днем, когда подруги шли по Главной улице, возвращаясь домой с почты, они повстречали Юджина, который шел к товарищу. Юджин почувствовал робость; завидев их издали, он хотел было бежать, но они уже заметили его, и Стелла с интересом его разглядывала. Миртл захотелось показать брату свою хорошенькую подругу.

– Ты не из дому? – спросила она, останавливая Юджина. Это давало ей возможность познакомиться с ним Стеллу; теперь он никак не мог улизнуть. – Мисс Эплтон, это мой брат Юджин.

Стелла наградила его светлой, поощрительной улыбкой и протянула руку, которую Юджин робко пожал. Он совсем растерялся.

– У меня ужасный вид, – пробормотал он извиняющимся тоном. – Я помогал отцу чинить шарабан.

– Пустяки, – сказала Миртл. – Куда ты идешь?

– К Гарри Моррису, – ответил он.

– Зачем?

– Мы пойдем за орехами.

– Я тоже не отказалась бы от орехов, – сказала Стелла.

– Я вам принесу, – любезно вызвался он.

Она опять улыбнулась.

– Буду очень рада.

Ей хотелось предложить ему взять их с собой, но она не решилась.

Юджин сразу подпал под власть ее чар. Стелла была похожа на одно из тех недостижимых созданий, которые и раньше появлялись на его горизонте. Чем-то она напоминала девушку с косами цвета спелых колосьев, только в той было больше человеческого и меньше сказочного. Стелла была прелестна. Нежная и розовая, как фарфоровая статуэтка, она казалась очень хрупкой, хотя на самом деле была здоровой и сильной. У Юджина захватило дыхание, но он чувствовал какой-то страх перед нею. Ему хотелось бы знать, что она подумала о нем.

– Ну, нам пора домой, – сказала Миртл.

– Я пошел бы с вами, если бы не сговорился с Гарри.

– Ладно, – ответила Миртл, – мы не обидимся.

Он попрощался, чувствуя, что произвел невыгодное впечатление. Глаза Стеллы смотрели на него вопросительно. Когда он отошел, она поглядела ему вслед.

– Какой он милый, – сказала она Миртл.

– Да, только ужасный нелюдим.

– Отчего это?

– Он не очень крепкого здоровья.

– Мне нравится его улыбка.

– Вот как? Я ему скажу!

– Нет, пожалуйста, не надо! Ведь ты не скажешь, правда?

– Нет, нет!

– Но у него в самом деле хорошая улыбка.

– Приходи к нам как-нибудь вечером, ты его непременно застанешь.

– С удовольствием, – обрадовалась Стелла. – Вот хорошо. Мне и вправду хотелось бы.

– Приходи в субботу с ночевкой. Он будет дома.

– Обязательно приду!

– Я вижу, он тебе понравился! – засмеялась Миртл.

– Он очень славный, – просто сказала Стелла.

Их вторая встреча и в самом деле произошла в субботу вечером, после того как Юджин вернулся с работы из страховой конторы отца. Стелла пришла к ужину. Он увидел ее в открытую дверь гостиной и помчался наверх переодеваться, – в нем пылал тот огонь юности, которого не может потушить расстроенное пищеварение или слабые легкие. Трепеща от радостного волнения, Юджин особенно усердно занялся своим туалетом, тщательно вывязал галстук и сделал аккуратный прямой пробор. Когда он через некоторое время спускался вниз, его мучила мысль, что ему надо сказать Стелле что-то умное, достойное его, а то она и не заметит, какой он интересный, но вместе с тем он боялся, как бы не осрамиться. Когда он вошел в гостиную, Стелла сидела с его сестрой у камина. Лампа под абажуром в красных цветах мягко освещала комнату. Это была обычная в таких домах гостиная – стол, покрытый голубой скатертью, простые фабричные стулья и полка с книгами, – но в комнате было уютно, и этот домашний уют чувствовался во всем.

Миссис Витла поминутно выходила из комнаты, занятая делами по хозяйству. Отца еще не было дома. Он поехал куда-то в другой конец округа, надеясь продать там одну из своих машин, – его ждали домой к ужину. Юджину было все равно, дома отец или нет. Мистер Витла, когда бывал в хорошем настроении, любил подтрунивать над детьми, причем всегда в одном и том же духе: он подмечал просыпающийся в них интерес к другому полу и пред-

сказывал, что все их пылкие увлечения завершатся когда-нибудь самым прозаическим образом. Он любил говорить Миртл, что она выйдет замуж за ветеринара, а Юджину прочил в жены некую Эльзу Браун, у которой, как уверяла миссис Витла, были сальные локоны. И Миртл и Юджин принимали эти замечания добродушно, Юджин даже достаивал их снисходительной усмешки – он любил шутку; но уже в этом возрасте он трезво судил об отце. Он видел, как жалко его занятие, и ему было смешно, что подобная профессия может предъявлять права и на него, Юджина. Он таил свои чувства, но в нем кипел протест против всего заурядного, словно раскаленная лава в кратере вулкана, который время от времени зловеще дымится. Ни отец, ни мать не понимали его. Для них он был странный мальчик, мечтательный, болезненный, еще не отдающий себе отчета в том, чего он, собственно, хочет.

– А, вот и ты! – сказала Миртл, когда он вошел. – Садись сюда.

Стелла встретила его чарующей улыбкой.

Юджин подошел к камину и стал в позу: ему хотелось произвести впечатление на девушку, но он не знал, с чего начать. Он так растерялся, что не мог сказать ни слова.

– Вот и не угадаешь, что мы делали! – зашебетала Миртл, приходя ему на помощь.

– А что? – смущенно отозвался он.

– А ты отгадай. Ну, попробуй.

– Хоть разочек, – прибавила Стелла.

– Жарили кукурузу, – осмелился предположить Юджин, невольно улыбаясь.

– То, да не то.

Это говорила Миртл.

Ее подруга не сводила с Юджина широко раскрытых голубых глаз.

– Еще разок, – предложила она.

– Каштаны! – догадался он.

Она весело кивнула. «Какие волосы!» – подумал Юджин. Затем спросил:

– А где же они?

– Вот вам один, – ответила его новая знакомая и, смеясь, протянула ему на ладони каштан.

Под действием ее ласкового смеха к нему стал возвращаться дар речи.

– Жадина! – сказал он.

– Как не стыдно! – воскликнула она. – А я отдала ему свой последний каштан. Не давай ему ничего, Миртл.

– Беру свои слова обратно, – поправился он. – Я не знал.

– Ничего он не получит! – заявила Миртл. – На, Стелла, держи, а ему не давай! – И она высыпала последние каштаны Стелле на ладонь.

Юджин понял, что от него требовалось. Это был вызов – его приглашали отнять каштаны силой. Пожалуйста, он готов.

– Ну дай же! – Он протянул руку. – Так не честно.

Стелла покачала головой.

– Только один! – настаивал он.

Она все так же медленно и решительно покачала головой.

– Только один, – просил он, придвигаясь.

Золотистая головка не сдавалась. Но рука, державшая каштаны, была так близко к Юджину, что он мог схватить ее. Девушка хотела было убрать ее за спину и там переложить каштаны в другую руку, но он подскочил и крепко сжал ее запястье.

– Миртл! Выручай! – позвала она.

Миртл бросилась на помощь. Их было двое против одного. В самом разгаре борьбы Стелла увернулась от Юджина и встала. Ее волосы задели его по лицу. Он крепко держал ее

маленькую ручку. На мгновение он заглянул ей в глаза. Что это было? Он не мог бы сказать. Но только он выпустил ее руку и подарил ей победу.

– Ну вот, – улыбнулась она. – А теперь я дам вам один каштан.

Он схватил каштан и засмеялся. Но гораздо больше ему хотелось схватить ее в объятия.

Незадолго до ужина вошел отец и подсел к ним, но немного погодя взял свежий номер чикагской газеты и ушел читать в столовую. А потом мать позвала всех ужинать, и Юджин сел рядом со Стеллой. Его занимало все, что она делала и говорила. Когда ее губы шевелились, он наблюдал за тем, как они шевелятся. Когда обнажались ее зубы, он думал о том, какие они красивые. Светлый завиток у нее на лбу манил его, словно золотой пальчик. Только сейчас он понял всю прелесть выражения «золотистые пряди волос».

После ужина он, Миртл и Стелла вернулись в гостиную. Отец продолжал читать в столовой, а мать принялась мыть посуду. Миртл вскоре ушла помогать ей, и Юджин остался со Стеллой вдвоем. Теперь, когда они были одни, Юджин не решался говорить. Что-то в ее красоте сковывало его.

– Ты любишь школу? – спросила она, помолчав. Ей казалось неудобным сидеть молча.

– Не очень, – ответил он. – Там нет ничего для меня интересного. Я думаю бросить учение и начать работать.

– А что ты собираешься делать?

– Еще не знаю, – может, стану художником.

Впервые он признавался в своем честолюбивом стремлении. Зачем, он и сам не знал.

Но Стелла пропустила это признание мимо ушей.

– Я боялась, что меня не примут в выпускной класс, – сказала она, – но меня приняли. Директор школы в Молине написал здешнему директору.

– Они в таких случаях ужасно придираются, – сочувственно отозвался он.

Она встала и принялась рассматривать книги на полке. Он не спеша последовал за ней.

– Ты любишь Диккенса? – спросила она.

– Очень, – сказал он серьезно.

– А мне он не нравится. Он слишком длинно пишет. Я больше люблю Вальтера Скотта.

– И я люблю Вальтера Скотта, – сказал он.

– Сейчас я тебе назову одну книгу, которая мне очень нравится.

Она замолчала, губы ее приоткрылись. Она силилась вспомнить название книги и подняла руку, словно хотела поймать его в воздухе.

– «Русое божество»! – воскликнула она наконец.

– Да, прекрасная вещь, – одобрил он. – Помнишь, как собираются принести в жертву Аваху?

– Да, и мне это понравилось.

Она взяла с полки «Бен-Гура» и стала неторопливо перелистывать книгу.

– Это тоже замечательный роман.

– Да, чудесный!

Они умолкли. Стелла подошла к окну и остановилась под дешевыми тюлевыми занавесками. Ночь была лунная. Деревья, в два ряда окаймлявшие улицу, стояли голые; трава была бурая, мертвая. Сквозь тонкие ветви, сплетавшиеся в серебряную филигрань, они различали огни ламп в других домах, светившиеся через приспущенные шторы. Человек прошел мимо – в полумраке мелькнула его черная тень.

– Красиво, правда? – сказала она.

Юджин подошел ближе.

– Замечательно, – ответил он.

– Скорей бы настали морозы и можно было кататься на коньках. Ты любишь коньки?

Она повернулась к нему.

– Ну еще бы, – ответил он.

– Ах, как хорошо на катке в лунную ночь. В Молине я много каталась.

– Мы здесь тоже часто катаемся. Ведь у нас тут два озера.

Ему вспомнились ясные хрустальные ночи, когда лед на Зеленом озере трескался с глухим гулом. Вспомнились шумные толпы конькобежцев, далекие тени, звезды. Юджин до сих пор не встречал девушки, с которой было бы приятно кататься. Он ни с одной не чувствовал себя легко. Однажды он упал вместе со своей спутницей, и это чуть не отбило у него охоту ходить на каток. Со Стеллой ему было бы приятно кататься. Он чувствовал, что и она, пожалуй, охотно будет кататься с ним.

– Когда подморозит, можно будет пойти всем вместе, – осмелился он сказать. – Миртл тоже катается.

– Вот и чудесно! – захлопала в ладоши Стелла.

Она долго, не отрываясь, смотрела в окно, потом вернулась к камину и, задумчиво потупившись, остановилась перед Юджином.

– Как ты думаешь, твой отец не уедет отсюда? – спросил он.

– Он говорит, что нет. Ему здесь нравится.

– А тебе?

– Да... теперь и мне нравится.

– Почему теперь?

– Потому что раньше мне здесь не нравилось.

– Почему?

– Да потому, должно быть, что я никого не знала. А теперь мне нравится.

Она подняла глаза.

Он подошел чуть ближе.

– У нас славный городок, – сказал он, – но мне тут нечего делать. Я думаю в будущем году уехать отсюда.

– Куда же ты поедешь?

– В Чикаго. Я ни за что здесь не останусь.

Она повернулась к огню, а он подошел к ее стулу и оперся на спинку. Она чувствовала, что он стоит совсем близко, но не шевельнулась.

– Но ведь ты вернешься? – спросила она.

– Возможно. Как сложится жизнь. Вероятно, вернусь.

– Вот уж не подумала бы, что ты собираешься так скоро уехать.

– Почему?

– Да ведь ты сказал, что здесь хорошо.

Он ничего не ответил, и она взглянула на него через плечо. Он совсем близко склонился к ней.

– Так ты будешь со мной кататься зимою? – выразительно спросил он.

Она кивнула.

Вошла Миртл.

– О чем вы тут беседуете? – спросила она.

– О том, какое у нас катание на коньках, – ответил Юджин.

– Ужасно люблю кататься! – воскликнула Миртл.

– Я тоже, – сказала Стелла, – что может быть лучше?

Глава II

Некоторые эпизоды следовавшей затем поры влюбленности – несмотря на всю ее мимолетность – оставили глубокий след в душе Юджина. Вскоре выпал снег. Зеленое озеро

замерзло, и они со Стеллой стали вместе ходить на каток. Стояли чудесные дни. Морозы держались так долго, что к Миллер-Пойнту, где запасались льдом, приезжали на подводах и выпиливали специальными пилами целые глыбы льда толщиной в фут. После Дня благодарения почти каждый вечер толпы школьников – мальчики и девочки – носились по льду, словно водяные жуки. Юджин не всегда бывал свободен – иногда вечерами и в субботу ему приходилось помогать отцу в магазине. Но каждый свободный вечер Миртл по его просьбе звала Стеллу, и они все вместе шли кататься. Иногда он приглашал девушку пойти вдвоем, и она нередко соглашалась.

Однажды, катаясь по озеру, они очутились у высокого берега, на склоне которого прилепилась кучка небольших домиков. Взошла луна, и ее ластивые лучи отражались в зеркальной поверхности льда. Сквозь черную гущу окаймлявших берег деревьев желтыми, приветливыми огоньками мерцали окна. Юджин и Стелла, намного опередившие остальных, решили повернуть обратно. Золотистые кудри девушки были скрыты вязаной шапочкой, из-под которой выбивалось несколько колечек; ее фигурку плотно облегал белый шерстяной свитер, доходивший до бедер, и юбка из толстого серого сукна; поверх чулок она надела белые шерстяные гамаша. В этот вечер она была особенно хороша и знала это.

Но когда молодые люди повернули назад, Стелла вскрикнула: у нее развязался конек.

– Подожди, – сказал Юджин, – я сейчас поправлю.

Она остановилась перед ним, а он, опустившись на колени, стал распутывать отстегнувшийся ремешок. Сняв конек, он взглянул вверх, и девушка, улыбаясь, тоже посмотрела на него. Юджин выронил конек и, обхватив ее руками, прижался лицом к серому сукну.

– Нехорошо это, – сказала она.

Однако она не противилась, чувствуя себя прекрасной героиней восхитительной сказки.

Сдернув с Юджина шерстяной шлем, Стелла провела рукой по его волосам. У него чуть не брызнули слезы, так он был счастлив. Вместе с тем это движение разбудило в нем жгучую страсть. Он крепко прижал ее к себе.

– Надень же мне конек, – благоразумно сказала она.

Он поднялся и хотел обнять ее, но она не позволила.

– Нет, нет! Не смей! Не то я с тобой никогда больше не пойду.

– Стелла! – взмолился он.

– Я говорю серьезно, – настаивала она. – Не смей этого делать!

Юджин подчинился, обиженный и немного раздосадованный. Он испугался ее решительного отпора. Ему и в голову не приходило, что она такая недотрога.

Как-то в другой раз несколько школьников устроили катание на санях, и Стелла, Юджин и Миртл получили приглашение. Ночь выдалась звездная, искрился снег, воздух был морозный, бодрящий. Огромный фургон сняли с колес, поставили на полозья, а внутри настлали соломы и накидали целый ворох шуб. За Юджином и Миртл завернули после того, как сани объехали уже с десятков таких домиков. Вскоре добрались и до дома Стеллы.

– Иди сюда! – крикнула ей Миртл, сидевшая далеко впереди брата. Это разозлило его.

– Садись со мной! – позвал он девушку, боясь, что сама она не решится.

Стелла пробралась к Миртл, но, видно, место пришлось ей не по вкусу, и она пересела в глубь саней. Юджин сделал энергичное усилие, чтобы освободить уголок возле себя, и девушка как бы случайно очутилась рядом. Он накинул на нее бизонью доху. Мысль, что Стелла с ним, наполняла его счастьем. Сани, звеня бубенцами, продолжали объезд городка, собирая остальных участников, и наконец вынеслись в поле. Мимо мелькали черные перелески, уснувшие в сугробах, и приникшие к самой земле тесовые фермерские домики, заиндевевшие окна которых изливали тусклый, романтический свет. Ярko горели звезды. Эта картина бесконечно взволновала Юджина: он был страстно влюблен, и тут, рядом с ним,

окутанная тенью, в которой слабо выделялось ее лицо, сидела любимая девушка. Он видел ее прелестный профиль, щеки, глаза, пушистые волосы.

Вокруг них болтали, пели, и под шум общего веселья Юджин незаметно обвил рукой талию Стеллы, взял ее руку в свою, заглянул в глубину ее глаз, пытаясь угадать ее мысли. Она всегда вела себя с ним сдержанно, уступая лишь до известного предела. Теперь он несколько раз украдкой поцеловал ее в щеку и раз – в губы, а потом, воспользовавшись минутой, когда было совсем темно, с силою привлек к себе и запечатлел на ее устах такой долгий, чувственный поцелуй, что она испугалась.

– Не надо, – в волнении отбивалась она, – не смей!..

Он подчинился, чувствуя, что зашел слишком далеко. Но очарование той ночи и красота девушки навсегда остались у него в памяти.

– Неплохо бы пристроить Юджина к газетной работе или к чему-нибудь в этом роде, – заметил как-то Витла-отец в разговоре с женой.

– Да, по-видимому, это – единственное, на что он годится, по крайней мере сейчас, – отозвалась миссис Витла, считавшая, что ее мальчик еще не нашел себя. – Со временем он займется чем-нибудь получше. Ведь ты знаешь, какого он слабого здоровья.

Витла подозревал в душе, что сын его просто ленив, но уверенности в этом у него не было. Он высказал предположение, что Бенджамин С. Берджес, будущий свекор Сильвии, редактор и владелец «Морнинг Эппил», мог бы дать Юджину место репортера или наборщика, чтобы постепенно познакомить его с делом. В «Морнинг Эппил» был, правда, небольшой штат, но мистер Берджес, вероятно, не откажется дать Юджину возможность начать с репортерских заметок – если у него есть к этому способности – либо с наборного дела, либо с того и другого. Однажды, встретившись с Берджесом на улице, Витла-отец вступил с ним в разговор.

– Послушайте, Берджес, не найдется ли у вас в газете местечка для моего сына, а? Он у меня все что-то пишет и воображает, будто и рисует неплохо, хотя его мазня, на мой взгляд, немногого стоит. Надо его куда-нибудь определить. В школе он бездельничает. Он мог бы, например, изучить типографское дело. Ему будет только полезно начать с азов, если явится потом охота пойти по этой части. Сколько вы ему положите для начала, неважно.

Берджес подумал. Юджин попался ему на улице. Ничего дурного он про него не слышал, разве только, что парень витает в облаках и держится букой.

– Пришлите его как-нибудь ко мне, – ответил он уклончиво. – Возможно, я что-нибудь для него и придумаю.

– Я был бы вам очень признателен, – сказал Витла. – А то он меня беспокоит.

На этом они расстались. Дома Витла рассказал Юджину об этой встрече.

– Берджес говорит, что мог бы взять тебя наборщиком или репортером в «Морнинг Эппил». Загляни к нему на этих днях, – сказал он сыну, который сидел у лампы и читал.

– Вот как? – спокойно отозвался Юджин. – Гм! Ну какой я репортер! Наборщиком я бы еще, пожалуй, мог быть. Это ты к нему обратился?

– Да, – сказал Витла. – А все-таки наведайся туда как-нибудь.

Юджин прикусил губу. Он понимал, что это намек на его склонность к безделью. Успехи его, и правда, были не очень-то велики. Но все же профессия наборщика – не блестящая карьера для человека с его запросами.

– Ну что ж, – решил он, – когда кончу учение.

– Лучше поговори с ним до окончания школы. А то как бы кто-нибудь другой не опередил тебя. А ведь тебе не вредно было бы испытать себя на такой работе.

– Поговорю, – послушно сказал Юджин.

И вот в конце солнечного апрельского дня он вошел в контору мистера Берджеса. Она помещалась в нижнем этаже трехэтажного здания газеты на городской площади. Мистер Берджес, заметно лысеющий толстяк, испытующе посмотрел на Юджина поверх очков в стальной оправе. В его жидких волосах пробивалась седина.

– Так вы не прочь поработать в газете? – спросил он юношу.

– Да, я хотел попробовать себя в этом деле, – ответил Юджин, – посмотреть, не придется ли оно мне по душе.

– Я могу вам сказать наперед, что в нем мало интересного. Ваш отец говорил мне, что вы пишете.

– Мне бы очень хотелось писать, но едва ли я справлюсь. Я охотно изучил бы типографское дело. А со временем, быть может, начну и писать, если у меня что-нибудь получится.

– Когда же вы могли бы приступить?

– Как только кончатся занятия в школе, если вы не возражаете.

– Пожалуйста. Мне, в сущности, никто не нужен, но я подыщу вам дело. Пять долларов в неделю вас устроит?

– Вполне, сэр.

– Ну, тогда приходите, как только освободитесь. Я посмотрю, что можно для вас сделать.

Движением пухлой руки он отпустил будущего наборщика и повернулся к облупленному столу темного орехового дерева, заваленному газетами и освещенному электрической лампой под зеленым абажуром. Юджин вышел, унося с собой запах свежей типографской краски и не менее въедливый запах еще не просохших газет. «Интересно попробовать, – подумал он, – но, возможно, это будет для меня напрасной тратой времени». Юджин был не слишком высокого мнения об Александрии. Когда-нибудь он отсюда выберется.

Редакция «Морнинг Эппил» ничем не отличалась от редакции всякой другой провинциальной газеты в любой точке земного шара. В первом этаже, окнами на улицу, находилась контора, а позади нее – печатный цех, где стоял единственный большой плоский пресс и печатные машины. Во втором этаже была расположена наборная с кассами для шрифта на высоких стеллажах, так как «Морнинг Эппил», как и большинство провинциальных газет, набиралась еще вручную; там же, по фасаду, помещался обшарпанный кабинет редактора, заведующего издательством и заведующего отделом городской хроники – ибо все трое были представлены в газете одним и тем же лицом: это был некто мистер Калейб Уильямс, которого Берджес откопал много лет назад неизвестно где. Уильямс был небольшого роста, тощий, жилистый человек, с острой черной бородкой и стеклянным глазом, который как-то странно смотрел на собеседника своим черным зрачком. Необыкновенно подвижный и разговорчивый, всегда в зеленом козырьке, низко надвинутым на лоб, с коротенькой терновой трубкой в зубах, Уильямс искусно управлялся со своими разнообразными делами и обязанностями. У него была бездна всяких познаний, накопленных за долгие годы газетной работы в столице. После бесконечных странствий по бурному житейскому морю он с женой и тремя детьми бросил, наконец, якорь в Александрии; закончив рабочий день, он бывал рад поговорить с кем угодно о жизни вообще и о своей в частности. С восьми утра до двух пополудни он занимался тем, что собирал скудные городские новости и либо сам писал заметки, либо редактировал. По округе у него был разбросан целый штат корреспондентов, которые раз в неделю присылали ему местные новости. Кое-чем снабжало его и агентство «Ассошиэтед пресс», а к тому же выручали две страницы стандартного приложения, на которых читатель находил рассказы, хозяйственные советы, медицинские объявления и прочее. Большую часть материала Уильямс пускал в печать не редактируя.

– В Чикаго мы уделяли всему этому много внимания, – рассказывал он всякому, кто попадался под руку, – но здесь с этим возиться не приходится. Да наш читатель, в сущности,

и не требует этого. Он ждет от газеты прежде всего местных новостей. А за этим я слежу очень внимательно.

Отделом объявлений ведал сам мистер Берджес. Мало того, он сам добывал объявления и следил, чтобы они были набраны сообразно с желаниями клиента и должным образом помещены, — в зависимости от того, как позволял газетный материал, и в соответствии с правами и притязаниями других клиентов. На нем держалась вся газета, он вел ее дела, и он же определял направление. Иногда он писал передовицы или же совместно с Уильямсом решал, в каком духе они должны быть написаны, принимал посетителей, приходивших в редакцию, и улаживал возникавшие трудности. Мистер Берджес предоставил себя и свою газету в полное распоряжение местных заправил республиканской партии, и это казалось вполне естественным, так как он сам был республиканцем по склонностям и темпераменту. Однажды ему даже предложили должность почтмейстера (в вознаграждение за кое-какие услуги), но он от нее отказался, потому что газета давала ему больше дохода, чем мог принести этот новый пост. К нему попадали все объявления по городу и округе, какие только могли ему доставить руководители республиканской партии, и таким образом он вполне преуспевал. Уильямс знал кое-что о сложных махинациях, в которые вовлекали Берджеса его политические связи. Но это несколько не тревожило прилежного труженика. Он рассуждал так: «Мне надо прокормить пять ртов, и этого с меня вполне довольно. Зачем мне соваться в чужие дела?» Таким образом, в редакции царил спокойная, деловая и, можно сказать, даже приятная атмосфера. Работать здесь было одно удовольствие.

На Юджина, попавшего сюда прямо со школьной скамьи, когда ему едва минуло семнадцать лет, самое сильное впечатление произвел мистер Уильямс. Этот человек ему решительно нравился. Со временем он подружился также и с Джоном Лайлом, работавшим за главной наборной кассой, и с неким Джоном Саммерсом, приходившим не регулярно, а лишь в тех случаях, когда поступал какой-нибудь экстренный типографский заказ. Юджин очень скоро узнал, что Джон Саммерс, седой молчаливый человек лет пятидесяти пяти, болен туберкулезом и сильно пьет. Он в самые различные часы украдкой исчезал из типографии минут на десять — пятнадцать. Все делали вид, будто ничего не замечают, потому что здесь никто никого не понукал. С работой так или иначе справлялись.

Джонас Лайл был более интересный тип. Лет на десять моложе Саммерса и гораздо здоровей его и крепче, он тоже был примечательная личность. Флегматичный по натуре, он кое-что прочитал на своем веку и любил пофилософствовать. Как вскоре узнал Юджин, Лайл успел поработать во всех концах Соединенных Штатов — в Денвере, Портленде, Сент-Поле, Сент-Луисе, где хотите, — и любил порассказать о своих бывших хозяевах. Стоило ему встретиться в печати сколько-нибудь выдающееся имя, как он тотчас шел с газетой к Уильямсу, — а позднее, когда они ближе познакомились, к Юджину, — и говорил: «Я знал этого парня, когда жил там-то... Он был почтмейстером (или кем-либо еще) в N. А смотрите, как в гору пошел!» В большинстве случаев он не был лично знаком с этими знаменитостями, но слышал про них, и отголоски их славы, донесшиеся до этого глухого захолустья, действовали на его воображение. В горячие часы он помогал Уильямсу править корректуру, был хорошим наборщиком и вообще честно исполнял свои обязанности. Но успеха в этом мире он не добился, так как был всего-навсего безотказным орудием в чужих руках. Юджин понял это с первого взгляда.

Вот этот-то Лайл и научил Юджина наборному делу. Он в первый же день показал ему, как устроены «гнезда», или «карманы», в кассах для шрифта, как размещены буквы, чтобы одни были ближе под рукой, чем другие, объяснил, почему некоторых букв дается больше и почему в одних газетах в определенных случаях употребляются прописные буквы, а в других — нет.

– Вот в Чикаго, когда я работал в «Трибюн», мы обычно выделяли курсивом названия церквей, пароходов, книг, гостиниц и всего прочего в этом роде, – рассказывал он. – Сколько знаю, больше ни в одной газете так не делают.

Вскоре Юджин узнал, что такое шпоны, гранки, верстатки; узнал, что пальцы постепенно приучаются определять по весу характер шрифта; что, как только приобретаешь известный навык, буквы почти механически ложатся обратно в свои гнезда и об этом даже не думаешь; все это Лайл словоохотливо сообщил своему ученику. Он требовал от него серьезного отношения к предмету, и Юджин, уважавший всякое знание, выслушивал его вдумчиво и внимательно. Юджин еще не представлял себе, чем ему хотелось бы заняться, зато он чувствовал, что хочет знать все. И хотя он и убедился вскоре, что не желает быть ни наборщиком, ни репортером, ни вообще кем-либо, причастным к провинциальной газете, все же некоторое время типография представляла для него интерес, так как он изучал здесь жизнь. И он весело работал за своим реалом, с улыбкой глядя на мир, расстилавшийся за открытым окном, читал какие-то забавные обрывки заметок, статей или местных объявлений – по мере того, как набирал их, – и думал о чудесах, которые мир держит в запасе для него, Юджина. В ту пору у него не было еще того огромного честолюбия, которое пробудилось впоследствии, но он был преисполнен надежд, хотя и не вовсе чужд меланхолии. Он видел в окно знакомых юношей и девушек, которые прохаживались без дела по улице или стояли на перекрестке; видел, как Тэд Мартинвуд разъезжает по городу в отцовском шарабане, как Джордж Андерсон слоняется по тротуару с видом человека, которому никогда не придется работать (его отцу принадлежала единственная в городе гостиница). В голове Юджина часто мелькали мысли о рыбной ловле, о катании на лодке и о том, как приятно было бы посидеть где-нибудь на траве с хорошенькой девушкой, но, увы, девушек, по-видимому, не особенно влекло к нему. Он был слишком робок. Порой он задумывался о том, как хорошо, вероятно, быть богатым. И мечтал.

Юджин был в том возрасте, когда хочется выражать свои чувства в пылких фразах. Но это был также возраст, когда застенчивость принуждает к сдержанности, хотя бы вы и были влюблены и обладали страстной натурой. То, что он говорил Стелле, казалось ему скучным и пошлым, и он больше вздохами выражал свои чувства. Но девушка тяготилась вздохами и предпочитала им пошлые излияния. Она уже тогда начала подумывать, что он немного странный, какой-то «взвинченный». Тем не менее он ей нравился. В городе стали считать, что Стелла его девушка. В маленьких городах и деревнях такие парочки – обычное явление среди школьников. Их видели всюду вместе. Отец подтрунивал над Юджином. Родители же Стеллы считали, что это просто детское увлечение и не столько с ее стороны (они знали, что их дочь не слишком интересуется мальчиками и не придает большого значения их чувствам), сколько со стороны Юджина. Они думали, что его сентиментальность скоро начнет тяготить Стеллу. Так оно и случилось.

Однажды на вечеринке, устроенной школьницами старших классов, затеяли игру в «деревенскую почту». Это одна из тех игр, в которых все сводится к поцелуям. Играющим задают вопросы, и с того, кто не ответил, берут фант. Тот, чей фант вынут, становится почтмейстером и вызывает кого-нибудь «за почтой». А это значит, что вы идете в темную комнату, где вас целует тот или та, кто вам нравится или кому нравитесь вы. Почтмейстеру дано право или власть – называйте как хотите – вызвать кого ему угодно.

На этот раз водить пришлось Стелле, которая попала раньше Юджина. Первая ее мысль была о нем, но оттого ли, что это делалось в открытую, или оттого, что ее втайне беспокоила порывистость Юджина, она назвала имя Харви Раттера. Харви был красивый мальчик, Стелла познакомилась с ним недавно, уже после встречи с Юджином. Она не была им увлечена, но он ей нравился, и юная кокетка была не прочь узнать его поближе. Сейчас ей представлялся удобный случай.

Польщенный Харви побежал на ее зов, и Юджина охватила бешеная ревность. Он не мог понять, почему Стелла так обращается с ним. Когда наступил его черед, он вызвал Бертю Шумейкер, тоже прехорошенькую девушку, которая ему нравилась, но которая, по его мнению, не могла сравниться со Стеллой. Для него было мукой целовать ее, тогда как он мечтал о другой. Когда он вышел, Стелла прочла в его глазах обиду, но притворилась, что ничего не замечает. А между тем, несмотря на деланную веселость, его вялый и понурый вид бросился всем в глаза.

Потом Стелла опять проштрафилась, и на этот раз вызвала Юджина. Он пошел, но обида еще кипела в нем. Ему захотелось наказать ее. Когда они встретились в темноте, она ожидала, что он обнимет ее, и уже вскинула руки ему на плечи, но он только сжал ее пальчики, и едва коснулся губ холодным поцелуем. Если бы он сказал: «Зачем ты это сделала?» – если бы привлек ее к себе и попросил не играть его чувствами так жестоко, их дружба была бы спасена. Но Юджин ничего этого не сделал. Тогда в девушке вспыхнула досада, и она с задорным видом вышла из комнаты. Молодые люди сторонились друг друга до конца вечеринки, но он все же пошел проводить ее домой.

– Ты сегодня, кажется, в плохом настроении, – заметила Стелла, после того как они в полном молчании прошли два квартала.

Улицы утопали во мраке, и их шаги по выложенному кирпичом тротуару гулко отдавались в ночной тишине.

– Нет, почему же. Я чувствую себя прекрасно, – угрюмо ответил он.

– У Веймеров было, по-моему, очень мило. Там всегда ужасно весело.

– Да, необычайно весело! – презрительно отозвался он.

– Не будь ты таким злокой! – рассердилась она. – У тебя нет никаких причин дуться на меня!

– Ты думаешь?

– Да, никаких.

– Что ж, тебе видней. Но я смотрю иначе.

– Ну, знаешь, мне совершенно безразлично, как ты на это смотришь.

– Вот как?

– Да, так! – Девушка сердито вздернула головку.

– Ну, а мне тем более безразлично!

Снова наступило молчание, которое длилось почти до самого ее дома.

– Ты будешь на балу в четверг? – спросил Юджин.

Он имел в виду вечер, который устраивала методистская церковь. Само по себе это празднество ничуть его не интересовало, но оно давало ему возможность увидеться со Стеллой и проводить ее домой. Он задал ей этот вопрос, испугавшись нависшего над ними разрыва.

– Нет, – сказала она. – Едва ли.

– Почему?

– Не хочется.

– Какая ты злая! – упрекнул он ее.

– Ну и прекрасно! – ответила она. – А по-моему, ты слишком любишь командовать. И по правде сказать, ты не очень мне нравишься.

Сердце его зловеще сжалось.

– Делай как знаешь, – сказал он упрямо.

Они дошли до ее калитки. Здесь они обычно целовались в тени и Юджин крепко прижимал к себе Стеллу, невзирая на ее протесты. Он и сейчас с нетерпением ждал этой минуты, но девушка предупредила его. Едва поравнявшись с калиткой, она быстро открыла ее и юркнула в палисадник.

– Спокойной ночи! – крикнула она оттуда.

– Спокойной ночи! – сказал он и, когда она уже дошла до двери, позвал: – Стелла!

Входная дверь открылась, и девушка проскользнула в дом. Юджин растерянно стоял в темноте, огорченный, раздосадованный, подавленный. Как же теперь быть? Он медленно поплелся домой, думая о том, что лучше: не замечать ее, избегать, пока она сама не вернется к нему, или же добиваться встречи и решительного объяснения? Стелла была права: Юджин так и уснул с этой мыслью, и она не покидала его весь следующий день.

Юджин делал довольно быстрые успехи в наборном деле. Готовясь к будущей своей профессии, он пробовал свои силы в репортерском ремесле, работая прилежно и с интересом. Нередко он делал из окна зарисовки, хотя с тех пор, как у них вышла размолвка со Стеллой, занимался этим без обычного увлечения. Ему нравилось приходить в типографию, надевать фартук и приниматься за набор какой-нибудь заметки местного корреспондента, залежавшейся со вчерашнего дня, или телеграммы, только что наколотой на крючок возле его кассы. Уильямс пробовал давать ему репортерские поручения для отдела местной хроники, но Юджин был медлителен и не показывал способностей по этой части.

Когда ему предлагали взять у кого-нибудь интервью, он возвращался в редакцию с материалом, который нуждался в пополнении из других источников. Сколько ни бился с ним Уильямс, Юджин, в сущности, так и не постиг тех требований, какие предъявляет газета, и большей частью работал за своей кассой. И все же кое-чему он научился.

Взять хотя бы то, что он начал разбираться в существе рекламного дела. Местные торговцы изо дня в день помещали одни и те же объявления, и текст их почти не менялся. Юджин видел, как Лайл и Саммерс брали старые рекламы, которые месяцами печатались без всяких изменений, и, выправив одно-два слова, снова сдавали в цинкографию. Юджина удивляла эта косность, и, когда они наконец попадали к нему на просмотр, у него часто являлось желание переделать их – таким суконным языком они были написаны.

– Почему бы не давать к объявлениям маленьких рисунков? – спросил он однажды Лайла. – Вы не находите, что они очень выиграли бы?

– Гм! Право, не знаю, – ответил Лайл. – По-моему, и так сойдет. Здешней публике не понравилось бы такое новшество. Читатели скажут, что это несолидно.

Юджин присматривался к журнальной рекламе и находил ее несравненно эффектнее. Почему бы не изменить и газетную?

Но никто здесь, по-видимому, не нуждался в его советах. С клиентами имел дело сам мистер Берджес. Это он решал, каким должно быть объявление. Он никогда не советовался ни с Юджином, ни с Саммерсом и редко даже с Лайлом. Лишь иногда Уильямс по его требованию давал им предварительные указания.

Юджин был еще так молод, что вначале Уильямс не обращал на него внимания, но потом, приглядевшись к юноше поближе, стал охотно объяснять ему то одно, то другое: почему некоторые заметки должны быть краткими, а некоторые – пространными; почему сообщения, касающиеся их округа – городишек вокруг Александрии и их обитателей, – имеют для газеты с финансовой точки зрения гораздо большее значение, чем самый достоверный отчет о смерти турецкого султана. А всего важнее, говорил он, следить за тем, чтобы в имена и фамилии местных жителей не вкрались опечатки.

– Упаси вас бог неправильно набрать их, – сказал он однажды Юджину. – А особенно следите за инициалами. Люди на этот счет очень чувствительны. Если вы не будете осторожны, мы рискуем растерять всех подписчиков, а потом поди разберись, как это случилось.

Юджин старался все запомнить. Ему интересно было вникнуть в механику дела, хотя в глубине души он находил все это мелким. Да и люди казались ему мелкими, по крайней мере, большинство людей.

Но кое-что в типографском деле интересовало его. Он любил смотреть, как в машину закладывают бумагу и как она потом работает, любил помогать при заключке форм и наблюдать за тем, как ложатся друг на друга газетные оттиски и отсчитываются готовые листы. Он любил прислушиваться к ходу машины и вместе с другими переносить еще влажные кипы газет в экспедицию и к сортировочному столу. «Морнинг Эппил» выходила не очень большим тиражом, но в момент выпуска типография оживала, и это нравилось Юджину. Ему нравилось, что руки и лицо у него в чернилах и краске и что это его не смущает, нравилось видеть в зеркале свою всклокоченную шевелюру. Он старался быть полезным где только мог, и работники газеты полюбили его, хотя иногда он раздражал их своей неловкостью и медлительностью. Здоровье его в то время было не из крепких, он часто страдал желудком. Иногда у него мелькала мысль, что воздух типографии вреден для его легких, но серьезного значения он этому не придавал.

Однако сколько ни радовался Юджин новым впечатлениям, этот мирок казался ему тесным. За пределами редакции был несравненно больший простор. Он это знал. И на этот простор он рассчитывал когда-нибудь выбраться. Он надеялся уехать в Чикаго.

Глава III

По мере того как Стелла проявляла все большую независимость, Юджином все сильнее овладевала хандра. Но эти его настроения только расхолаживали девушку. Немалую роль играл и успех, которым она пользовалась у других молодых людей, а то, что один из них, а именно добродушный, покладистый Харви Раттер, был и красивее Юджина и выгодно отличался от него приятным неназойливым нравом, сыграло, пожалуй, решающую роль. Юджин иногда встречал их вместе – Стелла ходила на каток с ним вдвоем или с компанией молодежи, где был и Харви. Юджин возненавидел его всей душой. Порою он ненавидел и Стеллу за то, что она не подчинилась его воле. Но ее красота по-прежнему сводила его с ума. Стелла помогла ему создать себе идеал женщины. Теперь он знал, что такое женская красота.

Настало время задуматься и над своим положением. До сих пор он всецело зависел, в отношении питания, одежды и карманных денег, от родителей, которые были не слишком щедры. Он знал мальчиков, которые могли себе позволить увеселительную поездку в Чикаго или Спрингфилд (последний был расположен ближе к Александрии) на субботу и воскресенье. Юджину эти развлечения были недоступны. Отец не разрешил бы ему, вернее, не дал бы денег. Другие мальчики благодаря щедрости родителей слыли первыми щеголями в городе. Юджин наблюдал по воскресеньям, а иногда и в будние дни, как они, готовясь куда-нибудь идти, прохаживались возле книжного магазина, где обычно гуляло местное «общество», одетые с такой изысканностью, о какой он не смел и мечтать. Тэт Мартинвуд, сын крупнейшего в городе торговца мануфактурой, сшил себе сюртук; он иногда заходил в нем к парикмахеру побриться, перед тем как идти к своей девушке. У Джорджа Андерсона имелась даже фрачная пара и лакированные туфли, в которых он щеголял на всех балах. Эд Уотербери разъезжал по городу в собственном экипаже. Правда, все эти юноши были немного старше Юджина и их интересовали взрослые девушки, но это не меняло дела. И Юджин страдал.

Для себя он не видел возможности разбогатеть. Отец его никогда не будет богат, это было всякому ясно. Сам Юджин не вынес из школы никаких практических знаний. Он ненавидел страховое дело – всю эту писанину и погоню за клиентами, презирал торговлю швейными машинами, но и не возлагал никаких надежд на то, что со временем ему удастся стать писателем или художником. Все, что он рисовал, казалось ему просто баловством, а то, что писал, – вернее, пытался писать, – казалось лишенным всякого значения и смысла. В эту пору Юджин часто с горечью размышлял о своем будущем.

Как-то Уильямс, давно уже приглядывавшийся к юноше, остановился у его реала.

– Послушайте, Витла, почему бы вам не уехать в Чикаго? – сказал он. – Там гораздо больше возможностей для такого парня, как вы. Работая в провинциальной газете, вы никогда ничего не добьетесь.

– Я знаю, – ответил Юджин.

– На меня вы не смотрите, – продолжал Уильямс, – я достаточно покружил по свету. У меня жена и трое детей, а когда у человека семья, он не имеет права рисковать. Вы же молоды. Почему бы вам не уехать в Чикаго и не поступить в какую-нибудь газету? Вы там легко устроитесь.

– Кем, например? – спросил Юджин.

– Да хотя бы наборщиком, если вступите в союз. Не знаю, выйдет ли из вас хороший репортер, – по-моему, это не ваше призвание, но вам надо учиться рисовать. Художники в газете недурно зарабатывают.

Юджин с горечью подумал о своем даровании художника. Немногого он стоит. Немногого он достиг. Все же он стал помышлять о Чикаго. Широкий мир манил его. Только бы выбраться отсюда, только бы найти приличный заработок, а не получать какие-то семь-восемь долларов в неделю! Это постоянно занимало его мысли.

Однажды в воскресенье он вместе с Миртл и Стеллой отправился навестить Сильвию; Стелла вскоре стала собираться домой, говоря, что мать будет беспокоиться. Миртл хотела было уйти вместе с ней, но сестра упростила ее дожидаться чая.

– Пусть Юджин проводит Стеллу домой, – сказала Сильвия.

Юджин был в восторге. Неисправимый упрямец, он еще надеялся вернуть любовь Стеллы. Когда они очутились на улице, где уже пахло весной, он решил, что это удобный случай сказать девушке что-то такое, что вернуло бы ее к нему.

Они вышли на окраину города, где жила Стелла, и девушка уже хотела свернуть в своей переулок, но Юджин удержал ее.

– Ну, побудь со мной немного. Разве тебе так уж обязательно надо домой? – стал он упрямить.

– Нет, я могу еще погулять, – ответила она.

Беседуя, они вышли за черту города; последний дом остался позади. Поддерживать разговор становилось все труднее. Прилагая все усилия к тому, чтобы быть занимательным, Юджин поднял с земли три прутика, намереваясь показать ей фокус, основанный на законе равновесия. Надо было два прутика сложить под прямым углом, а третьим поддерживать их в воздухе. Стелла не пожелала и пробовать. Ее это не занимало. Но Юджин настаивал, и, когда она согласилась, он взял ее за правую руку, чтобы помочь.

– Не надо, – сказала она, отдергивая руку. – Я сама!

Но она безуспешно возилась с прутиками и хотела уже бросить их, когда он взял обе ее руки в свои. Это произошло так внезапно, что Стелла не смогла высвободиться и невольно посмотрела ему в глаза.

– Оставь, Юджин. Пожалуйста, отпусти мои руки.

Он отрицательно покачал головой, глядя на нее в упор.

– Прошу тебя, отпусти, – повторила она. – Не смей этого делать. Я не хочу.

– Почему?

– Потому!

– Почему все-таки?

– Ну, просто не хочу!

– Я в самом деле больше не нравлюсь тебе? – спросил он.

– Нет, не нравишься... во всяком случае не так...

– А раньше нравился?

– Мне казалось, что да.

– Значит, ты ко мне переменялась?

– Да, если хочешь, переменялась.

Он отпустил ее руки и впился в нее трагическим взглядом. Но это на нее не подействовало. Они медленно повернули назад, к городу. У ее калитки он сказал:

– Что ж, видно, мне не стоит больше и приходить к тебе.

– Да, не стоит, – просто сказала она.

Она вошла в дом, ни разу не оглянувшись, а Юджин, вместо того чтобы вернуться к сестре, отправился домой. Ему было очень тяжело, и, посидев немного в гостиной, он ушел в свою комнату. Стемнело, а он все сидел и смотрел из окна на деревья и горевал о своей утрате. Должно быть, он недостаточно хорош для Стеллы, раз не мог добиться ее любви. Но в чем же причина? То ли он недостаточно красив (Юджин и в самом деле не считал себя красивым), то ли недостаточно силен и смел?

Он заметил, что луна висит над деревьями, как яркий щит. Два слоя легких облаков плыли навстречу друг другу на разной высоте. Юджин оторвался от своих мыслей и стал думать о том, откуда взялись эти облака. В солнечные дни, когда тучки бесконечными флотилиями плывут по небу, они тают прямо на глазах, а потом – о чудо из чудес! – снова появляются неизвестно откуда. Когда Юджин впервые обратил на это внимание, он был немало удивлен – тогда он еще понятия не имел, что такое облака. Потом он прочел об этом в учебнике физической географии. Сегодня ему вспомнились и эти облака, и бескрайние равнины, над которыми они проносятся, и трава, и деревья – бесконечные леса, что тянутся на много миль. Как чудесен мир! Ведь именно о таких вещах писали поэты – Лонгфелло, Брайант и Теннисон. Юджину вспомнились «Танатопсис» и «Элегия» – его любимые поэмы. Что же это такое – жизнь?

С болью в сердце вернулся он к мысли о Стелле. Она окончательно ушла от него, – она, такая прекрасная! Никогда больше они не будут разговаривать. Никогда не держать ему ее рук, не целовать ее. О, этот вечер на катке, и тот, другой вечер, в санях! Как это было прекрасно! Он разделся и лег в постель. Ему хотелось быть одному, отдаться своей тоске. Юджин лежал на белой подушке и грезил о том, что могло бы быть, – о поцелуях, ласках, о тысяче радостей.

Как-то в воскресенье, валяясь в гамаке и размышляя о том, какой Александрия скучный город, Юджин развернул субботний номер чикагской газеты (это был в сущности воскресный номер, так как в воскресенье газета не выходила) и стал от скуки ее просматривать. Газета, как всегда, была исполнена для него неотразимого интереса, чудеса большого города притягивали его, точно магнит. Вот большой отель, который кто-то собирается выстроить; вот портрет знаменитого пианиста, приезжающего в Чикаго на гастроли; дальше – рецензия на новую комедию; описание романтического уголка на Гусином острове, раскинувшемся посередине реки Чикаго, – старые баржи служили здесь жилищем, и между ними вперевалку бродили гуси. Внимание Юджина привлекла заметка о человеке, провалившемся в угольный люк на Южной Холстед-стрит. Это произошло в доме номер шесть тысяч двести с чем-то, – он и не представлял себе, что существуют такие длинные улицы. Какой это, должно быть, гигантский город. Мысль о мчащихся по мостовым вагонам конки, о толпах народа, о поездах до боли взволновала его, как манящий призыв.

Это чудо, эта красота, вся эта жизнь неотразимо влекли его к себе.

«Уеду в Чикаго!» – мысленно решил он и поднялся.

Вот перед ним родной дом, уютный, тихий. А в нем – мать, отец, Миртл. Но он уедет. Ничто не мешает ему вернуться обратно, если он захочет.

«Конечно, я могу вернуться», – произнес он про себя.

Словно движимый какой-то неодолимой силой, Юджин вошел в дом, поднялся к себе и достал маленький саквояж. Он сложил туда вещи, которые могли понадобиться ему в первую

очередь. В кармане у него было девять долларов – с некоторых пор он копил деньги. Он спустился вниз и остановился в дверях гостиной.

– Что случилось? – спросила мать, глядя на его серьезное лицо, говорившее о внутренней борьбе.

– Я еду в Чикаго, – сказал он.

– Когда? – спросила она пораженная, не зная, что и думать.

– Сегодня, – ответил он.

– Не может быть! Ты шутишь! – воскликнула мать.

Она недоверчиво улыбалась. Конечно, это только мальчишеская выходка, не больше.

– Я еду сегодня же, – сказал он. – И хочу поспеть к четырехчасовому поезду.

Теперь на лице матери появилась тревога.

– Быть не может, – повторила она.

– Ведь я в любое время могу вернуться, если захочу, – сказал Юджин. – Пора мне поискать себе другое занятие.

Вошел отец. У него была маленькая мастерская в сарае, где он иногда чистил машины и чинил фургоны. Он все утро копался там.

– Что случилось? – спросил он, увидев их взволнованные лица.

– Юджин уезжает в Чикаго.

– Это когда же? – иронически спросил отец.

– Сегодня. Он говорит, что едет сейчас.

– Ты это, надеюсь, не всерьез? – сказал пораженный Витла. Он ушам своим не верил. – Что это тебе загорелось? Такой шаг надо хорошенько обдумать! На какие же средства ты будешь там жить?

– Проживу как-нибудь, – сказал Юджин. – Я еду. Хватит с меня Александрии. Я хочу вернуться отсюда.

– Ну что ж, – сказал отец, веривший в инициативу. Оказывается, он плохо знал своего сына. – Ты уложил чемодан?

– Нет, пусть мама вышлет мне вещи.

– Не уезжай сегодня, – стала упрашивать миссис Витла. – Подожди, Юджин, пока у тебя будет хоть что-нибудь на примете. Это слишком серьезный шаг. Подожди до завтра.

– Я поеду сегодня, мама. – Он обнял ее одной рукой. – Мамочка!..

Он был уже сейчас выше ее ростом и продолжал расти.

– Хорошо, Юджин, – тихо сказала она. – Но напрасно ты уезжаешь.

Ее мальчик покидал ее – сердце матери обливалось кровью.

– Я всегда могу вернуться. Ведь это всего лишь сотня миль.

– Что ж, поезжай, – сказала она наконец, стараясь держаться бодро. – Я уложу твой саквояж.

– Я уже все уложил.

Она пошла проверить.

– Ну что ж, скоро пора ехать, – сказал Витла, думавший, что Юджин еще колеблется. – Очень жаль. Хотя это, разумеется, пойдет тебе на пользу. Во всяком случае ты знаешь, что здесь тебе всегда будут рады.

– Знаю, – сказал Юджин.

Они отправились к поезду все вместе – Юджин, отец и Миртл. Мать не пошла с ними. Она осталась дома плакать.

По дороге на вокзал они зашли к Сильвии.

– Что ты, Юджин! – воскликнула она. – Что за странная фантазия! Не надо ехать!

– Он твердо решил, – сказал Витла.

Наконец Юджин вырывался на свободу. Любовь, семья, все близкое, родное крепко держало его в своих объятиях, и с каждым шагом он словно рвал эти узы. Они добрались до вокзала. Подошел поезд. Отец ласково и крепко пожал сыну руку.

– Будь молодцом, – сказал он и судорожно глотнул.

Миртл поцеловала брата.

– Какой ты чудила, Юджин! Пиши мне.

– Ладно.

Он поднялся в вагон. Прозвонил звонок, и поезд тронулся. Юджин смотрел на знакомые места, и боль, настоящая боль сжала его сердце... Стелла, мать, отец, Миртл, их милый домик... Все это уходило из его жизни.

– Гм-м! – чуть ли не застонал он, прочищая горло. – Черт побери!

Он откинулся на спинку скамьи и заставил себя ни о чем не думать. Он должен пробить себе дорогу. Это и есть жизнь. И это должно быть его целью. Он добьется своего.

Глава IV

Чикаго – кто его опишет! Кто опишет этот гигантский муравейник, выросший словно по мановению жезла на гнилых болотах приозерья! На целые мили протянулись мрачные домишки, на целые мили ушли вперед улицы с торцовыми мостовыми, газовыми фонарями, водопроводными магистралями и пустынными деревянными тротуарами, по которым скоро заснут толпы прохожих. Стук сотен тысяч молотков, звонкие удары зубил в руках каменщиков! Длинные, смыкающиеся вдали ряды телеграфных мачт; тысячи и тысячи стоящих вразброс, словно часовые, домиков, заводов, устремленных ввысь фабричных труб, и среди них вдруг одинокая невзрачная церковка, смиренно приткнувшаяся на голом пустыре. Нетронутая целина прерии с выгоревшей на солнце травой. Широкие железнодорожные насыпи, по которым ползут стальные пути – десять, пятнадцать, двадцать, тридцать в ряд, – унизанные, словно бусинками, тысячами и тысячами грязных вагонов. Громяхющие паровозы, бегущие поезда, люди у переездов – пешеходы, возчики, кучера, подводы с пивом, платформы с углем, кирпичом, камнем, песком – зрелище новой, неприкрашенной, неукротимой жизни!

По мере приближения к Чикаго Юджин начинал все больше и больше понимать существо и значение огромного города. Какими невнятными казались ему теперь слабые газетные отголоски по сравнению с этой яркой, красноречивой, полнокровной жизнью! Перед ним раскрывался новый мир – мощный, влекущий, совсем особенный. Когда поезд стал подъезжать к городу, внимание юноши привлекла красивая пригородная станция – такой он еще никогда не видел. Никогда не приходилось ему видеть и такого скопления рабочих-иностранцев – целые толпы литовцев, поляков, чехов дожидались пригородного поезда. Никогда он не видел и настоящего большого завода, а здесь они вырастали перед ним один за другим – сталелитейные, фаянсовые, мыловаренные, чугунолитейные заводы, мрачные и неприступные на фоне вечеряющего неба. Несмотря на воскресенье, что-то юное, энергичное, оживленное чувствовалось в атмосфере этих улиц. С интересом смотрел Юджин на конки, ожидавшиеся пассажиров. В одном месте переправа через реку производилась на канатном пароме; это была грязная, неприглядная речонка, но во всю ее ширь теснилось множество судов, а по обоим берегам тянулись огромные амбары, зерновые элеваторы, угольные склады – архитектура насущных нужд большого города. Воображение Юджина разыгралось. Как хорошо было бы передать эту картину в черных тонах, лишь кое-где тронув красным или зеленым огни вдоль мостов и на судах. В некоторых журналах художники делают такие вещи, но у них это получается недостаточно живописно.

Поезд, пробираясь среди длинных составов, подошел к бесконечной крытой платформе, где под гигантской выпуклой крышей из стекла и стали шипело штук двадцать дуговых фонарей. Толпы людей сновали взад и вперед, пыхтели паровозы, гулко звонили колокола.

У Юджина не было в этом городе ни родных, ни знакомых — никого, к кому он мог бы обратиться, но он не испытывал одиночества. Новая, невиданная картина жизни захватила его целиком. Он вышел из вагона и неторопливым шагом направился к выходу, гадая, куда идти. На углу, в свете зажженного фонаря, ему бросилась в глаза дощечка с надписью «Мэдисон-стрит». Он взглянул вдоль улицы: по обе стороны ее, уходя вдаль, выстроились магазины, тащились конки, торопливо сновали пешеходы. «Какое зрелище!» — мелькнуло у него в голове, и он повернул на запад. Погруженный в размышления, прошел он мили три, и только когда совсем стемнело, спохватился, что не позаботился о еде и ночлеге. Добродушный толстяк, сидевший на стуле с плетеным сиденьем у ворот извозного двора, казалось, сулил все необходимые сведения.

— Вы не знаете, где здесь поблизости сдается комната? — спросил Юджин.

Человек, наслаждавшийся вечерним воздухом, внимательно оглядел его. Это был владелец двора.

— Вон там, через улицу, в доме семьсот тридцать два, живет одна пожилая женщина, — сказал он. — У нее как будто есть комната. Может, она пустит вас.

Молодой человек явно внушал ему доверие.

Юджин перешел на ту сторону и позвонил у двери первого этажа. Ему открыла высокая приветливая женщина. В ее облике было что-то материнское. Волосы ее были белы.

— Что вам угодно? — спросила она.

— Джентльмен вот там, у извозного двора, сказал мне, что у вас можно снять комнату.

Женщина ласково улыбнулась. Растерянность юноши, его сияющие от возбуждения глаза, а также одежда и манеры выдавали провинциала.

— Да, войдите, — сказала она. — У меня есть комната. Можете ее посмотреть.

Это была маленькая спальня, совершенно изолированная, окнами на улицу — опрятная, скромная, удобная.

— Она мне нравится, — сказал Юджин.

Женщина снова улыбнулась.

— Платить мне будете два доллара в неделю, — сказала она.

— Хорошо, — сказал Юджин, ставя на пол свой чемодан. — Я беру ее.

— Вы ужинали? — спросила женщина.

— Нет, но я скоро пойду прогуляться, посмотреть город и найду, где поесть.

— А то я накормлю вас, — предложила хозяйка.

Юджин поблагодарил ее, и она опять улыбнулась. Вот что Чикаго делает с провинцией — забирает у нее молодежь.

Юджин открыл ставни, стал на колени и облокотился на подоконник. Он смотрел на улицу, где все казалось ему необыкновенным. Витрины залиты огнями. Люди спешат, — как гулко раздаются их шаги! И куда ни глянешь, — на восток, на запад, — везде то же самое, повсюду большой, огромный, изумительный город. Как хорошо здесь! Теперь он это знает. Ради этого стоило приехать. Как мог он так долго сидеть в Александрии! Он здесь устроится, непременно устроится. Он был глубоко уверен. Он знал это.

Чикаго в то время действительно представлял для новичка целый мир возможностей и надежд. Тут было столько нового, еще не тронутого — все находилось в стадии созидания. Протянувшиеся длинными рядами дома и магазины были по большей части временными постройками — одноэтажными и двухэтажными бараками, но кое-где попадались уже и трехэтажные и четырехэтажные кирпичные здания, возвещавшие лучшее будущее. Тор-

говый центр, расположенный между озером и рекой, – между Северной и Южной сторонами, – таил в себе неограниченные возможности, так как здесь были сосредоточены магазины, обслуживавшие не только Чикаго, но и весь Средний Запад. Тут были внушительные банки, конторы, огромные розничные магазины, отели и постоянно бурлил людской поток, олицетворяющий юность, иллюзии, безыскусственные мечтания миллионов людей. Попадая сюда, вы начинали чувствовать, что Чикаго – это неудержимый порыв, это людские надежды, людские желания. Это был город, вливавший жизненные силы в каждую колеблющуюся душу; новичка он заставлял грезить, пожилым внушал, что нет такого тяжелого положения, которое не могло бы измениться к лучшему.

За всем этим скрывалась, конечно, борьба. Юность, надежды и энергия вступали в бешеную гонку. Здесь надо было работать, не отставая, живей поворачиваться, не зевать. Здесь необходимо было обладать инициативой. Город требовал от человека самого лучшего, что было в нем, – иначе он просто от него отворачивался. Как юность в своих смутных исканиях, так и зрелость испытывали это на себе. Здесь не было места лежебокам.

Юджин, едва обосновавшись, понял это. На профессию наборщика он как-то махнул рукой. С этим у него было покончено. Ему хотелось быть художником или чем-то в этом роде, но он понятия не имел, как приступить к делу. Лучше всего устроиться в газету, да вряд ли там принимают начинающих. А ведь он ничего не умеет. Правда, его сестре Миртл очень нравились его наброски, но что она понимает? Если бы он мог где-нибудь подучиться, найти кого-нибудь, кто поучил бы его... А пока придется работать...

Прежде всего он, разумеется, попытал счастья в газетах, в этих великолепных учреждениях, куда тянет всякого, кто хочет проложить себе дорогу. Но Юджина испугали шумные редакции, хмурые заведующие художественными отделами и заносчивые редакторы. Один из этих власть имущих нашел небезынтересными те три-четыре наброска, которые показал ему Юджин, но он был в дурном расположении духа, и – нет, ему никто не нужен. Он так и сказал: «Нет, нам никого не надо». Юджин с горечью подумал, что, очевидно, его и на этом поприще ждет провал.

Вся беда юноши заключалась в том, что его способности еще дремали. Красота жизни, то изумительное, что есть в ней, уже держало его в своей власти, но он еще не в состоянии был передать это в линиях и красках. Он без конца бродил по шумным улицам, подолгу простаивал у витрин и часами глядел на лодки, скользившие по реке, и на сновавшие по озеру суда. Как-то днем, когда Юджин стоял на берегу озера, на горизонте показалась шхуна, плывшая под всеми парусами, – первый корабль, который он увидел в своей жизни. Чуткая душа его встрепенулась. Руки нервно сжались в кулаки, дрожь пробежала по телу. Он сел на парапет и все смотрел и смотрел, пока шхуна не скрылась из виду. Так вот они, великие озера! Каковы же должны быть великие моря – Атлантический, Тихий, Индийский океаны. О море! Когда-нибудь он, быть может, попадет в Нью-Йорк и увидит там море. Но оно и здесь перед ним – в миниатюре, и какое оно изумительное!

Однако человек не может жить праздно, проводя время в мечтаниях на берегу озера, у паромов и витрин, если у него нет средств к существованию, а у Юджина их не было. Покидая отчий дом, он твердо решил добиться самостоятельности. Он хотел иметь заработок, на который можно было бы кое-как жить. Он хотел иметь возможность написать домой, что неплохо устроился. Прибыли его вещи, от матери пришло ласковое письмо и немного денег, однако деньги он отослал обратно – всего лишь десять долларов, но он не так думал начинать новую жизнь. Он считал, что должен жить на собственные средства – во всяком случае он решил попытаться.

Прошло десять дней, капиталы Юджина сильно поубавились, – у него оставался доллар семьдесят пять центов, – надо было браться за любую работу. Нечего было сейчас и думать о месте художника или даже наборщика. Наборщик должен быть членом профес-

сионального союза, а потому приходилось брать, что подвернется, – и он стал ходить из магазина в магазин, предлагая свои услуги. Убогие мастерские, в которых он справлялся о работе, были до того неприглядны, что Юджин внутренне морщился; но он подавил свою брезгливость. Он готов был взяться за какой угодно труд, хотя бы приказчика в булочной, кондитерской или мануфактурном магазине.

Однажды он зашел наугад в большую скобяную лавку. Человек, к которому он обратился, посмотрел на него с любопытством.

– Я могу вам предложить работу по ремонту печей, – сказал он.

Юджин не понял его, но охотно согласился. Ему положили шесть долларов в неделю, – на это все же можно было существовать. Юджина проводили на чердак, находившийся в ведении двух верзил-рабочих, мастеров по сборке, окраске и починке печей. Они сердито объяснили своему новому помощнику, что он должен будет счищать ржавчину со старых печей, а также помогать собирать их, красить и переносить на склад, – в этой лавке ремонтировались для продажи старые печи, которые хозяин скупал у старьевщиков по всему городу. Юджину была отведена низкая скамья у окошка, где ему полагалось чистить ржавые печи, но он часто забывал о работе, глядя вниз, в переулок, где во дворах густо росла зеленая трава. Город был для него полон чудес, он манил его каждой мелочью. Когда мимо проходил тряпичник, выкрикивая: «Тряпки, железо покупаю!» – или торговец овощами зазывал: «Вот помидоры, картошка, молодая кукуруза, зеленый горошек!» – Юджин поднимал голову и прислушивался: эта своеобразная музыка находила в нем живой отклик. В Александрии ничего похожего не услышишь. Все это было так непривычно. И Юджин представлял себе, как он стал бы делать наброски, и мысленно зарисовывал белье, развешанное во дворе на веревках, девушек с корзинками и тому подобное.

Однажды, когда ему казалось, что он усердно трудится (он работал в лавке уже две недели), один из мастеров крикнул ему:

– Эй ты, там, пошевеливайся! Не за то тебе платят, чтобы ты в окно глазел.

Юджин застыл на месте. Он и не заметил, что бездельничает.

– А вам что за дело? – сказал он обиженно и вызывающе. До сих пор он считал, что работает с этими людьми, как равный, и вовсе не подчинен им.

– Я тебе покажу, дерзкий мальчишка! – отозвался мастер постарше, грубый малый, вылитый Билл Сайкс из «Оливера Твиста». – Ты у меня узнаешь, кто твой начальник. Живей, говорю, и не нахальничать!

Эта неожиданная вспышка звериной грубости поразила Юджина. Зверь, за которым он наблюдал на расстоянии, как мог бы наблюдать художник, и который интересовал его как явление, теперь показал себя.

– Убирайтесь вы к дьяволу! – крикнул Юджин, лишь наполовину сознавая, какой опасности он себя подвергает.

– Что такое? – заорал мастер и кинулся на него.

Он оттолкнул Юджина к стене и хотел было пнуть носком своего тяжелого, подбитого гвоздями башмака. Юджин схватил с пола железную ножку от печки. Он был бледен как полотно.

– Лучше не пробуйте! – угрожающе сказал он, крепко зажав в руке железную ножку.

– Брось, Джим, – сказал другой мастер, понимавший всю неуместность такой вспышки. – Не тронь его. Гони его лучше вон, если он тебе не нравится.

– В таком случае проваливай ко всем чертям! – сказал великодушный начальник Юджина.

Все еще держа в руке печную ножку, Юджин подошел к гвоздю, на котором висели его пиджак и шляпа. Боясь, что нападение может повториться, он осторожно прошел мимо противника. Тот склонен был снова дать ему тумака в наказание за упрямство, но воздержался.

– Много понимаешь о себе, щенок. Проснись, сонная харя! – сказал он, когда Юджин направился к выходу.

Юноша тихонько проскользнул за дверь, чувствуя себя униженным и опозоренным. Какая сцена! Его, Юджина Витла, чуть не пнули ногой, чуть не вытолкали пинками вон, – и это на работе, за которую платят шесть долларов в неделю! На секунду острая спазма сдавила ему горло, но постепенно отлегло. Ему хотелось плакать, но он не мог. Он спустился вниз и подошел к конторке – лицо и руки у него были измазаны краской.

– Я ухожу, – сказал он нанявшему его человеку.

– Ладно. А что случилось?

– Эта скотина мастер хотел ударить меня ногой, – объяснил Юджин.

– Да, они довольно наглые ребята, – согласился хозяин. – Я так и думал, что вы с ними не поладите. Тут нужен человек покрепче вашего. Получите.

Он выложил на стол три с половиной доллара. Юджин с удивлением выслушал этот странный ответ. Он должен был поладить с этими людьми! А они не обязаны ладить с ним? Так вот какую жестокость таит в себе большой город!

Юджин вернулся домой, умылся и снова вышел на улицу, так как теперь не время было сидеть без работы. Неделю спустя он нашел место агента в конторе по продаже недвижимого имущества; он должен был узнавать и сообщать номера пустующих домов и наклеивать на окна ярлычок с надписью: «Сдается». Это приносило восемь долларов в неделю и открывало кой-какие перспективы. Юджина это место вполне устраивало, но не прошло и трех месяцев, как контора обанкротилась. Близилась осень, и надо было думать о зимнем костюме и теплом пальто, но Юджин не писал родным о своих злоключениях. Что бы ни было на самом деле, ему хотелось, чтобы они думали, будто он преуспевает.

Остроту и некоторую горечь его впечатлениям придавало зрелище роскоши, подстывавшей к нему с разных концов. Его восхищали такие улицы, как Мичиган, Прери и Эшленд-авеню, а также бульвар Вашингтона, – районы, застроенные прекрасными домами, каких Юджин до сих пор никогда не видел. Он был поражен их великолепием, красотой окружающих газонов, зеркальными окнами, блеском выездов и слуг. Впервые в жизни увидел он швейцаров в богатой ливрее, стоящих у дверей. Он видел издали молодых девушек и женщин, казавшихся ему чудом красоты и таких изысканных в своих нарядах, видел молодых людей с горделивой осанкой. Должно быть, это и были представители «общества», о которых постоянно писали в газетах. Юджин еще не умел разбираться в этом. Красивая одежда и изысканная роскошь были для него свидетельством высокого общественного положения. Впервые у него открылись глаза, и он увидел бездонную пропасть между тем, что ждет новичка из провинции, и теми благами, которыми располагает мир, – вернее, теми, что щедро сыплются на немногих, стоящих на самом вершине. Все это несколько отрезвило, но и огорчило его. Жизнь была полна несправедливости.

В эти осенние дни, когда листва на деревьях стала бурой и пронизывающий ветер гнал перед собой клубы дыма и тучи пыли, он убедился, что город умеет быть жестоким. Навстречу попадались люди в потрепанной одежде, угрюмые и изможденные, с запавшими глазами, из которых глядело глубокое отчаяние. Очевидно, их довела до этого тяжелая жизнь. Если они просили милостыню, – правда, к Юджину обращались редко, так как вид его отнюдь не говорил о довольстве, – то обычно жаловались на жизненные неудачи. Ведь так легко потерпеть крушение. Можно попросту умереть с голоду, если не глядеть в оба, – город быстро научил этому Юджина.

В эти дни его грызла тоска. Юджин был не очень общителен и к тому же склонен к самоанализу. Он не имел возможности обзавестись друзьями, по крайней мере так он думал, и потому либо одиноко бродил вечерами по улицам, наблюдая жизнь большого города, либо сидел дома в своей комнатухе. Миссис Вудраф, его квартирная хозяйка, была добра и

достаточно заботлива, но уже не молода, – не о таком обществе мечтал Юджин. Он думал о девушках и о том, как грустно, что нет ни одной, с кем можно было бы перемолвиться словом. Стеллы нет – с этой мечтой покончено. Когда-то он встретит другую, похожую на нее?

В конце месяца, в течение которого он вынужден был истратить часть денег, присланных матерью для покупки в рассрочку костюма, Юджин, наконец, устроился возчиком в прачечную, и эта работа, за которую платили десять долларов в неделю, представлялась ему очень хорошей. Время от времени, когда он чувствовал себя не слишком усталым, он брался за карандаш и делал наброски, но все они казались ему бездарными. А потому он продолжал работать в прачечной и развозить белье, тогда как ему следовало бы искать места в какой-нибудь редакции или учиться живописи.

В ту зиму Миртл написала ему, что Стелла Эплтон уехала в Канзас, куда перебрался ее отец, что мать хворает и просит Юджина хоть на неделю приехать домой. Незадолго перед этим Юджин познакомился с одной девушкой-шотландкой, по имени Маргарет Дафф, работавшей в той же прачечной; он быстро сошелся с ней, и эта связь положила начало его отношениям с женщинами. До этого он не знал женщин и с тем большей горячностью отдался теперь переживаниям, которые пробудили в его характере новую черту, если не порочную, то во всяком случае разрушительную и дезорганизующую. Он любил женщин, любил красивые линии их тела, их внешнее очарование, а впоследствии должен был полюбить и душевную красоту (он и сейчас ее любил, только смутно, бессознательно), но его идеал женщины еще не был ему ясен. Маргарет Дафф была непосредственна, добра и обладала некоторой грацией и миловидностью. Вот, пожалуй, и все. Но, найдя для себя благоприятную почву, чувственность Юджина стала быстро расти и за несколько недель почти целиком завладела им. Он дня не мог прожить без этой девушки, а она охотно шла ему навстречу, лишь бы их связь не слишком бросалась в глаза. Маргарет слегка побаивалась родителей, но они, люди рабочие, рано ложились и спали крепко. Они, по-видимому, ничего не имели против ее встреч с молодыми людьми. Юджин был у нее не первый.

В продолжение трех месяцев страсть их была безудержна. Юджин проявлял жадность, ненасытность, а девушка, хоть и более холодная, рада была угодить возлюбленному. Ей льстил его пыл, жаркое пламя, которое она в нем загла; вскоре, однако, она почувствовала утомление. Затем стала сказываться разница натур, противоположность вкусов, взглядов, стремлений. Юджину в сущности не о чем было говорить с Маргарет, он не мог найти в ней отклика на свои более тонкие переживания. Она же не встречала в нем интереса к тем пустякам, которые ее занимали, – к остромам, услышанным с эстрады, к забавным замечаниям знакомых молодых людей и девушек. Маргарет умела одеться, но во всем, что касалось искусства, литературы, социальных проблем, была совершеннейшей невеждой, тогда как Юджин, при всей своей молодости, горячо отзывался на все, что происходило в мире. Ему были близки имена великих людей – Карлейля, Эмерсона, Торо, Уитмена, – дороги отзвуки их великой славы. Он читал о гениальных философах, художниках, композиторах, которые метеорами пронеслись по небу западного мира, и размышлял. Его волновало смутное предчувствие, что и он призван совершить нечто великое, и в своем юношеском энтузиазме он уже наполовину верил, что это будет очень скоро. Он знал, что девушка, с которой он сошелся, не удержит его надолго. Она увлекла его, но, увлеченный, он оставался господином, критиком и судьей. У него не раз мелькала мысль, что она ему не нужна, что он может найти кого-нибудь получше.

Естественно, что такие мысли неизбежно должны были убить страсть, как пресыщение неизбежно должно было породить такие мысли. Маргарет постепенно охладевала к Юджину. Ее злило его высокомерие, его порой надменный тон. Они ссорились из-за пустяков. Как-то вечером он с обычной заносчивостью заметил, что ей следовало бы сделать то-то и то-то.

– Брось, пожалуйста, командовать, – сказала она. – Ты всегда со мной разговариваешь, будто я твоя собственность!

– Так оно и есть, – сказал он шутя.

– Ты так думаешь! – вспыхнула она. – Найдутся и другие.

– Ну и отправляйся к ним, когда тебе будет угодно. Я не возражаю.

Его тон задел ее за живое, хотя Юджин сказал это больше в шутку, чем всерьез, и в действительности ничего такого обидного не имел в виду.

– Мне сейчас угодно! Незачем ходить ко мне, раз ты этого не хочешь. Обойдусь и без тебя.

Она вызывающе вскинула голову.

– Не дури, Маргарет, – сказал он, поняв, какое вызвал озлобление. – Ты вовсе этого не думаешь.

– Не думаю? А вот посмотрим!

Она отошла в противоположный угол. Он последовал за нею, но ее гнев снова пробудил в нем раздражение.

– Впрочем, как хочешь, – сказал он, постояв в нерешительности. – Я пойду, пожалуй.

Она ничего не ответила, ни о чем не просила, ничего не предлагала. Юджин пошел за шляпой и пальто.

– Хочешь поцеловать меня на прощание? – спросил он вернувшись.

– Нет, – холодно ответила она.

– Покойной ночи, – сказал он.

– Покойной ночи, – равнодушно отозвалась она.

Они так и не помирились окончательно, хотя отношения их и продолжались еще некоторое время.

Глава V

Связь с этой девушкой возбудила в Юджине почти неудержимый интерес к женщинам. Большинство мужчин втайне гордятся своими любовными успехами, и всякое доказательство умения покорить женщину, увлечь и удержать ее рождает в них уверенность и смелость, которой порой не хватает тем, кто не избалован подобными победами.

Для Юджина это была первая победа такого рода, и она доставила ему огромное удовлетворение. Он чувствовал больше уверенности в себе и совсем не испытывал стыда. Что знали, размышлял он, глупые мальчишки в Александрии о той жизни, какую он ведет здесь? Он, Юджин, живет в Чикаго. Это совершенно иной мир. Он стал мужчиной, человеком независимым, с установившейся индивидуальностью, представляющей интерес для других. Маргарет Дафф говорила ему много лестного о его особе. Она восхищалась его внешностью, манерами, его вкусом. Он испытал, что значит обладать женщиной. Все это вскружило голову Юджину, и даже то, что ему так бесцеремонно была дана отставка, не произвело на него никакого впечатления, – ведь он был готов ее принять. Теперь он стал тяготиться своей работой, так как десять долларов в неделю не могли удовлетворить уважающего себя молодого человека, особенно если он задался целью при первой же возможности вступить в новую связь, вроде только что оборвавшейся. Юджин решил искать место получше.

И вот однажды женщина, которой он доставлял белье на Уоррен-авеню, остановила его вопросом:

– Сколько вы, возчики, получаете в неделю?

– Я получаю десять долларов, – сказал Юджин. – Но некоторые, возможно, зарабатывают больше.

– Из вас вышел бы хороший инкассатор, – предложила она. Это была рослая женщина, с виду простая, но пронизательная и прямая. – Хотели бы вы перейти на такую работу?

Юджину давно опротивело развозить белье. Рабочий день был убийственно длинный. В субботу, например, он кончал в час ночи.

– Еще бы не хотеть! – воскликнул он. – Я не знаю, что это за должность, но в моей теперешней веселого мало.

– Мой муж служит управляющим в компании «Дешевая мебель», – продолжала женщина. – Там нужны хорошие инкассаторы. Сейчас у них, кажется, есть вакантное место. Хотите, я поговорю с ним?

Юджин обрадовался и поблагодарил ее. Вот уж действительно как с неба свалилось! Ему очень хотелось узнать, сколько получает такой инкассатор, но он решил, что спрашивать неудобно. Однако женщина, по-видимому, угадала его мысли.

– Если он вас возьмет, вы будете, вероятно, получать для начала долларов четырнадцать, – сказала она.

Юджин был в восторге. Вот это действительно шаг вперед! На четыре доллара больше! При таком жалованье он мог бы одеться и иметь свободные деньги. Он мог бы учиться живописи. Его мечты росли и множились. Да, можно пробить себе дорогу, стоит только захотеть. Добросовестность, с какою он обслуживал клиентов прачечной, получила должную награду. А дальнейшие труды на новом поприще принесут ему, возможно, и больший успех. Ведь он еще так молод.

К тому времени он уже проработал в прачечной полгода. И вот полтора месяца спустя на его имя пришло письмо от мистера Генри Митчли, управляющего компанией «Дешевая мебель», с просьбой зайти к нему на дом в любой вечер после восьми. «Мне порекомендовала вас моя жена», – сообщал он в заключение.

Юджин отправился по адресу в тот же день, и там его встретил и внимательно оглядел худощавый, подвижный, обходительный до слащавости человек лет сорока, который задал ему множество вопросов относительно его родителей, работы, получаемого жалованья и так далее. Наконец он сказал:

– Мне нужен дельный молодой человек. Для солидного, честного и трудолюбивого работника у нас очень хорошее место. Моя жена хвалит вас, и я готов вас испробовать. Я могу предложить вам должность на четырнадцать долларов. Заходите ко мне в следующий понедельник.

Юджин поблагодарил его. По совету мистера Митчли, он решил за неделю предупредить управляющего прачечной о своем уходе. Он рассказал Маргарет о своих планах, и она, по-видимому, была рада за него. Управляющий расстался с ним не без сожаления, так как Юджин работал добросовестно. За неделю он помог ввести в дело нового человека, взятого на его место, и в понедельник явился к мистеру Митчли.

Последний радушно встретил Юджина, так как угадывал в нем энергичного и способного работника. Он объяснил ему несложные обязанности инкассатора, которые заключались в том, чтобы взыскивать с клиентов текущие взносы за проданные им в рассрочку товары – часы, серебро, ковры и прочее, что составляло в среднем от семидесяти пяти до ста двадцати пяти долларов в день.

– В таком деле, как наше, у служащих обычно берут залог, – пояснил мистер Митчли, – но мы обходимся без этих новшеств. Мне кажется, я всегда отличу честного человека. К тому же у нас существует контроль. И если у человека дурные наклонности, с нами он не больно разживется.

Юджин никогда особенно не задумывался над тем, что значит быть честным. Дома ему не отказывали в небольших карманных деньгах, а служа в газете, он достаточно зарабатывал на свои нужды. С другой стороны, в его кругу быть честным считалось чем-то обязательным,

само собой разумеющимся. Кто не был честен, попадал в тюрьму. Он отлично помнил один прискорбный случай в Александрии, когда его знакомого арестовали за то, что он забрался ночью в какой-то магазин. На Юджина это происшествие произвело огромное впечатление. Впоследствии он немало думал об этих вопросах, но так ни до чего и не додумался. Он знал, что от него могут в любую минуту потребовать отчета в сумме, предоставленной в его распоряжение, и был готов к этому. Его заработка, считал он, должно хватать на жизнь, тем более что ему не нужно никого содержать. Он, в сущности, легко скользил по поверхности жизни, и честность его оставалась неиспытанной.

Юджин взял приготовленные для него счета и стал добросовестно обходить дом за домом. Одни клиенты платили с готовностью, и он выдавал им расписки, другие просили об отсрочке или совсем отказывались платить, ссылаясь на какие-то недоразумения с компанией. Нередко выяснялось, что люди, которых он разыскивал, съехали, не оставив адреса и захватив с собой неоплаченные вещи. В таких случаях он был обязан, как объяснил ему мистер Митчли, расспросить о них соседей.

Юджин сразу понял, что эта служба по нем. Пребывание на свежем воздухе, всегда в движении, сравнительная простота обязанностей – все нравилось ему. Эти обязанности заводили его в незнакомые части города и сталкивали с незнакомыми дотоле типами и характерами. Если работа возчика – необходимость ездить от дома к дому – действовала на него освежающе, то и новая его служба была в таком же роде. Он наблюдал сценки, которые могли в будущем послужить ему прекрасным материалом для картин. Темные массивы фабрик, высящиеся в светлом небе; широкое железнодорожное полотно, скрещивающиеся, переплетающиеся пути под дождем, под снегом, на ярком солнце; гигантские черные трубы, устремленные навстречу утренним или вечерним облакам. Особенно нравились ему эти трубы под вечер, когда они рельефно выделялись на фоне красного или тускло-фиолетового заката. «Изумительно!» – восклицал он про себя и думал о том, как будет поклоняться мир ему, Юджину, если он когда-нибудь создаст такие же великие произведения, как Гюстав Доре. Он восхищался грандиозным воображением этого мастера. Юджин никогда не представлял себя пишущим маслом, акварелью или мелом, – только тушью, и притом большими, грубыми пятнами черного и белого. Вот как нужно писать. Вот чем достигается сила впечатления.

Но он еще не мог создавать образы. Он мог только мыслить ими.

Больше всего восхищала его река Чикаго, ее черная, невероятно грязная вода, которую тяжело вспенивали пытящие буксиры, ее берега, где выстроились огромные красные элеваторы, черные желоба для погрузки угля и отливающие яркой желтизной склады лесных материалов. Вот где были настоящие краски, настоящая жизнь – вот что следовало писать. И другой пейзаж: приземистые, исхлестанные дождем сиротливые коттеджи, их серые унылые ряды на фоне голой прерии и одинокое корявое деревце где-нибудь сбоку. Он брал первый попавшийся конверт и силился запечатлеть главное, – передать ощущение, как он выражался, – но у него ничего не выходило. Все, что он рисовал, казалось ему жалким и шаблонным, – одни ничего не говорящие линии и безжизненные, тяжеловесные массы. Как достигали великие художники естественности и простоты рисунка? – спрашивал себя Юджин.

Глава VI

Юджин добросовестно работал – собирал взносы по счетам, сдавал собранные деньги – и уже успел кое-что скопить для себя. Маргарет была для него теперь далеким прошлым. Квартирная хозяйка Юджина, миссис Вудраф, уехала к дочери в Сидейлию, штат Миссури, и он перебрался в другой дом, попроще, на Двадцать первой улице, в восточной части города. Перед домом на лужайке в пятьдесят квадратных футов росло дерево, это-то и при-

влекло Юджина. Его новая комната, как и первая, стоила недорого, и он жил в семье. Он договорился платить двадцать центов за каждый завтрак, обед или ужин, который будет получать от хозяев, и, таким образом, расходовал на питание всего пять долларов в неделю. Из остальных девяти он тратил какие-то суммы на одежду, проезд и развлечения – на последние почти ничего. Как только у него появились кое-какие сбережения, он стал подумывать о том, чтобы наведаться в Институт искусств, который представлялся ему дорогой к успеху, и узнать условия поступления на вечерние курсы по рисунку. Юджин слышал, что плата там умеренная, всего пятнадцать долларов в семестр, и решил туда зачислиться, если к поступающим не предъявляют слишком строгих требований. Он постепенно приходил к убеждению, что рожден быть художником и рано или поздно им будет.

Старое здание Института искусств на углу Мичиган-авеню и Монро-стрит, еще до переезда Института в нынешнее внушительное помещение, являло образец изящества, которого так не хватает большинству общественных зданий того времени. Большое, шестиэтажное, из бурого песчаника, оно, помимо залов для выставок и классов, вмещало ряд рабочих студий отдельных художников, скульпторов и преподавателей музыки. Курсы были утренние и вечерние, и они уже в то время привлекали немало учащихся. Красота, таящаяся в искусстве, до некоторой степени расшевелила западного американца. Так мало красоты было в жизни этого народа, а между тем какой славы достигли те, кто сумел проявить себя на этом поприще и жил в этой изысканной атмосфере. Уехать в Париж! Поучиться там в какой-нибудь прославленной мастерской! Или в Мюнхен, Рим! Познакомиться с художественными сокровищами Европы, с жизнью артистических кварталов – одно это чего стоило! В груди многих неискушенных юношей и девушек горело поистине непреодолимое желание вырваться из болота будничной жизни, воспринять вкусы и нравы, присущие – как тогда считали – служителям искусства, усвоить их отчасти изысканные, отчасти небрежные манеры; поселиться в студии, пользоваться известной свободой, недоступной для простых смертных, – вот что надо делать, к чему стремиться. Разумеется, некоторая роль во всем этом отводилась и самому искусству. Предполагалось, что когда-нибудь вы обогатите мир замечательными полотнами и великолепными статуями, а пока вам можно и должно жить жизнью художника. Какая прекрасная, привольная жизнь!

Юджину давно уже грезилось нечто подобное. Он знал, что в Чикаго немало известных мастерских, что есть художники, создающие, судя по отзывам газет, превосходные произведения. В печати то тут, то там попадались сообщения о выставках, по большей части бесплатных, ибо публику и так было довольно трудно туда залучить. Однажды Юджин прочел о выставке картин Верещагина, прославленного русского баталиста, какими-то судьбами оказавшегося в западном полушарии. В одно из воскресений Юджин отправился посмотреть его картины и был потрясен великолепной передачей деталей боя, изумительными красками, правдивостью образов, ощущением трагизма, мощи, опасности, ужаса и страданий, которое исходило от этих полотен. Они свидетельствовали о зрелости и глубине таланта русского художника, об исключительном богатстве его воображения и темперамента. Юджин смотрел и думал о том, как достигнуть такого совершенства. И в течение всей дальнейшей жизни имя Верещагина было для него величайшим стимулом. Если быть художником, то только таким.

В другой раз Юджин увидел картину, которая затронула в нем иные струны, хотя природа впечатления и на этот раз была художественной. Это была картина французского художника Бугро – крупное, теплое по колориту нагое женское тело. Совсем недавно этот художник произвел сенсацию своими смелыми изображениями обнаженной натуры. Излюбленными образами Бугро были не жеманные, миниатюрные, хрупкие существа, лишенные силы и страсти, а прекрасные, полнокровные женщины, со сладострастными линиями шеи, рук, груди, бедер и ног, женщины, созданные для того, чтобы зажечь лихорадочный огонь в крови молодого мужчины. Художник, несомненно, понимал и знал страсть, любил форму,

чувственность, красоту. За его прекрасными образами угадывалось брачное ложе, материнство и пухлые, цветущие младенцы, радостно прижимаемые к груди. Его женщины вставляли во всей своей красе и притягательной силе: с полуоткрытыми сочными губами, с румянцем страсти на щеках, с манящим желанием в глазах. Нечего и говорить, что консерваторы и пуритане, люди религиозного и строгого воспитания, предавали такие картины анафеме. Уже одного того, что это полотно было привезено в Чикаго для продажи, оказалось достаточно, чтобы вызвать бурю возмущения. Нельзя рисовать такие вещи, кричали газеты, во всяком случае незачем показывать их публике. Многие хотели видеть в Бугро одного из тех, кто сеет соблазн и пытается своим талантом внести разложение в общественные нравы. Поднялся вопль, что картину надо убрать, и, как всегда бывает при взрывах общественного протеста, она вызвала в публике огромный интерес.

Юджин тоже заинтересовался дискуссией. Он не только не видел раньше полотен Бугро, он вообще никогда не видел ни одной настоящей картины, изображающей обнаженное тело. Освобождаясь обычно в три часа, он успевал посещать выставки, тем более что его теперешняя работа позволяла ему всегда носить хороший костюм. Юджин выглядел серьезным, солидным молодым человеком, и его просьба показать что-либо в художественном салоне не должна была вызвать недоумения. По внешнему виду он вполне мог принадлежать к интеллигенции или к племени художников.

Не будучи уверен в том, какой прием будет оказан столь молодому человеку (ему еще не исполнилось и двадцати лет), Юджин тем не менее рискнул зайти в магазин, где был выставлен Бугро, и попросил показать ему картину. Служитель с любопытством оглядел его, но все же проводил в глубь магазина, в комнату с темно-красными портьерами, включил электрическую люстру в нише, затянутой красным бархатом, и отдернул занавес, скрывавший картину. Юджин никогда не видел такого тела, такого лица. Это была красота, которая является только в мечтах, — его идеал, воплощенный в жизнь. Он смотрел, не отрываясь, на это лицо и шею, на пышный узел чувственных каштановых волос, на губы, раскрытые, словно лепестки, на нежные щеки. С изумлением разглядывал он мягко намеченные груди и живот — это обещание материнства, которое так воспламеняет мужчин. Он мог бы часами стоять, созерцая и наслаждаясь, но служитель, оставивший его одного на несколько минут, вернулся.

— Сколько она стоит? — спросил Юджин.

— Десять тысяч долларов, — последовал ответ.

Юджин понимающе усмехнулся.

— Да, вещь замечательная, — сказал он и направился к выходу. Служитель выключил свет.

Эта картина, как и полотно Верещагина, оставила глубокий след в душе Юджина. Но, как ни странно, у него не было желания создать что-либо в этом роде. Он лишь испытывал радостное волнение, разглядывая ее. Эта картина воплотила его идеал женщины — идеал красоты, и он всем существом жаждал найти подобное создание, которое отнеслось бы к нему благосклонно.

Были и другие выставки (на одной он, между прочим, увидел подлинного Рембрандта), которые произвели на него немалое впечатление, но ни один художник не взволновал его так глубоко, как Верещагин и Бугро. Юджина все неудержимее влекло к искусству; ему хотелось побольше узнать и самому испытать свои силы. Однажды, набравшись смелости, он зашел в Институт искусств и навел справки у секретарши. Это была женщина с весьма практическим складом ума. Она сообщила ему, что занятия продолжаются с октября по май, что он может записаться в класс живой натуры, или гипсов, или в тот и другой — хотя гипсы для начала целесообразнее, — или в класс иллюстрации, где натурщиков и натурщиц пишут в костюмах различных эпох, а также сказала, сколько ему придется платить за это. Он узнал,

что в каждом классе свой преподаватель (человек с именем и весом), – но Юджину пока нет надобности обращаться к кому-либо из них, – а также свой староста. От учащегося требуется добросовестная работа – ради его же собственного блага. Юджин не видел самые классы, но вынес впечатление, что здесь каждый уголок насыщен искусством; даже коридоры и служебные комнаты были изящно отделаны, и всюду висели гипсовые слепки – руки, ноги, торсы, бедра и головы.

Юджину казалось, что он постоял у открытой двери и заглянул в новый мир. Он с радостью узнал, что ему предоставляется возможность учиться рисовать пером или кистью в классе иллюстрации, а также, если он пожелает, заниматься вечерами по классу живой природы и посещать, без особой доплаты, от пяти до шести класс эскиза. Он несколько удивился, узнав из врученного ему печатного проспекта, что в классе живой природы пишут с обнаженных моделей – мужчин и женщин. Он и впрямь был на пути в новый мир. Этот мир казался ему естественным и необходимым, но вместе с тем от него веяло чем-то неприступным, наводившим на мысль о священном храме, куда доступ открыт лишь избранным и одаренным. Одарен ли он? Погодите! Он еще покажет себя, хоть он и неотесанный провинциал!

Юджин решил записаться, во-первых, в класс живой природы, где занятия происходили по понедельникам, средам и пятницам от семи до десяти, и, во-вторых, в класс эскиза, который работал ежедневно с пяти до шести. Он понимал, что знает очень мало – вернее, ничего не знает – о строении и анатомии человеческого тела и что ему лучше всего поработать над этим. Костюм и иллюстрация подождут, а что касается пейзажей, тех самых видов города, которые его особенно увлекали, то с этим надо повременить, пока он не постигнет основного.

До сих пор Юджин никогда не пытался рисовать лицо или человеческую фигуру – разве только очень мелким планом, как деталь более крупной композиции. Теперь ему предстояло делать углем наброски головы или тела с живой природы, и это его пугало. Он знал, что придется работать в одном классе с пятнадцатью – двадцатью другими студентами, которые увидят его работы и будут критиковать их. Дважды в неделю их будет просматривать преподаватель. Как он узнал из проспекта, тот, кто в течение месяца обнаружил наибольшие успехи, получает право выбирать себе лучшее место всякий раз, когда группа приступает к новой работе. Преподаватели представлялись Юджину людьми хорошо известными среди американских художников – все это были «Н. А.», «национальные академики». Он и не подозревал, с каким презрением относились к этому званию в некоторых кругах.

Однажды вечером, в один из октябрьских понедельников, запасшись несколькими листками бумаги, которую он приобрел, следуя указаниям все того же всеведущего проспекта, Юджин приступил к занятиям. Он слегка нервничал, оглядывая ярко освещенные коридоры и классы, и вид проходивших мимо молодых людей и девушек отнюдь не способствовал его успокоению. Ему сразу бросились в глаза их веселость и непринужденные манеры. Студенты производили впечатление интересных, мужественных и в большинстве красивых мужчин, а студентки – изящных, бойких и уверенных в себе молодых особ. Одна или две из них, как мысленно отметил Юджин, выделялись какой-то своеобразной, непонятной ему красотой. О, это был прекрасный мир.

Классные комнаты поразили его не меньше. Они так давно служили своему назначению, что все стены их были измазаны краской, соскобленной с палитр. Не было даже мольбертов, одни только стулья и маленькие скамеечки; стульями, как узнал Юджин, студенты пользовались вместо мольбертов, перевернув их ножками кверху, скамеечки заменяли им стулья. Посередине класса были устроены подмости высотой с обыкновенный стол, где позировали натурщицы или натурщики, а в одном углу комнаты стояла ширма, за которой они одевались. Ни картин, ни статуй – голые стены, и у одной из них почему-то рояль. В коридорах и в общем зале висели изображения нагого тела или его частей во всевозможных

положениях, и для Юджина, при его непосредственности и молодости, это служило немалым соблазном. Он посматривал на них с тайным удовольствием, но понимал, что никому не должен признаваться в таких мыслях. Люди искусства, говорил он себе, должны казаться равнодушными к подобным искушениям, они должны быть выше таких чувств. Ведь они приходят сюда работать, а не мечтать о женщинах.

Когда настал час, назначенный для занятий, студенты засуетились и забегали, некоторые стали совещаться между собой, и вскоре мужчины заняли один ряд комнат, а женщины – другой. В своем классе Юджин увидел молоденькую девушку, которая сидела у самой ширмы и со скучающим видом смотрела по сторонам. Черноволосая и черноглазая, она была хороша собой; ее лицо выдавало ирландское происхождение. На ней была шапочка, напоминавшая национальный головной убор польских женщин, и красный плащ. Юджин подумал, что это натурщица, и втайне спрашивал себя, неужели он и в самом деле увидит ее нагой. Спустя несколько минут, когда все расселись, по рядам прошло легкое движение, и в класс неторопливо вошел высокий мужчина лет тридцати шести, весьма живописной внешности. Он гуляющей походкой прошел через всю комнату и потребовал внимания. На нем был поношенный серый шерстяной костюм и небрежно сдвинутая набекрень коричневая шляпа с небольшими полями, которую он не нашел нужным снять. Под пиджаком виднелась голубая в полоску рубашка с отложным воротником и без галстука – все вместе придавало ему чрезвычайно самодовольный вид. Это был высокий, стройный мужчина, с длинным, узким лицом, твердо очерченной линией большого рта, крупными руками и ногами; ходил он вперевалку, как моряк. Юджин догадался, что это и есть «м-р Темпл Бойл, Н. А.», их преподаватель, и ожидал, что сейчас будет произнесено нечто вроде вступительной речи. Но тот лишь заявил, что старшим по классу назначен мистер Уильям Рэй, и выразил надежду, что не услышит жалоб на беспорядок и напрасную трату времени. По средам и пятницам он будет регулярно просматривать работы и надеется, что все студенты постараются заниматься успешно. Затем он предложил классу приступить к делу и так же неторопливо удалился.

Юджин узнал от одного из студентов, что это действительно был мистер Бойл. Молодая ирландка прошла за ширму, и Юджин со своего места увидел, что она раздевается. Это смутило его, но он взял себя в руки, чтобы не опозориться в присутствии стольких студентов. Он перевернул стул ножками кверху, как это сделали другие, и сел на скамеечку. Уголь в маленькой коробочке лежал рядом. Он разгладил бумагу, натянутую на доску, и нетерпеливо ждал, сохраняя внешнее спокойствие. Некоторые студенты переговаривались между собой. Наконец натурщица сбросила с себя тонкую, прозрачную сорочку, и в следующее мгновение показалась из-за ширмы нагая и совершенно спокойная. Поднявшись на помост, она стала в позу лицом к студентам, опустив руки вдоль бедер и запрокинув голову. У Юджина зазвенело в ушах, краска залила лицо, сначала он даже боялся посмотреть на девушку. Потом, взяв уголь, он начал наносить на бумагу какие-то робкие штрихи, пытаясь хотя бы отчасти передать ее позу и черты лица. Все происходившее казалось ему необыкновенным – и то, что он в этой комнате, и то, что перед ним натурщица, – словом, что он учится живописи. Так вот каков этот мир, столь не похожий на тот, который он знал до сих пор. И он вступил в него, так как нашел свое призвание.

Глава VII

Только окончательно решив поступить в Институт искусств, Юджин впервые навестил свою семью. Несмотря на то, что его родной дом находился в каких-нибудь ста милях от Чикаго, у него никогда не возникало желания поехать туда, даже на рождественские праздники. Но теперь у него есть что сказать родным – он будет художником. А что до его службы,

тут все обстояло как нельзя лучше. Мистер Митчли был им, по-видимому, доволен. Юджин ежедневно сдавал ему деньги и неоплаченные счета. Тот проверял наличность, а на неоплаченных счетах делал пометку «Ко взысканию». Случались у Юджина и просчеты: денег оказывалось то слишком много, то слишком мало. Но так как излишками покрывались недостающие суммы, то в конечном итоге счет выравнивался. В денежных вопросах Юджин не был способен к обману. Ему многое хотелось бы приобрести, но он готов был терпеливо ждать, пока это достанется ему честным путем. Именно эта черта в его характере и нравилась мистеру Митчли. Он стал подумывать, что из Юджина, пожалуй, выйдет толк.

Юджин выехал из Чикаго в пятницу вечером, перед Днем труда – праздником, который, как известно, приходится на первый понедельник сентября и который неукоснительно отмечался в городе всеми. Он сообщил мистеру Митчли о своем желании выехать в субботу после рабочего дня, чтобы провести дома воскресенье и понедельник, но тот предложил ему сделать за четверг и пятницу все, что у него намечено на субботу, и выехать в пятницу вечером.

– Тем более что в субботу мы работаем только полдня, – добавил он. – Таким образом, вы и с делами справитесь и дома пробудете не два, а три дня.

Юджин поблагодарил мистера Митчли и последовал его совету. Он уложил в чемодан все лучшее, что у него было из одежды, и сел в поезд, думая о том, что его ждет дома. Много изменилось за это время! Стелла уехала. Его юношеская наивность и неопытность отошли в прошлое. Теперь он едет домой как человек бывалый, с кое-какими перспективами на будущее. Он и не догадывался, каким мальчиком он еще выглядел, как мало еще знал жизнь и как далеко было ему до того трезвого благоразумия, которое так высоко ценит мир.

На вокзале в Александрии Юджина встретили отец, Миртл и Сильвия со своим двухлетним сынишкой. Они приехали в семейной коляске, в которой было место и для него. Юджин ласково поздоровался со всеми и с подобающей скромностью принял их восторженные похвалы своей внешности.

– Здорово ты вырос! – воскликнул отец. – Оказывается, Юджин, ты будешь высоким мужчиной. Я уже боялся, что ты перестал расти.

– А мне и не заметно, что я сколько-нибудь вырос, – сказал Юджин.

– Нет, правда, – вставила Миртл. – Ты стал гораздо выше, Джин. И потому кажешься похудевшим. Ну как ты, поздоровел, окреп?

– Еще бы мне не окрепнуть, – смеясь, ответил Юджин, – когда я за день делаю миль пятнадцать – двадцать и все время на свежем воздухе!

Сильвия справилась насчет его желудка. В общем, все то же самое, ответил Юджин. То как будто лучше, то опять хуже. Один врач посоветовал ему выпивать утром стакан горячей воды, но он никак себя не заставит. Противно глотать эту гадость.

Так, за разговорами и расспросами, они и не заметили, как доехали до дому, где миссис Витла ждала их на крыльце. Завидев ее в поздних сумерках, Юджин соскочил на ходу и бросился к ней.

– Мапочка! – воскликнул он. – Не ждала меня так скоро, правда?

– Скоро, говоришь?.. – только и вымолвила она и припала к его груди. Несколько секунд она не выпускала его из объятий, а потом сказала: – Ты стал совсем взрослым, Юджин!

Юджин прошел в гостиную и огляделся. Все здесь было по-прежнему. Те же книги, тот же стол и стулья, та же лампа, спускающаяся на блоке с потолка. Ничего нового не прибавилось ни в другой, парадной, гостиной, ни в спальнях, ни в кухне. Мать немного постарела, отец – нисколько. Сильвия заметно изменилась. Ее круглое личико слегка осунулось и заострилось. «Печать материнства», – подумал Юджин. Лицо Миртл светилось спокойствием и счастьем. У нее был теперь жених, некий Фрэнк Бэнкс, управляющий местной мебельной фабрикой. Он был совсем еще молод и недурен собой. В семье считали, что со

временем он будет состоятельным человеком. Старый Билл – одна из двух рабочих лошадей – был продан. Не было в живых Бродяги – одной из овчарок, и кот Джек погиб где-то во время ночных прогулок.

Юджин стоял в кухне и наблюдал за матерью, которая жарила для него увесистый бифштекс и готовила в честь его приезда бисквит со сладкой подливкой, и у него было такое ощущение, словно этот мир стал ему чужим. Он был еще теснее и меньше, чем ему представлялось. Да и самый город, когда он проезжал по улицам, казался ему меньше, меньше стали и дома. Конечно, здесь было хорошо. Но эти уютные, тихие дворики чересчур уж напоминали деревню. А отец, со своей торговлей швейными машинами, – до чего же он ограничен. Типичный провинциал. Как это дико, вдруг подумал Юджин, что у них в доме никогда не было рояля. А ведь Миртл любит музыку. И сам он тоже обнаружил в себе страстную любовь к музыке. В Центральном музыкальном зале в Чикаго по вторникам и пятницам давались органские концерты, и он иногда успевал попасть на них после работы. Кроме того, выступления некоторых видных проповедников, – людей, известных своими либеральными взглядами, как, например, профессор Суинг, преподобный Г. У. Томас, преподобный Гансолус, профессор Солтас, – всегда сопровождалась прекрасной музыкой. Все это Юджин открыл для себя в своем стремлении узнать жизнь и бежать от одиночества. И теперь он понимал, что старый мир, в котором он жил когда-то, был просто глухим, захолустным городишкой. Никогда он не вернется к такой жизни.

На другой день, отлично выспавшись в своей прежней спальне, Юджин пошел в «Морнинг Эппил» повидаться с мистером Калемом Уильямсом и мистером Берджесом, с Джоном Лайлом и Джоном Саммерсом. На площади возле суда он повстречал Эда Митчела и Джорджа Тэпса, а потом Билла Грониджера и еще четырех или пятерых товарищей по школе. От них он узнал все новости. Джордж Андерсон женился на здешней девушке и теперь живет в Чикаго – работает там на бойнях. Эд Уотербери уехал в Сан-Франциско. Хорошенькая дочка мистера Сэмпсона, Бесси Сэмпсон, когда-то так дружившая с Тэдом Мартинвудом, сбежала с приезжим из Андерсона, что в штате Индиана. Об этом в свое время было много разговоров.

Юджин слушал. Но каким все это казалось ему ничтожным по сравнению с той новой средой, в которую он попал. Ни один из этих молодых людей и не догадывался, какие виды на будущее рисовались ему, Юджину. В Париж! Ни в коем случае не меньше! И в Нью-Йорк! Хотя он не мог бы сказать, какой дальней дорогой туда доберется. А Билл Грониджер устроился на службу в багажное отделение одного из местных вокзалов и рад. Бог ты мой!

В редакции «Морнинг Эппил» все было по-старому. Юджин после двух лет думал найти здесь большие перемены, а между тем изменился он сам. Это он попал в круговорот всяких ломок и превращений. Он чистил ржавые печи, он был помощником агента по продаже недвижимого имущества, возчиком, инкассатором. Он узнал Маргарет Дафф, и мистера Редвуда, заведующего прачечной, и мистера Митчли. Большой город озарил его своим светом – Верещагин, Бугро, Институт искусств. Он шел вперед семимильными шагами, а этот городок тоже двигался, но так же, как раньше, понемножку, не торопясь.

Калев Уильямс, как и встарь, носился по комнате веселый, разговорчивый, исполненный участия.

– Рад тебя видеть, Юджин, – заявил он, уставившись на него своим единственным, слезящимся глазом. – Рад, что ты делаешь успехи. Это хорошо. Со временем будешь художником, а? Что ж, я лично считаю, что ты для того и создан. Я не всякому молодому человеку посоветовал бы ехать в Чикаго, но ты будешь там как раз на месте. Если б у меня не было жены и троих детей, ни за что бы оттуда не уехал. Но когда у человека семья... – Он сделал выразительную паузу и покачал головой. – О-хо-хо! По одежке протягивай ножки.

И ушел искать запропастившуюся куда-то записку.

Джонас Лайл был все так же осанист, флегматичен и философски настроен. Он приветствовал Юджина серьезным, испытующим взглядом.

– Ну-с, как дела?

Юджин улыбнулся.

– Неплохо.

– Наборщиком, значит, не собираетесь быть?

– Как будто нет.

– Что ж, это, пожалуй, к лучшему. Их и без того слишком много.

Пока они разговаривали, подошел бочком Джон Саммерс.

– Как поживаете, мистер Витла? – спросил он.

Юджин посмотрел на него. Джон был уже отмечен печатью смерти. Он еще больше исхудал, лицо приняло мертвенный оттенок, плечи ссутулились.

– Очень хорошо, мистер Саммерс, – сказал Юджин.

– А я не могу похвастаться, – сказал старый печатник. Он многозначительно постучал себя по груди. – Эта штука скоро меня доконает.

– Не верьте ему, – вмешался Лайл. – Джон вечно ноет. Он здоров, как никогда. Я ему говорю, что он еще лет двадцать проскрипит.

– Нет, нет, – сказал Саммерс, качая головой. – Я-то знаю.

И он тут же куда-то исчез, пояснив предварительно: «Это здесь рядом, через дорогу», как всегда говорил, когда шел выпить.

– Он и года не протянет, – сказал Лайл, едва за ним закрылась дверь. – Берджес только потому его терпит, что стыдно выгонять больного на улицу. Но его песенка спета.

– Это сразу видно, – сказал Юджин. – Выглядит он ужасно.

И они продолжали беседовать в том же духе.

В двенадцать часов Юджин вернулся домой. Миртл заявила, что вечером он непременно должен пойти с ней и с мистером Бэнгсом в гости. Там будут игры, угощение. Ему никогда раньше не случалось задумываться над тем, что молодежь в городе не танцевала и почти не занималась музыкой. Редко у кого в доме был рояль.

После ужина пришел мистер Бэнгс, и все трое отправились на типичную для провинциального городка вечеринку. Она немногим отличалась от тех, на которых Юджин бывал когда-то со Стеллой, – разве только участники ее почти все были постарше. Два года играют огромную роль в жизни молодых людей. Человек двадцать юношей и девушек с трудом помещались в трех просторных комнатах и на веранде; окна и двери на веранду были раскрыты. За окнами была пожелтевшая трава и редкие осенние цветы. Трещали кузнечики, запоздалые светлячки носились в воздухе. Был тихий, теплый вечер.

Первые попытки создать непринужденное настроение были не очень успешны. Кого-то с кем-то знакомили, местные денди перебрасывались остротами и шутками. Было довольно много новых лиц, преимущественно среди девушек; одни перебрались сюда из других мест, другие за время отсутствия Юджина успели расцвести и созреть.

– Выходите за меня замуж, Мэдж, я куплю вам котиковые сережки! – услышал он слова одного из юнцов.

Юджин улыбнулся, а девушка посмотрела на него и рассмеялась.

– Он воображает, что это остроумно.

Юджину всегда стоило больших усилий преодолеть сковывавшую его в таких случаях застенчивость. Он боялся уронить себя во мнении окружающих – в этом проявлялось его тщеславие, его повышенное самолюбие. И сейчас он нерешительно прислушивался к разговорам, пытаясь с помощью двух-трех остроумных замечаний присоединиться к общей беседе, и уже начал было оживляться, когда в комнату вошла незнакомая ему девушка в сопровождении жениха Миртл – Бэнгса. Она весело смеялась чему-то, и этот веселый, мело-

дичный смех сразу привлек к себе внимание Юджина. На ней было белое платье, отделанное золотисто-коричневой лентой, пропущенной на подоле по краю оборки. Длинные толстые косы оттенка матового золота обвивали ее голову. У нее был прямой нос, тонкие и румяные губы и чуть выдающиеся скулы. Что-то было в ней, выделявшее ее среди окружающих, – едва уловимое обаяние незаурядности. Юджина безотчетно потянуло к этой девушке.

Подвел ее к Юджину Бэнгс. Это был подтянутый, всегда улыбающийся молодой человек, крепкий, как молодой дубок, простой и честный.

– Позвольте вас представить, Юджин, это – мисс Блю. Она из Висконсина и часто бывает в Чикаго. Я говорю ей, что вы непременно должны познакомиться. Вы можете как-нибудь встретиться там.

– Как это удачно! – обрадовался Юджин. – Я чрезвычайно рад познакомиться с вами. Где вы живете в Висконсине?

– В Блэквуде, – смеясь, ответила она, и в ее зеленовато-голубых глазах заплескали огоньки.

– Волосы у нее желтые, глаза голубые, а сама из Блэквуда², – сказал Бэнгс. – Каково? Он широко улыбался, поблескивая ровными белыми зубами.

– Вы упустили синее имя и белое платье. Мисс Блю³ должна всегда носить белое.

– Да, этот цвет подходит к моей фамилии, верно? – воскликнула она. – Дома я и хожу обычно в белом. Ведь я всего только скромная провинциалка и почти всегда сама шью себе платье.

– Вы и это самишили? – спросил Юджин.

– Конечно, сама.

Бэнгс отступил на шаг, чтобы получше рассмотреть платье.

– Гм, оно и вправду, красиво! – объявил он.

– Мистер Бэнгс ужасный льстец, – с улыбкой сказала девушка, обращаясь к Юджину. – Он все время говорит мне комплименты.

– Он прав, – сказал Юджин. – Я согласен с ним насчет платья и считаю, что оно очень идет к вашим волосам.

– Вот видите, он тоже пал жертвой, – рассмеялся Бэнгс. – Это общая участь. Ну, а теперь я вас покину. Мне пора, а то я оставил вашу сестру, Юджин, на попечении своего соперника.

Юджин повернулся к девушке и улыбнулся ей своей сдержанной улыбкой.

– Я сейчас как раз думал о том, что с собой делать. Я здесь не был два года и как-то совсем разошелся с людьми.

– Мое положение еще хуже. Я всего две недели в Александрии и почти никого не знаю. Миссис Кинг вывозит меня в свет и знакомит со здешним обществом, но все это так для меня ново, что я никак не могу освоиться. Я нахожу, что Александрия славный город.

– Хороший городок. Вы, вероятно, уже видели озера?

– Да, конечно. Мы ловили рыбу, катались на лодке, спали в палатках. Я чудесно провела время, но завтра мне уже надо уезжать.

– Неужели? – сказал Юджин. – Да ведь и я завтра еду. Поездом в четыре пятнадцать.

– И я еду тем же поездом! – сказала она, смеясь. – Быть может, поедем вместе?

– Непременно. Вот удачно. А я думал, что придется ехать одному. Я вырвался сюда всего на несколько дней. Я работаю в Чикаго.

Они принялись рассказывать друг другу о себе. Она была родом из Блэквуда – городка в восьмидесяти пяти милях от Чикаго – и там провела всю свою жизнь. У нее несколько братьев и сестер. Ее отец, местный фермер, по-видимому, увлекался политикой, но был не

² Блэквуд (англ.) – черный лес.

³ Блю (англ.) – синий, голубой.

чужд и других интересов. Из беглых замечаний своей новой знакомой Юджин понял, что ее семья, хоть они и небогаты, пользуется всеобщим уважением. Один ее зять работает в банке, другой – владелец элеватора. Сама она школьная учительница и уже несколько лет преподает в Блэквуде.

Она была на целых пять лет старше Юджина – он тогда не знал этого, и обладала тактом и теми огромными преимуществами, какие дает такая разница в возрасте. Ей надоело быть учительницей, надоело нянчиться с детьми замужних сестер, надоела необходимость работать и жить дома, между тем как проходили ее лучшие годы. Ее влекло к способным людям, глупые деревенские юнцы не интересовали ее. Вот и сейчас один такой блэквудский житель просил ее руки, но это был бесцветный человек, право же, недостойный ее и неспособный создать ей обеспеченную, благоустроенную жизнь. С грустью, с отчаянием, со смутной надеждой и затаенной страстью ждала она чего-то лучшего и не находила. Встреча с Юджином не сулила ей желанного выхода. Да и не так уж безоглядно гналась она за счастьем, чтобы на каждое знакомство смотреть под определенным углом. Но этот молодой человек привлекал ее больше всех, с кем ей случалось знакомиться в последнее время. По-видимому, у них было что-то общее в характере. Ей нравились его большие ясные глаза, темные волосы, его эффектная бледность. Он казался лучше всех, кого она знала, и она надеялась сойтись с ним поближе.

Глава VIII

Остаток вечера Юджин провел если не исключительно в обществе мисс Анджелы Блю (он узнал, что ее зовут Анджелой), то во всяком случае вблизи нее. Она привлекала его не только своей внешностью – хотя была прелестна, – но и какой-то особенностью своего темперамента, которую он все время ощущал, как иногда долго ощущаешь на языке приятный вкус. Он решил, что она очень молода, и был очарован ее – как ему казалось – невинностью и наивностью. На деле же Анджела была не столь уж молода и наивна, – скорее она бессознательно разыгрывала простодушие. Это была хорошая в общепринятом смысле слова девушка, преданная, честная, порядочная до мелочности, с твердыми нравственными правилами. Брак и материнство она считала долгом и уделом всякой женщины, но, вдоволь намучившись с чужими детьми, не испытывала особенного желания обзаводиться собственными, а тем более иметь много детей. Она, конечно, не надеялась избежать этой общей, столь превозносимой многими участи, и полагала, что и ей, по примеру сестер, предстоит выйти замуж за преуспевающего дельца или человека солидной профессии, что у нее будет трое, четверо или пятеро здоровых ребят, что она станет хозяйкой образцового дома среднего достатка и будет преданной служанкой своего мужа. В ней таилась глубокая страстность, которая – как она постепенно начала сознавать – никогда не найдет полного удовлетворения. Ни один мужчина не способен ее понять, ни один из тех, во всяком случае, кто может оказаться на ее пути, а между тем она знала, что любовь – это ее призвание. Если бы ей встретился человек, который сумел бы зажечь в ней чувство и был бы этого достоин, каким вихрем страсти она ответила бы ему! Как бы она любила, как жертвовала бы собой! Но, по-видимому, ее мечтам не суждено было сбыться: столько времени прошло, и ни разу еще не появился на ее горизонте «настоящий» мужчина. И вот теперь, в двадцать пять лет, когда она так грезила о счастье и тянулась к нему, перед нею неожиданно предстал предмет ее мечтаний, а она даже не сразу поняла это.

Взаимное влечение мужчины и женщины сказывается очень скоро, Юджин был во многом зреее Анджелы. Он был осведомленнее ее в некоторых вопросах и обладал более широким кругозором, к тому же в нем были заложены силы, недоступные ее пониманию. Но вместе с тем он был беспомощной игрушкой своих чувств и желаний. Чувства Анджелы, –

хотя, возможно, и более сильные, – питались другим. Звезды, ночь, красивый пейзаж, все то чарующее, что есть в природе, волновало Юджина до грусти. Что касается Анджелы, то природа, в ее наиболее ярких проявлениях, оставалась ей, в сущности, чуждой. Горячий отклик, как и в Юджине, находила в ней музыка. В литературе он ценил реалистическое направление, ей же нравились чувствительно-возвышенные истории, имеющие порой отдаленное отношение к реальности. Искусство в своих чисто эстетических формах ничего не говорило ее душе, для Юджина же оно было источником утонченных наслаждений. История, философия, логика, психология оставались для нее закрытой книгой, тогда как для Юджина это уже были распахнутые двери, вернее, поросшие цветами тропы, по которым он радостно бродил. И, несмотря на все это, их влекло друг к другу.

Были между ними и другие различия. Для Юджина условности ничего не значили, и его представления о добре и зле показались бы непонятными рядовому человеку. Он склонен был симпатизировать всякому человеческому существу, независимо от его характера и положения, – высокоразвитому и невежественному, опрятному и нечистоплотному, веселому и грустному, с белой, желтой или черной кожей. Анджела, наоборот, отдавала явное предпочтение людям, которые вели себя соответственно с правилами добропорядочности. Ей с детства внушали уважение к тем, кто особенно усердно работает, по возможности во всем себе отказывает и сообразует свои действия с общепринятыми понятиями о том, что хорошо и что дурно. Ей и в голову не приходило критиковать установившиеся взгляды. То, что записано на скрижалях общественного и морального кодекса, не подлежало для нее изменению. Возможно, что существуют милейшие люди и за пределами ее круга, но с ними немислимо общаться и им нельзя сочувствовать. Для Юджина же всякий человек был прежде всего человеком. Находясь среди отверженных и неудачников, он мог весело смеяться с ними и над ними. Все на свете восхитительно, прекрасно, занято. Даже суровый трагизм жизни, и тот был для него как-то оправдан, хотя Юджин не оставался к нему равнодушен. Почему он все-таки почувствовал такое влечение к Анджеле, остается загадкой. Возможно, что они в то время как-то дополняли друг друга, подобно тому, как спутник дополняет более крупное светило, так как эгоизм Юджина требовал похвалы, сочувствия, женской ласки. Анджеле же воспламенила горячая страстность его натуры.

На другой день, в поезде, они провели почти три часа в упоительной беседе. Чуть ли не с первых слов он рассказал ей, как два года назад ехал по той же дороге, тем же поездом и в те же часы. Рассказал, как бродил по улицам большого города в поисках ночлега, как получил работу и не возвращался домой в Александрию, пока не убедился, что обрел свое призвание. Теперь он будет учиться живописи, а затем поедет в Нью-Йорк или Париж, будет работать в журналах, а возможно, и писать картины. Он любил порисоваться перед теми, кто восхищался им, а здесь он был уверен в восхищении. Его спутница смотрела на него глазами, которые ничего, кроме него, не видели. Этот человек действительно не был похож на тех, кого она когда-либо знала, – он был молод, талантлив, честолобив, обладал богатым воображением. Он хотел пробить себе дорогу в мир, куда стремилась и она, – без малейшей, впрочем, надежды его увидеть, – в мир искусства. И вот будущий художник рассказывает ей о своих планах, говорит о Париже. Как это прекрасно!

Когда они стали подъезжать к Чикаго, Анджела сказала, что ей придется немедленно пересест в поезд, следующий из Чикаго в Сент-Пол и останавливающийся в Блэквуде. По правде сказать, у нее было немного тоскливо на душе и сердце чуть щемило, так как летние каникулы подошли к концу и ей предстояло снова вернуться к занятиям в школе. Две недели, которые она провела в гостях у миссис Кинг, своей бывшей школьной подруги, уроженки Блэквуда, промелькнули как чудесный сон. Подруга приложила все старания, чтобы Анджеле было весело. И вот все миновало. Да и знакомство с Юджином скоро оборвется, он еще ни словом не обмолвился о том, чтобы снова встретиться с нею. Но она только поду-

мала, что хорошо было бы поближе узнать тот мир, который он обрисовал ей в таких ярких красках, как Юджин сказал:

– Мистер Бэнгс говорил мне, что вы время от времени навещаетесь в Чикаго?

– Да, правда, – ответила она. – Я иногда приезжаю, чтобы побывать в театре и кое-что купить.

Анджела не рассказала ему, что эти поездки вызваны соображениями практического свойства, так как она славилась в семье умением покупать, и для больших закупок родные часто посылали ее в Чикаго. Практичностью и хозяйственностью она превосходила их всех, а кроме того, сестры и друзья чрезвычайно ценили ее за то, что она охотно брала на себя всякие хлопоты. При ее любви к труду ей грозила опасность превратиться в рабочую лошадку для всей семьи. За что бы она ни бралась, она все делала добросовестно, но занималась почти исключительно хозяйственными мелочами.

– А скоро вы рассчитываете снова побывать в Чикаго? – спросил он.

– Трудно сказать. Обычно я приезжаю зимой, когда открывается опера. Но в этом году, возможно, попаду в Чикаго ко Дню благодарения.

– Не раньше?

– Едва ли, – ответила она лукаво.

– Как жаль! А я надеялся, что увижу вас еще этой осенью. Во всяком случае, когда приедете, дайте мне знать. Я с удовольствием сводил бы вас в театр.

Юджин очень мало тратился на развлечения, но тут он решился на некоторый риск. Ведь она не часто будет приезжать. Кстати, он надеялся получить в ближайшие дни прибавку, а это существенно меняло дело. К тому времени, когда девушка соберется приехать, он уже будет учиться в Институте и для него откроется новое поприще. Будущее рисовалось ему в самых радужных красках.

– Это очень мило с вашей стороны, – ответила Анджела. – Я вас извещу, когда приеду. Ведь я такая провинциалка, – добавила она, тряхнув головкой, – в кои-то веки мне удастся попасть в большой город.

Юджину нравилось в ней то, что он принимал за бесхитростное простодушие, – откровенность, с какою она признавалась в своей бедности и неискушенности. Обычно девушки так не держатся. В ее устах бедность и неискушенность казались чуть ли не добродетелями; как признание, во всяком случае, это звучало очаровательно.

– Смотрите же, без обмана, – сказал он.

– Зачем же. Я с удовольствием вас извещу.

Поезд подходил к вокзалу. Юджин забыл в эту минуту, что эта девушка не так красива и недостижима, как Стелла, и что по темпераменту ей, вероятно, далеко до Маргарет. Он смотрел на нее прекрасные матовые волосы, тонкие губы и совсем особенные голубые глаза, восхищаясь ее прямоотой и безыскусственностью. Как только приехали, он взял ее чемодан и помог ей разыскать поезд, а потом горячо пожал руку на прощание; ведь она была так мила и с таким сочувствием и интересом слушала его.

– Помните же! – весело повторял он, усаживая ее в вагон местного поезда.

– Я не забуду.

– И не сердитесь, если я вам напишу.

– Напротив. Буду очень рада.

– Хорошо, тогда я буду вам писать, – сказал он, выходя из вагона.

Юджин стоял на перроне и смотрел на нее, пока поезд не отошел. Его радовало это знакомство. Вот славная девушка – чистая, прямая, бесхитростная. Такою и должна быть хорошая женщина – порядочной и чистой; это не разнузданная девчонка, как Маргарет; и не равнодушная, бесстрастная красавица, как Стелла, хотелось ему прибавить, но у него не хватило духу. Какой-то голос нашептывал ему, что с эстетической точки зрения Стелла была

совершенством, ему и сейчас было больно вспоминать о ней. Но Стелла навсегда ушла из его жизни – в этом не было никакого сомнения.

В последующие дни Юджин часто думал об Анджеле, мысленно гадая о том, что представляет собою Блэквуд, какая обстановка и какие люди ее окружают. Наверно, они так же милы и простодушны, как и его родные в Александрии. Жители большого города, которых он встречал на своем пути, – в особенности девушки, а также люди, избалованные богатством, – не представляли в то время интереса для Юджина. Они были слишком далеки, слишком чужды всему, к чему он мог стремиться, тогда как такая девушка, какой была, очевидно, мисс Блю, – сокровище для кого угодно. Он не переставал твердить себе, что напишет ей. У него в то время не было никакой другой знакомой девушки, и перед поступлением в Институт он набросал коротенькое письмо, в котором с благодарностью вспоминал их совместную поездку и спрашивал, скоро ли она собирается приехать. В ответном письме, пришедшем через неделю, Анджела сообщала, что предполагает быть в Чикаго в середине или в конце октября и будет рада, если он навестит ее. Она сообщала ему адрес своей тетки, жившей на Северной стороне, на Огайо-стрит, и писала, что о дне своего приезда известит особо. Сейчас она так занята в школе, что ей даже некогда вспомнить, как чудесно она провела лето.

«Бедная девочка, она заслуживает лучшей участи, – подумал Юджин. – Когда она придет, я непременно повидаяю ее», – решил он, а к этой мысли примешивались и многие другие: «Какие у нее волосы!»

Глава IX

С поступлением в Институт для Юджина началась новая жизнь. Теперь он понимал, – или так ему по крайней мере казалось, – в чем разница между служителями искусства и рядовыми людьми. После дневных скитаний по бедным кварталам Чикаго он внезапно переносился в другой мир, и ему с трудом верилось, что для него, Юджина Витла, нашлось здесь место. Студенты казались ему существами иной породы, – во всяком случае некоторые из них. Даже те, кто не был прирожденным художником, все имели богатое воображение – душу артиста. Эти молодые люди собрались сюда, как постепенно узнавал Юджин, со всех концов страны, с запада и юга – из Чикаго и Сент-Луиса, из Канзаса, Небраски и Айовы, из Техаса, Калифорнии и Миннесоты. Один юноша был из Саскачеваны – на северо-западе Канады, другой – из Новой Мексики, которая в то время еще именовалась «территорией». Этого последнего звали Джил, и товарищи прозвали его «гила-монстр»⁴, – им казалось, что звучит достаточно похоже. Юноша из Миннесоты был сыном фермера и собирался на следующую весну и лето поехать домой – пахать, сеять и жать. А тот, что из Канзас-Сити, был сыном миллионера.

Юджин вначале особенно увлекся рисунком. Уже в первый вечер он убедился в неправильности своего представления о светотени. При изображении человеческого тела ему никак не удавалось передать ощущение плотности и объема.

– Самая густая тень лежит всего ближе к яркому свету, – лаконично заметил ему преподаватель в одну из сред, заглядывая через его плечо, – а у вас все одинаково тускло и монотонно.

Так вот в чем дело!

– Вы рисуете эту фигуру так же, как стал бы строить дом каменщик, который не разбирается в архитектурном деле. Вы кладете кирпичи без всякого плана. Где ваш план?

Голос принадлежал мистеру Бойлу, незаметно подошедшему сзади.

⁴ Гила-монстр – безобразная ядовитая ящерица, встречающаяся в пустынных местах штата Аризона.

Юджин поднял глаза. Он только что начал вырисовывать голову.

– План! Где план? – повторил мистер Бойл, широким движением руки намечая очертания рисунка. – Прежде всего набросайте главные линии. Деталими займетесь потом.

И Юджину сразу стало ясно.

В другой раз преподаватель наблюдал за ним, когда он рисовал женскую грудь. Все у него получалось какое-то деревянное, и красота линий не давалась.

– Они бывают только круглые! Только круглые, уверяю вас! – разразился, наконец, долго молчавший мистер Бойл. – Если вы когда-нибудь увидите четырехугольные, сообщите мне, пожалуйста!

Юджин расхохотался, но вместе с тем и сильно покраснел, понимая, сколько ему еще надо учиться.

Самое жестокое, что он услышал однажды из уст этого человека, были слова, обращенные к одному юноше, неумелому и тупому, но очень старательному.

– Ни черта у вас не выйдет, – грубо сказал он. – Послушайтесь моего совета и поезжайте домой. Вы больше денег заработаете, нанявшись ломовым извозчиком.

Весь класс вздрогнул, но таков был этот человек, – он не выносил бездарности. Мысль о том, что кто-то попусту отнимает у него время, была ему нестерпима. Он смотрел на искусство по-деловому и отказывался нянчиться с неудачниками, дураками и тупицами. Ему хотелось внушить классу, что искусство требует больших усилий.

Однако если откинуть эти суровые и настойчивые напоминания о трудностях, которые должен преодолеть художник, жизнь в Институте имела немало приятных и, по-своему, даже заманчивых сторон. Между получасовыми сеансами, в течение которых позировала натурщица, за вечер бывало несколько четырех– или пятиминутных перерывов, когда студенты разговаривали, зажигали потухшие трубки и каждый делал, что хотел. Иногда в комнату заглядывали слушатели из других классов.

Юджина удивляла вольность, с какою натурщица обращалась со студентами, а те с нею. Постепенно освоившись, он стал замечать, что некоторые студенты, учившиеся уже не первый год, поднимались на подмости, где сидела девушка, и вступали с нею в разговор. Прозрачный розовый шарф, которым она закрывала плечи и грудь, не только не скрадывал, а скорее подчеркивал соблазнительность ее наготы.

– Что вы скажете? – обратился однажды к Юджину сидевший рядом с ним юноша. – Признаюсь, меня от такого зрелища даже пот прошибает.

– Да, – рассмеялся Юджин. – Картина весьма пикантная.

Студенты часто шутили и смеялись с девушкой, и она тоже смеялась и кокетничала с ними. Юджин видел, как она расхаживала по классу, заглядывая в их альбомы, или же останавливалась поговорить с кем-нибудь, спокойно глядя ему в глаза. Он испытывал в таких случаях сильное волнение, но подавлял и скрывал его, как нечто такое, чего надо стыдиться и чего не следует показывать. Однажды, когда он рассматривал снимки, принесенные кем-то из студентов, девушка, этот цветок улицы, подошла и стала смотреть через плечо. На ней был легкий шарф; губы и щеки ее были накрашены. Она стояла совсем близко, прижимаясь мягкой грудью к его плечу и руке. Юджину показалось, будто по всему его телу прошел ток, но он сделал вид, что нисколько не смущен.

В классе был рояль, и студенты нередко пели и играли во время перерывов. Иногда и натурщица присаживалась к инструменту, под ее аккомпанемент кто-нибудь запевал песню, а двое-трое подтягивали. Юджина почему-то особенно волновало такое пение, ему чудилось в нем что-то вакхическое. Он едва владел собой и чувствовал, как у него начинают стучать зубы. Когда же девушка снова становилась в позу, волна страсти спадала, и верх брало холодное, эстетическое восприятие ее красоты. Только такие случайные эпизоды и выводили его из равновесия.

Юджин мало-помалу делал успехи в рисунке и развивался как художник. Он любил рисовать человеческое тело. Это давалось ему не так легко, как разнообразные очертания ландшафтов и зданий, но он умел передавать красивыми, чувственными линиями изгибы тела, – в особенности женского, – линиями, которые начинали производить впечатление. Он давно уже миновал ту стадию, когда Бойл вынужден был говорить ему: «Они бывают только круглые». Его контуры приобрели изящество, которое не замедлило привлечь к себе внимание преподавателя.

– Вот теперь вы улавливаете не только частности, а и все в целом, – негромко сказал он ему однажды.

Юджин вспыхнул от удовольствия. В другой раз Бойл заметил:

– Спокойнее, мой мальчик, спокойнее. Слишком много чувственности. В фигуре этого нет. Из вас вышел бы со временем неплохой мастер фрески, если вы имеете к этому склонность, – продолжал Бойл. – У вас есть чувство красоты.

Трепет прошел по телу Юджина. Итак, он начинает овладевать искусством. Этот человек заметил его способности. Значит, у него действительно есть талант.

Как-то вечером на доске, где вывешивались всякие объявления, он увидел следующий красноречивый плакат:

ХУДОЖНИКИ! ВНИМАНИЕ!

Мы ужинаем! Мы ужинаем!

16 НОЯБРЯ У СОФРОНИ.

**Все желающие участвовать сообщите
свои имена классным старостам.**

Юджин, ничего не слышавший об этом раньше, подумал, что затея эта, по всей вероятности, исходит не от его класса. Он все же справился у старосты и узнал, что должен внести всего семьдесят пять центов. Желающие могут приводить с собой девушек. Большинство так и сделают. Юджин решил принять участие в ужине. Но где взять даму?

«Софрони» был итальянский ресторанчик в нижней части Кларк-стрит – квартале, заселенном преимущественно рабочими-итальянцами. Дом, где находился ресторан, был не много лучше других. Во дворе стояли простые деревянные столы, и летом там ставили скамейки. Для защиты от дождя над столами был натянут тент. Впоследствии тент уступил место стеклянной крыше, благодаря чему помещением стали пользоваться и зимой. В ресторане было чисто, да и кормили неплохо.

#Какой-то начинающий журналист или художник случайно набрел на это заведение, и мало-помалу синьор Софрони стал замечать, что клиентура его улучшается. Он начал здороваться с новыми посетителями, отвел для них особый уголок, а однажды накормил небольшую компанию почти что бесплатным обедом. Слава ресторана росла – один студент при-

водил другого, и теперь синьор Софрони мог и зимою устраивать банкеты на сто человек, беря по семьдесят центов с персоны за ужин с довольно разнообразным ассортиментом вин и крепких напитков. Все это немало способствовало его популярности.

Ужин, назначенный на шестнадцатое ноября, был завершением ряда пирушек, которые до того устраивались в самом классе. Существовала традиция – при появлении нового студента или вообще постороннего человека приветствовать его криками: «Угощение! Угощение!» Новичок должен был внести в пивной фонд свою лепту – два доллара, в противном случае его могли выкинуть вон или же сыграть с ним какую-нибудь злую шутку. Как только появлялись деньги, занятия на этот вечер прекращались. Студенты устраивали складчину и посылали за бочонком пива и бутербродами с сыром, а затем начиналось веселье – выпивка, пение, игра на рояле и всякие дурачества. Однажды, к великому изумлению Юджина, студент из штата Омаха, рослый, благодушный кутила, поднял голую натурщицу, посадил ее к себе на шею и, приплясывая, понес вокруг комнаты, – девушка изо всех сил дергала его за волосы, а следом с воплями скакали остальные. Студентки из соседнего вечернего класса живой натуры бросили работу и прильнули к отверстиям в перегородке, специально просверленным для таких okazji. Представшее перед ними зрелище так их поразило, что весть об этом мгновенно разнеслась во всему зданию. Узнало об этой выходке и начальство, и провинившийся студент был на другой день исключен. Но вакхический танец все же состоялся, и память о нем надолго сохранилась в стенах Института.

Во время таких пирушек Юджина тоже заставляли пить, и он пил, хоть и весьма умеренно. Он не находил вкуса в пиве. Пробовал он и курить, но и это ему не понравилось. Порою, при одном виде такого разнузданного веселья, он испытывал нечто вроде нервного опьянения и тогда обычная скованность исчезала, и он смеялся и шутил напропалую. Во время одной вечеринки какая-то натурщица даже сказала ему:

– Однако вы лучше, чем кажется. Я вас считала ужасным букой.

– Да что вы! – воскликнул он. – Это на меня временами находит. На самом деле я совсем не такой. Вы меня еще не знаете.

И он обнял ее за талию, но она оттолкнула его. Как он жалел тогда, что не танцует. Привлечь бы ее к себе и закружить по комнате. Он решил непременно научиться танцевать.

Вопрос о том, где найти девушку, которую можно было бы пригласить на ужин, не выходил у Юджина из головы. Он никого не знал, кроме Маргарет, но считал маловероятным, чтобы она танцевала. Оставалась мисс Блю из Блэквуда, с которой он виделся, когда она приезжала в Чикаго, но мысль о ней в связи с чем-либо подобным казалась ему просто нелепой. Интересно, подумал он, что бы она сказала, если бы увидела то, что видел он.

Однажды, заглянув в канцелярию, Юджин застал там мисс Кенни, натурщицу, позировавшую у них в тот вечер, когда он впервые присутствовал на уроке. Юджин не забыл свою первую модель, к тому же девушка была прехорошенькая. Это она однажды подошла к нему во время перерыва и стала так близко. С тех пор он не встречал ее. Юджин нравился девушке, но казался нелюдимым и бесцветным. Однако с недавних пор он стал носить свободно повязанный галстук и круглую мягкую шляпу, которая была ему очень к лицу. Волосы он теперь зачесывал назад и старался подражать свободной, размашистой походке мистера Бойла. Этот человек представлялся ему своего рода божеством – могущественным и беспечным. Как ему хотелось походить на него!

Девушка заметила в Юджине эту перемену. Какой он стал интересный, подумала она, какая у него белая кожа и ясные глаза. В нем чувствуется сила.

Она притворилась, будто рассматривает какой-то эскиз.

– Здравствуйте, – сказал Юджин улыбаясь. Он отважился заговорить с ней, так как чувствовал себя одиноким и, кроме нее, никого не знал.

Она повернула голову и ответила на его приветствие ласковой улыбкой.

– Я давно вас не видел, – сказал он. – Опять у нас работаете?

– Только эту неделю, – ответила она. – Я позирую в частных студиях. Когда есть возможность, я предпочитаю работать там.

– А мне казалось, что вам у нас нравится! – удивился он, вспомнив, какая она всегда бывала веселая.

– Я не сказала бы, что не нравится, но в частных студиях условия лучше.

– Мы постоянно вспоминаем вас. Другие натурщицы не сравнятся с вами.

– Однако вы льстец! – рассмеялась она, лукаво посматривая на него своими черными глазами.

– Нет, правда, – ответил он, а затем спросил с тайной надеждой: – Вы будете на нашем ужине шестнадцатого?

– Возможно, – сказала она. – Я еще не решила. Все зависит...

– От чего?

– От того, какое у меня будет настроение и кто меня пригласит.

– В приглашениях, я полагаю, недостатка не будет, – заметил Юджин. – Я тоже пошел бы, да не с кем, – продолжал он, делая отчаянное усилие приблизиться к цели.

Мисс Кенни угадала его намерение.

– Как прикажете это понимать? – смеясь, сказала она.

– А вы пошли бы со мной? – осмелился он спросить, воспользовавшись столь открыто предложенной помощью.

– Разумеется! – ответила она. Он все больше нравился ей.

– Вот чудесно! Где вы живете? Мне понадобится ваш адрес.

Он полез в карман за карандашом. Она назвала ему номер дома на западном конце Пятьдесят седьмой улицы.

Благодаря своей работе инкассатора Юджин хорошо знал этот район. Улица эта – на южной окраине города – состояла сплошь из жалких деревянных домишек. Ему вспомнились тесные ряды лавчонок, немощенные тротуары и сырые незастроенные пустыри. Его нисколько не удивляло, что эта девушка – цветок, выросший среди мусора и угольной пыли, – стала натурщицей.

– Я непременно зайду за вами, – продолжал он весело. – Вы не забудете, не правда ли, мисс...

– Просто Руби, – прервала она его. – Руби Кенни.

– У вас красивое имя, – сказал он. – Очень благозвучное. Не разрешите ли заехать к вам как-нибудь в воскресенье, чтобы посмотреть, где это?

– Пожалуйста, – ответила она, польщенная тем, что ему нравится ее имя. – В воскресенье я большей частью дома. Приезжайте в это воскресенье днем, если хотите.

– Непременно приеду, – сказал Юджин.

Он вышел вместе с ней на улицу в чрезвычайно приподнятом настроении.

Глава X

Руби Кенни была приемной дочерью старого рабочего-ирландца и его жены. Они взяли ее, сжалившись над четырехлетней малюткой, совсем заброшенной своими вечно ссорившимися родителями. Это была неглупая добрая девушка, которая, однако, плохо разбиралась в том, какие силы правят миром, – простодушное создание, жаждавшее интересных приключений, но не умевшее предвидеть заранее, куда они ее заведут. Начав трудовую жизнь кассиршей в универсальном магазине, она уже в пятнадцать лет лишилась невинности. К счастью для себя, она обладала тем типом красоты, который привлекает мужчин со вкусом, благоразумных и осмотрительных, и, к счастью для них, и сама была довольно разборчивой,

идя навстречу, только если чувствовала серьезное расположение, а в двух-трех случаях и настоящую любовь, да и тогда после долгого ухаживания, так что ее симпатии и пристрастия значили не меньше, чем желания ее любовников.

Приемные родители Руби не могли сколько-нибудь разумно руководить ее воспитанием. Они любили ее, и так как она по своему развитию была выше их, подчинялись ей во всем, принимая как должное ее взгляды, суждения и доводы. Она только смеялась в ответ на их робкие замечания, повторяя, что ей дела нет, что подумают соседи.

Посещения Юджином дома Руби и завязавшаяся между ними связь ничем существенно не отличались от других его знакомств подобного рода. Он прежде всего искал в женщине красоту, хотя ни разу не случилось, чтобы наряду с этим он не обнаружил в ней и тех качеств ума и сердца, которые особенно привлекали его. Кроме красоты, он искал в женщине отзывчивости и сочувствия. Избегая неприязненной критики и холодности, он никогда не выбрал бы себе подруги, которая превосходила бы его в тонкости ощущений, быстроте восприятия или возвышенности мыслей.

В ту пору ему нравились простые вещи, простые жилища, простая, невзыскательная среда, будничная атмосфера простой жизни, тогда как более изысканная и утонченная среда пугала его. Пышные особняки, мимо которых ему случалось проходить, великолепные магазины, люди, занимающие высокое общественное положение, представлялись ему чопорными, холодными. Он предпочитал людей скромных, ничем не прославившихся, но добрых и ласковых. Если ему удавалось найти женскую красоту в таком кругу, он был счастлив и ничего лучшего не желал. Поэтому его и потянуло к Руби.

В воскресенье шел дождь, и та часть города, где жила Руби, навевала уныние. На пустырях между домами на побуревшей, мертвой траве блестели огромные лужи. Пробираясь по бесконечному лабиринту усыпанных черным шлаком железнодорожных путей, на которых стояло бесчисленное множество паровозов и вагонов, Юджин думал о том, какой благодарный материал для художника эти гигантские черные паровозы, выбрасывающие клубы дыма и пара в серый, насыщенный влагой воздух, это скопление двухцветных вагонов, мокрых от дождя и потому особенно красивых. В темноте на скрещении путей вспыхивали, подобные ярким цветам, огни стрелок. Юджину нравились эти желтые, красные, зеленые и синие пятна, горевшие словно живые глаза. К такому материалу Юджин был особенно чувствителен, и он испытывал смутную радость оттого, что эта простая девушка-цветок живет где-то близко.

Он подошел к двери, позвонил, и ему открыл старый, весь трясущийся ирландец, по видимому, человек малоразвитый, – Юджин подумал, что ему подошло бы служить сторожем у шлагбаума. На старики была грубая, но не лишенная живописности одежда; от долгой носки она приняла естественные очертания человеческого тела. В руке у него дымилась коротенькая трубка.

– Мисс Кенни дома? – спросил его Юджин.

– Угу! – ответил он. – Заходите. Я позову ее.

Он указал на дверь в глубине прихожей, где, очевидно, была гостиная. Кто-то позаботился о том, чтобы все здесь было выдержано в красных тонах – большая лампа под шелковым абажуром, семейный альбом, коврик на полу и цветастые обои.

В ожидании Руби Юджин открыл альбом и стал просматривать фотографии, по-видимому, ее родственников. Все это был мелкий люд – приказчики, лавочники, коммивояжеры. Вскоре вошла Руби, и глаза Юджина заблестели: в этой девушке (ей едва исполнилось девятнадцать лет) чувствовалось очарование юности, которое всегда приводило его в восторг. На ней было черное кашемировое платье, отделанное красным бархатом у шеи и на рукавах, с красным галстучком, завязанным небрежным узлом, как у мальчика. Она вошла нарядная и оживленная и весело протянула ему руку.

– Ну как, трудно было нас найти? – спросила она.

Он покачал головой.

– Я довольно хорошо знаком с этими местами. Мне приходится собирать здесь взносы – я, видите ли, служу в компании «Дешевая мебель».

– Значит, я напрасно беспокоилась, – сказала она, радуясь его откровенности. – Я боялась, что вы совсем измучаетесь, пока разыщете нас. Ужасная погода, не правда ли?

Юджин согласился с нею, а потом рассказал о тех мыслях, которые навеял ему окрестный пейзаж.

– Если бы я был художником, я рисовал бы именно такие вещи. Это так величественно, так чудесно.

Он подошел к окну и стал смотреть на открывавшийся оттуда вид.

Руби с интересом наблюдала за ним. Каждое его движение доставляло ей удовольствие. Она чувствовала себя с этим юношей необычайно просто, словно заранее уверенная, что полюбит его. Так легко было с ним разговаривать. Институт, ее работа натурщицы, его надежды, местность, где она живет, – все это были темы, сближавшие их.

– А много здесь художественных мастерских, пользующихся известностью? – спросил он, когда они заговорили о ее работе. Ему хотелось знать, что представляет собой художественный мир Чикаго.

– Не так уж много. Во всяком случае, хороших мало. Ведь много художников только воображают, будто умеют писать картины.

– А кто из них считается крупным мастером? – спросил он.

– Видите ли, я ведь знаю только то, что слышу от других. Мистер Роуз, говорят, очень талантлив, Байэм Джонс недурен в жанровых картинах, Уолтер Лоу хороший портретист и Менсон Стил тоже. Да, постойте, есть еще Артур Бигс, он пишет только пейзажи. В его мастерской я никогда не была. Затем Финли Вуд – тоже портретист, и Уильсон Брукс, – тот пишет многофигурные композиции. Но всех не запомнишь, их немало.

Юджин слушал, как зачарованный. Этот непритязательный разговор о вещах, касающихся искусства, давал ему большее представление о здешних художниках, чем все слышанное до сих пор. Очевидно, эта девушка много знала. Она была в этом мире своим человеком. Любопытно, думал Юджин, какие у нее отношения со всеми этими людьми.

Через некоторое время они снова стали смотреть в окно.

– Не очень-то здесь красиво, – сказала она, – но отцу и матери нравится. Отцу близко ходить на работу.

– Это ваш отец открыл мне дверь?

– Он мне не родной отец, – объяснила она. – Я приемная дочь. Но они относятся ко мне, как к родной. Я им очень многим обязана.

– Вы, верно, недавно начали позировать? – спросил Юджин, подумав о том, как она еще молода.

– Да, примерно с год.

Она рассказала ему, что раньше служила кассиршей в «Базаре», и вот ей и одной ее подруге пришла мысль пойти в натурщицы. В воскресном номере «Трибюн» они увидели снимок девушки, позирующей перед студентами. Это показалось им заманчивым. Они стали советоваться, не попробовать ли им тоже? И с тех пор работают натурщицами. Ее подруга тоже будет на ужине.

Юджин слушал ее с наслаждением. Слова Руби напомнили ему, как в свое время его увлекали снимки в газетах: виды Гусиного острова на реке Чикаго, утлые рыбацьи домишки, перевернутые вверх дном лодки, служившие людям пристанищем. Он рассказал ей об этом, а также про свой приезд в Чикаго, и она слушала с большим интересом. Она подумала, что

он славный малый, хотя, пожалуй, и чересчур сентиментален. И какой высокий, – она рядом с ним совсем маленькая.

– Вы, кажется, играете? – спросил он.

– Чуть-чуть. У нас нет рояля. Я немного научилась в студиях, где позировала.

– И танцуете?

– Конечно.

– Мне тоже хотелось бы научиться танцевать, – сказал он огорченно.

– Так за чем же дело стало? Это легче легкого. Я за один урок научу вас.

– Пожалуйста, – попросил он.

– Это совсем не трудно, – повторила Руби, отходя от него на шаг. – Я покажу вам все па. Обычно начинают с вальса.

Приподняв платье, она приоткрыла свои маленькие ножки и показала ему первые па. Он попробовал повторить, но у него ничего не вышло. Тогда она обвила его рукой свою талию, а другую сжала в своей руке.

– Я поведу вас, – сказала она.

Какое это было наслаждение чувствовать ее в своих объятиях! И, по-видимому, она несколько не спешила кончать урок, – терпеливо возилась с ним, объясняя различные движения, и то и дело останавливалась, чтобы поправить его и посмеяться над его и своими промахами.

– Понемножку получается, – сказала она после того, как они сделали несколько туров.

Взгляды их не раз встречались, и, когда он улыбался, она отвечала ему радостной улыбкой. Он вспомнил вечер в студии, как она стояла возле него и смотрела через его плечо. Конечно, будь он посмелее, он мог бы сразу перешагнуть через все условности. Он слегка прижал ее к себе, а когда они остановились, не отпустил.

– Как вы добры, – сказал он, сделав над собой усилие.

– Вовсе нет, просто у меня хороший характер, – засмеялась она, не торопясь высвободиться из его объятий.

Как всегда в таких случаях, его охватило волнение.

Ее же влекло к нему то, что она принимала за властную уверенность. Он был не такой, как другие мужчины, которых она знала.

– Я вам нравлюсь? – спросил он, заглядывая ей в глаза.

Руби внимательно оглядела его волосы, лицо, глаза.

– Не знаю, – спокойно ответила она.

– Может быть, не нравлюсь?

Снова наступила пауза, во время которой девушка задорно глядела на него, а потом, опасливо покосившись на дверь, ведущую в коридор, сказала:

– Мне кажется, что нравитесь.

Он схватил ее на руки.

– Вы прелесть! – воскликнул он и понес ее на красный диванчик. Остаток дождливого дня она провела, нежась в его объятиях и упиваясь его поцелуями. Таких, как он, она еще не встречала.

Глава XI

Незадолго до этого Анджела Блю, вняв горячим просьбам Юджина, впервые за ту осень приехала в Чикаго. Ей стоило большого труда вырваться из дому, но она преодолела все препятствия, увлеченная страстностью, какую Юджин умел окрашивать каждую свою фразу, особенно когда дело касалось какого-нибудь его желания. Он владел не только кистью, но и пером. Правда, у него еще не было ни законченного стиля, ни умения логически изла-

гать свои мысли, но зато чрезвычайно развит был дар описания. Он с не меньшим умением, чем кистью, живописал пером людей, дома, лошадей, собак, пейзажи, сообщая своим описаниям проникновенную нежность. Он в самых заманчивых красках описывал Анджеле город и весь окружающий его мир. У него был на счету каждый час, но он не жалел времени, чтобы рассказать Анджеле о своей жизни. Он увлекал ее своеобразием того мира, в котором вращался, и обаянием своей незаурядной личности (о последнем Юджин не говорил открыто, но не скупился на намеки). По контрасту собственный мирок стал казаться Анджеле страшно жалким.

Она приехала вскоре после начала занятий в Институте, и, получив ее приглашение, Юджин поспешил на Северную сторону в тихий переулок, где в хорошеньком кирпичном домике жила тетка Анджелы. Все здесь дышало мещанским уютом и покоем. Юджин с первого взгляда пленился этой, полной тихой прелести, как ему казалось, атмосферой старосветского быта. Это был вполне подходящий дом для столь изящной и утонченной девушки, как Анджела.

Юджин пришел в субботу, рано утром, так как оказался в этой части города по делам службы. Анджела играла ему на рояле, – лучшей игры он никогда не слышал. Это еще больше подняло ее в глазах Юджина. Она любила чувствительную музыку, романсы и мелодии, полные ласковой нежности. За те полчаса, что он пробыл у нее, она сыграла ему несколько пьес; Юджин с восхищением смотрел на ее миниатюрную, словно точеную, фигурку в простом облегающем платье, и на пышные волосы, заплетенные в толстые косы, свисающие ниже талии. В этом костюме и прическе она немножко напоминала Маргариту из «Фауста».

Вечером Юджин примчался опять, в своем лучшем костюме, сияющий и воодушевленный. Он был весь во власти открывшихся ему надежд стать художником и радовался свиданию с этой девушкой, в которой уже заранее видел предмет своей страсти. В ней чувствовалось что-то сильное, доброжелательное, и это влекло его к ней. А ей хотелось обласкать талантливого юношу, хотелось нравиться ему, и это благоприятствовало их сближению.

В тот же вечер они отправились в оперу, где давали какую-то феерию. Прекрасная постановка этой музыкальной фантазии, навевающая безмятежное, радостное настроение, роскошные костюмы, прелестные хористки и чарующие мелодии заворовали Юджина и Анджелу. Оба они давно не были в театре, обоим было как нельзя более по душе такое фантастически условное изображение жизни. Эти впечатления придали какую-то особую праздничность их встрече после короткого знакомства в Александрии.

По выходе из театра Юджин через толпу проводил Анджелу к трамваю, связывавшему центр с Северной стороной (за время его пребывания в Чикаго городские дороги были электрифицированы); молодые люди с увлечением обсуждали красоты и удачи спектакля. Он попросил разрешения снова навестить ее и на другой день, зайдя после обеда, предложил послушать знаменитого проповедника, выступавшего по вечерам в Центральном музыкальном зале.

Анджела была в восторге от находчивости Юджина; ей хотелось побыть с ним вместе, а тут представлялся такой благовидный предлог. Они отправились заблаговременно и слушали проповедь с большим увлечением. Для Юджина искусство проповедника было свидетельством того, сколько свежести, красоты и власти над людьми таится в человеческом слове. Ему захотелось быть таким же оратором, и он высказал эту мысль вслух, а потом доверил своей спутнице и другие сокровенные свои мысли. На нее произвела сильное впечатление разносторонность его интересов и тонкий вкус. Она была уверена, что ему суждено стать выдающимся человеком.

Были у них и другие встречи. Анджела снова приезжала – один раз в начале ноября, затем перед рождеством, и Юджин все больше запутывался в сетях ее прекрасных волос. Несмотря на то, что в ноябре он познакомился с Руби и между ними началось сближение на

менее идеальных, как Юджин выразился бы в то время, началах, он хранил в душе дружбу с Анджелой, как нечто более возвышенное и драгоценное. Анджела восхищала его своей чистотой. В мыслях, которыми она делилась с ним, в музыкальности ее игры чувствовалась натура более глубокая, чем у Руби. Кроме того, она олицетворяла собой далекую провинцию, тихий дом, вроде его собственного, милый, простой городок, милых людей. Зачем ему расставаться с нею, зачем приоткрывать перед ней тот, другой мир, с которым он соприкасался? Он считал, что не должен этого делать. Его пугала возможность потерять ее, так как он был убежден, что она может составить счастье любого мужчины, который на ней женится. Когда она приехала в декабре, он чуть было не сделал ей предложение. Он чувствовал, что не должен позволять себе с нею никаких вольностей, не должен слишком торопливо искать сближения. Она сумела внушить ему сознание святости любви и брака. И в январе он действительно сделал предложение.

Артистическая натура – это смесь утонченных чувств и желаний, не поддающихся определению. Ни одна женщина не могла бы в тот период полностью удовлетворить Юджина. Красота играла для него главную роль. Всякая девушка, в которой молодость, свежесть чувств и душевная отзывчивость соединялись с внешним очарованием, могла привлечь его и на время удержать. Ему нужна была красота, а не жизнь по чьей-то указке. Он мечтал о карьере художника, а вовсе не о том, чтобы обзаводиться семьей. Девичья красота, обаяние молодости волновали его как художника, и он страстно тянулся к ним.

В противоположность Юджину Анджела была установившейся натурой с твердыми взглядами и ровными чувствами. Она с детства привыкла видеть в браке нечто нерушимое. Она верила, что человеку дана одна жизнь и одна любовь, и когда вы нашли такую любовь, все другое теряет значение. Есть дети – хорошо; нет детей – неважно: брак от этого не перестает быть браком. И если он даже не дал вам счастья, все равно – нужно страдать и терпеть во имя того хорошего, что жизнь еще приберегла для вас. Такой союз может принести вам жестокие разочарования, но порвать его – значит, навлечь на себя бесчестье. Если нет больше сил страдать – значит, жизнь потерпела полный крах.

Юджин, разумеется, и не догадывался, какую он затеял опасную игру. Он и понятия не имел о характере тех отношений, навстречу которым шел, и не переставал безотчетно мечтать об Анджеле как о своем идеале, предвкушая возможный брак с нею. Когда это осуществится, трудно было сказать, так как, несмотря на прибавку к жалованью, полученную на рождество, ему платили всего восемнадцать долларов в неделю. Но он успокаивал себя тем, что это время наступит и что оно не за горами.

Между тем его свидания с Руби привели к неизбежному результату. Все, казалось, способствовало этому. Девушка была молода, она жаждала романтических приключений, ее восхищали в мужчинах молодость и сила. Бледное лицо Юджина, овечья меланхолия, притягательная сила его темперамента, его любовь к красоте волновали ее воображение. Сначала, возможно, в ней преобладала необузданная страсть, но очень скоро к страсти примешалось настоящее чувство, так как эта девушка умела любить. Она была очень миловидна, простодушна и совершенно несведуща во многих жизненных вопросах. Юджин представлялся ей воплощением всех совершенств, какие только она могла вообразить. Она рассказала ему о своих приемных родителях, об их простодушии и о том, как она может делать все, что хочет. Они и не подозревают, что она позирует обнаженной. Она также призналась ему в своих более чем дружеских отношениях с некоторыми художниками, утверждая, впрочем, что сейчас у нее ни с кем ничего нет. «Все это дело прошлое», – говорила она, но Юджин ей не верил. Он подозревал, что она принимает домогательства других с такою же готовностью, как и его ухаживания. Это возбуждало в нем ревность и настойчивое желание, чтобы она немедленно бросила работу натурщицы. Он так и сказал ей, но она расхохоталась. Она знала, что он этого захочет, и это служило ей доказательством его настоящего интереса к ней.

Для Юджина начались чудесные дни и вечера в обществе Руби. Однажды, незадолго до ужина у Софрони, она пригласила его позавтракать с нею в ближайшее воскресенье. Ее приемные родители уезжали куда-то, и дом оставался на весь день в полном ее распоряжении. Ей хотелось угостить Юджина завтраком главным образом, чтобы показать ему, как хорошо она готовит, и еще потому, что в этом было что-то новое. Она не приступала к приготовлениям до его прихода, а в девять часов, когда он явился, Руби, в хорошеньком, ловко сидевшем на ней домашнем платице светло-сиреневого цвета и в белом переднике с оборками, принялась за работу: накрыла на стол, приготовила рагу из почек в крепком вине, горячие бисквиты и кофе.

Юджин был в восторге. Он ходил за нею по пятам и то и дело обнимал и осыпал поцелуями, мешая ей работать. Она выпачкала нос в муке, и он стер муку поцелуем.

В это утро Руби показала ему забавный танец, который она исполняла в особых башмаках на толстой подошве, притопывая и отбивая ритм каблучками. Подобрал юбки чуть повыше щиколоток, Руби с невероятной ловкостью и проворством выделявала сложнейшие па, ножки ее так и мелькали в вихре танца. Юджин был вне себя от восторга; он решил, что никогда еще не встречал такой девушки – прекрасно позирует, играет на рояле, танцует и так молода. Жизнь с этим созданием казалась ему раем, и он жалел, что у него нет для этого средств. В эту минуту восторга, да случилось и потом, он был почти готов на ней жениться.

В день ужина он заехал за ней и был поражен, увидев ее в красном платье с большими черными кожаными пуговицами, посаженными по диагонали во всю его длину, в красных чулках, такого же цвета туфлях и с красной гвоздикой в волосах. Платье было низко вырезано на груди и спине, с короткими рукавами. Она показалась Юджину ослепительной, и он сказал ей это. Руби рассмеялась. Они отправились в кэбе: Руби заранее предупредила его, что придется нанять экипаж. Это обошлось ему по два доллара в каждый конец – непозволительное мотовство! – но Юджин говорил себе, что оно вызвано исключительными обстоятельствами. Однако подобные мелочи вынуждали его серьезно задумываться над тем, как бы лучше устроить свою жизнь.

В ужине принимали участие студенты всех курсов, как утренних, так и вечерних. Собралось больше двухсот человек, сплошь молодежь. Тут были студентки, натурщицы и просто приглашенные девушки самого разного общественного положения и умственного развития. В огромной столовой стоял невероятный шум от звона посуды, нестройного пения, шуточных выкриков и приветствий. У Юджина и кроме однокурсников было здесь достаточно знакомых, чтобы не скучать и не оставаться в стороне от общего веселья.

С первой же минуты выяснилось, что все знают Руби и что она пользуется общим расположением. Она резко выделялась благодаря своему смелому туалету. Со всех концов несло: «Здорово, Руби!»

Это удивило и неприятно поразило Юджина. К его спутнице подходили молодые люди, которых он никогда в глаза не видел, и заговаривали с ней о вещах, о которых он не имел ни малейшего понятия. В течение каких-нибудь десяти минут она раз десять убегала от него, отзываясь на чей-либо оклик, и он то и дело замечал ее в противоположном конце комнаты: окруженная гурьбой студентов, она весело смеялась и оживленно болтала.

По мере того как проходили часы, настроение молодежи делалось все развязнее и легкомысленнее. По окончании ужина в одном конце зала освободили место и угол затянули куском зеленой материи вместо ширмы. Это была артистическая для выступающих. Какой-то студент, встреченный громкими аплодисментами, на глазах у всех нацепил зеленые бакенбарды и прочел монолог, подражая акценту ирландца. Другой вышел на эстраду, держа в руках большущий, туго свернутый бумажный свиток, исписанный стихами. Можно было подумать, что это целая поэма, которую он будет читать весь вечер. Все ахнули. Студент актерским жестом поднял руку, требуя тишины, и, дав свитку развернуться, приступил

к декламации. Стихи оказались неплохими, но самое забавное было то, что поэма заключала в себе не более двадцати строк. Все остальное были попросту каракули, чтобы ввести публику в заблуждение. И этот номер заслужил аплодисменты. Кто-то из второкурсников спел романс «В долине Лигай», кто-то изобразил, как Темпл Бойл и другие преподаватели просматривают работы студентов и сами показывают свое мастерство на удивление всему классу. Это доставило зрителям большое удовольствие. Потом после долгих криков «Десмонд! Десмонд!» одна из натурщиц прошла за зеленую ширму и через несколько минут показалась в коротенькой юбочке испанской танцовщицы, усыпанной черными и серебряными блестками, с кастаньетами в руках. У кого-то из студентов нашлась мандолина, и под ее аккомпанемент натурщица протанцевала «Ла Палому».

Все это время Юджин почти не видел Руби. Она пользовалась слишком большим успехом. Не успела первая натурщица закончить свой танец, как чей-то голос крикнул: «Эй, Руби! А ты почему не покажешь свое искусство?» «А ну-ка, Руби!» – поддержал его другой поклонник ее таланта. Скоро весь зал подхватил этот крик, и студенты, окружив девушку, стали подталкивать ее к площадке, очищенной для танцев. Кто-то подхватил ее на руки, а затем Руби в шутку стали перебрасывать от одной группы к другой. Раздались аплодисменты. Юджина, для которого она была близким существом, эта фамильярность выводила из себя. Казалось, она принадлежала не только ему, а была достоянием всех и каждого. А Руби беспечно хохотала.

Лишь только девушку опустили на пол, она подобрала подол платья – как делала это, танцуя для него, – и с увлечением пустилась в пляс. Студенты обступили ее стеной. Юджину пришлось протиснуться поближе, чтобы ее увидеть. А она, словно забыв о его существовании, задорно плясала, постукивая каблучками. Когда Руби кончила, трое или четверо особенно напористых юнцов стали упрашивать ее станцевать еще, бесцеремонно дотрагиваясь до ее рук и плеч. Кто-то очистил стол, чьи-то руки подхватили девушку и поставили на эту импровизированную эстраду. Руби танцевала еще и еще. Кто-то крикнул: «Эй, Кенни, а ведь без красного-то платья, пожалуй, удобнее?»

Так вот что представляла собой его временная подруга!

Когда около четырех часов утра Руби решила наконец ехать домой, – вернее, когда студенты согласились ее отпустить, – она едва помнила, что приехала сюда с Юджином, и заметила, что он дожидается ее, лишь в ту минуту, как двое студентов вызвались ее проводить.

– Нет, у меня есть провожатый! – воскликнула она, завидев его. – Мне пора ехать. До свидания! – И она направилась к Юджину.

У него было холодно на душе, он чувствовал себя здесь совсем чужим.

– Поедем? – спросила она.

Он кивнул угрюмо и укоризненно.

Глава XII

От рисования обнаженной натуры, в чем он достиг за зиму большого успеха, Юджин перешел к занятиям по классу иллюстрации, где позировали модели в костюмах. Здесь он впервые испробовал свои силы в акварели, которой в то время особенно интересовались журналы, и вскоре его работы стали хвалить. Хвалили, впрочем, не всегда, так как преподаватели, убежденные в том, что суровая критика является лучшим стимулом роста, высмеивали иной раз его удачнейшие вещи. Но Юджин верил в свое призвание и после минутных взрывов отчаяния еще сильнее утверждался в своей вере.

Служба в мебельной компании становилась ему уже в тягость, когда в одну из сред преподаватель класса иллюстрации Винсент Бирс, взглянув на его набросок, сказал:

– А знаете, Витла, вы скоро сможете кое-что зарабатывать своими рисунками.

– Вы думаете? – спросил Юджин.

– Конечно. Для такого человека, как вы, должно найтись место в какой-нибудь газете, – хотя бы в вечерней. Вы никогда не обращались в газету?

– Обращался, как только приехал в Чикаго. Но нигде не нашлось вакантного места. Теперь я рад, что никому не понадобился. Я думаю, что долго бы меня держать не стали.

– Вам удаются наброски тушью, не правда ли?

– Сначала это было мне больше всего по вкусу.

– Вот видите. Вы можете быть очень полезны в газете. Но я бы на вашем месте долго не засиживался в Чикаго. Вам надо ехать в Нью-Йорк и стараться попасть в журнал. А сейчас было бы невредно поработать в газете.

Юджин решил обратиться в дневные газеты – такая работа не помешала бы ему продолжать занятия в Институте. Вечера он может отдавать работе по классу иллюстрации и урывать часок-другой для живой натуры. Ничего лучшего нельзя было и желать. В течение нескольких дней он один час после работы посвящал поискам места в газете, причем брал с собой образцы своих набросков тушью. Кое-где его рисунки понравились, но свободного места нигде не оказалось. Нашлась, впрочем, одна газета – из самых захудалых, – где Юджину кое-что обещали. Главный редактор сказал ему, что им в скором времени понадобится художник. Пусть Юджин наведается недели через три-четыре, тогда это выяснится. Начинаящим они платят немного – двадцать пять долларов в неделю.

Юджину эти условия показались весьма заманчивыми, и, когда, явившись через три недели, он окончательно договорился, его радости не было границ. Теперь он вполне уверовал, что находится на пути к успеху. Ему отвели стол в маленькой комнатке на четвертом этаже, по счастливой случайности выходившей окнами на северо-запад, во двор. В отделе, где он работал, было, кроме него, еще два человека, постарше, и один из них разыгрывал из себя «шефа».

По условиям работы здесь приходилось не только рисовать тушью, но и гравировать по цинку, то есть наносить рисунок иглой на цинковую пластинку, покрытую слоем мела, что давало возможность легко воспроизводить клише. Юджин не был знаком с этой техникой, и «шефу» пришлось показать ему, но он быстро научился. Вскоре он обнаружил, что эта работа вредна для легких, так как, царапая острием по меловой поверхности пластинки, надо все время сдвигать мел, и белая пыль набивается в рот и в нос. Он надеялся, что с такой гравировкой придется иметь дело не часто, но как раз вначале ее оказалось очень много, главным образом потому, что оба его товарища сваливали все на него, пользуясь тем, что он новичок. Скоро Юджин стал догадываться об этом, но к тому времени он успел подружиться со своими сослуживцами, и все более или менее утряслось.

Эти новые знакомые не играли в жизни Юджина большой роли, однако они ввели его в чикагский газетный мир, что расширило его кругозор и принесло ему практическую пользу. Один из них – «шеф» – был фатоват и любил пофрантить. Звали его Хорейс Хау. Второй, Джеремайя Мэтьюз, или попросту Джерри, был маленького роста, полный, с круглой, веселой, вечно улыбающейся физиономией и копной жестких черных волос. Он жевал табак и был не слишком опрятен в одежде, зато трудолюбив, отзывчив и добр. Юджин обнаружил, что за ним водятся три страстишки: он любил хорошо поесть, увлекался археологией и экзотическими безделушками. Кроме того, он живо интересовался всем, что происходит на свете, и был совершенно чужд всяких предрассудков, как социальных, так и нравственных и религиозных. Дело свое он любил и, работая, насвистывал или болтал. Юджин с самого начала почувствовал к нему симпатию.

Работая в газете, Юджин впервые открыл у себя литературные способности. Произошло это совершенно случайно, так как он давно отказался от мысли чего-либо достичь в журналистике, хотя когда-то серьезно об этом подумывал. Газета нуждалась для воскресных

приложений в маленьких фельетонах на темы местного характера. Читая некоторые такие фельетоны, которые ему поручали иллюстрировать, Юджин приходил к убеждению, что мог бы написать несравненно лучше.

— Скажите, кто у нас пишет эти статьи? — спросил он однажды Мэтьюза, просматривая воскресный номер.

— Да все, кому не лень, обычно штатные репортеры. Кое-что заказывают, кажется, на сторону. Платят всего четыре доллара за столбец.

Интересно, будут ли ему платить, подумал Юджин. Но, так или иначе, ему хотелось этим заняться. Возможно, ему даже позволят поставить под фельетоном свое имя, — он видел, что некоторые были подписаны. Юджин заметил вслух, что с удовольствием написал бы что-нибудь в этом роде, но Хау, который не только рисовал, но и пописывал статьи, лишь неодобрительно фыркнул в ответ. Такое пренебрежение уязвило Юджина, и он решил испытать свои силы, как только представится случай. Ему хотелось написать что-нибудь о реке Чикаго, — он мог бы, как ему казалось, богато иллюстрировать такой фельетон. Он описал бы Гусиный остров — вспомнив, кстати, то, что ему пришлось прочесть о нем несколько лет назад, — а также незатейливые красоты городских парков, в которых он любил гулять по воскресеньям, наблюдая влюбленных. Были у него и другие темы, но именно к этим напрашивались очаровательные, проникнутые настроением рисунки, и Юджину хотелось попробовать. В разговоре с редактором воскресного номера Митчелом Голдфарбом, с которым у него установились приятельские отношения, Юджин как-то намекнул, что река Чикаго чрезвычайно благодарный материал для иллюстрирования.

— Что ж, действуйте, — сказал этот достойный муж, здоровый, сильный, молодой американец лет тридцати, который смеялся взахлеб, словно ему плеснули за ворот ледяной воды. — Нам такие вещи нужны. А вы вообще-то умеете писать?

— Я думаю, у меня получится, если я постараюсь.

— Так за чем же дело стало! — продолжал тот, предвкушая возможность получить бесплатный материал. — Дерзайте. Может, состряпаете что-нибудь подходящее. Если вы пишете не хуже, чем рисуете, тогда все в порядке. Гонорара мы штатным сотрудникам не платим, но будет ваша подпись.

Юджину этого было достаточно. Он немедленно взялся за дело. Как художник, он уже начинал обращать на себя внимание сослуживцев. В его рисунках была грубоватая сочность, смелость, острота и какая-то задумчивость. Хау тайне ему завидовал. Мэтьюз был преисполнен восхищения. После разговора с Голдфарбом Юджин в следующее же воскресенье объехал рукава реки Чикаго, отмечая все ее красивые места и достопримечательности, и заготовил рисунки. Затем он отправился в публичную библиотеку, ознакомился там с историей реки, причем случайно натолкнулся на докладные записки правительственных инженеров о ее возможностях как средства сообщения. То, что он написал, было не столько статьей, сколько маленьким панегириком. Умиляясь крохотными размерами реки, он восхищался ее красотами, которые находил там, где никому не пришло бы в голову их искать. Голдфарб с удивлением прочитал его статью. Он и не предполагал, что у Юджина такие литературные способности.

Сильная сторона писательских опытов Юджина заключалась в том, что, наряду с поэтичностью и чувством колорита, он обладал логическим умом и тяготел к фактам, а это придавало написанному существенный интерес. Он любил покопаться в истории занимавшего его предмета и умел связать свою тему с современностью. Он написал ряд очерков о парках, о Гусином острове, о Брайдуэлской тюрьме, обо всем, что привлекало его.

Однако главной его страстью оставался по-прежнему рисунок. Он был для него более естественным, более органичным средством выражения. Его радовало, что он может описать что-то словами, а затем и нарисовать. Это казалось Юджину прекрасным даром, его увле-

кала возможность придавать самым простым вещам характер чего-то захватывающе интересного. Он во всем умел найти интерес: и в повозке, проезжавшей по улице, и в высоком здании, и в уличном фонаре – словом, в каждой вещи.

Своих занятий в Институте он тоже не запускал и, по-видимому, двигался вперед.

– Я не пойму, Витла, что мне так нравится в ваших рисунках, – заметил ему однажды Мэтьюз, – но что-то такое в них есть. Вот скажите, например, зачем вы поместили над трубой летящих птиц?

– Сам не знаю, – ответил Юджин. – Просто я так чувствую. Должно быть, я когда-то видел это.

– А ведь как это важно, – продолжал Мэтьюз. – Да вы и в композиции сильны. Я никого не знаю у нас, кто бы рисовал так, как вы.

«У нас» означало в Америке, так как и он и Хау, эти труженики на поприще изобразительного искусства, считали себя знатоками по части рисования тушью и вообще всякой графики. Они выписывали «Югенд», «Симплициссимус», «Пик-Ми-Ап» и европейские художественные журналы радикального направления. Им были известны и Стейнлен, и Шере, и Муша, и вся молодая школа французских мастеров художественного плаката. Юджин с удивлением узнавал об этих людях и об этих журналах. Он все больше проникался верою в себя и начинал думать о себе как о человеке недюжинном.

Как раз в эту пору, когда он набирался знаний и усиленно знакомился с современным искусством и различными художественными школами, его роман с Анджелой Блю пришел к своему логическому завершению: он стал женихом. Несмотря на свою связь с Руби Кенни, продолжавшуюся и после студенческого вечера, Юджин считал, что не может жить без Анджелы. Отчасти это объяснялось тем, что после Стеллы ни одна девушка не сопротивлялась ему так упорно; отчасти тем, что Анджела казалась ему такой невинной, непосредственной и доброй. К тому же она была само очарование. Ее прелестной фигурки не мог скрыть даже неуклюжий, провинциальный покррой ее платьев. Нельзя было не обратить внимания на ее роскошные волосы и большие, манящие, светло-голубые глаза. У нее были румяные губы и щеки и природное изящество походки; она танцевала, играла на рояле. Юджин все больше приходил к убеждению, что она не уступает по красоте ни одной из знакомых ему девушек, зато значительно превосходит их душою. Всякий раз, как он пытался взять ее за руку, обнять или поцеловать, она ускользала от него, действуя обдуманно, оставаясь все время настороже и вместе с тем наполовину уступая. Она ждала от него официального предложения не потому, что стремилась завлечь его в свои сети, а потому, что воспитанная в духе преклонения перед условностями, считала такие вольности недопустимыми, пока они не помолвлены. Она в сущности была уже влюблена в него, но хотела сначала стать его невестой. Когда он делался настойчивее, Анджелу тянуло броситься в его объятия, но она сдерживала себя, терпеливо выжидая.

Наконец однажды вечером, когда она сидела за роялем, он внезапно обнял ее и, порывисто прижав к себе, поцеловал.

Анджела вскочила и вырвалась из его объятий.

– Не смейте этого делать! – воскликнула она. – Это нехорошо. Я запрещаю вам.

– Но я люблю вас, Анджела! – воскликнул он, следуя за ней. – Я хочу, чтобы вы были моей женой. Вы согласны выйти за меня замуж, Анджела? Хотите быть моею?

Девушка не сводила с него нетерпеливых глаз. Она понимала, что заставила этого непосредственного, не знающего жизни юношу с темпераментом художника поступить так, как она хотела. Она рада была бы дать согласие сейчас же, не задумываясь, но что-то нашептывало ей, что нужно подождать.

– Я не дам вам сейчас ответа, – сказала она, – я должна посоветоваться с родителями. Ведь они ничего еще не знают. Мне важно услышать их мнение, а когда я снова приеду сюда, я вам отвечу.

– О Анджела! – взмолился он.

– Нет, мистер Витла, прошу вас, подождите. – Она еще ни разу не назвала его по имени. – Я вернусь недели через две-три. Дайте мне хорошенько подумать. Так будет лучше.

Юджин сдержал свой порыв и решил ждать, но это лишь укрепило в нем уверенность, что лучшей жены, чем Анджела, ему не найти. Она, как ни одна другая женщина, заставляла его умерять свою страсть и делать вид, будто его чувства носят возвышенный платонический характер. Он даже себе пытался внушить, что речь идет только о духовной близости, но в действительности его пожирал огонь, зажженный ее красотой, прелестью ее тела, ее темпераментом. Чувства Анджелы еще дремали, скованные условностями и религиозными традициями. Если бы разбудить ее!

Он закрывал глаза и грезил.

Глава XIII

Через две недели Анджела вернулась, готовая связать себя с Юджином обетом верности. Юджин нетерпеливо ждал, горя желанием услышать из ее уст этот ответ. Он хотел встретить ее под дымным навесом вокзала, пообедать вместе у Кингсли, преподнести ей цветы и надеть заранее приготовленное кольцо (оно стоило семьдесят пять долларов и поглотило почти все его сбережения). Но она слишком хорошо понимала всю серьезность момента и хотела встретиться с ним только в гостиной тетки, где она будет ждать его во всеоружии своей красоты. Она написала ему, что приезжает рано утром, и когда он в субботу в восемь вечера явился к ней, Анджела вышла к нему в платье, которое считала наиболее «романтичным», – том самом, что было на ней при их первой встрече в Александрии. Она не украсила свой корсаж цветами, так как ждала их от него, и, когда он поднес ей красные розы, приколотила их к поясу. Анджела была воплощением изящества и сияющей молодости, она и впрямь походила на ту, чьим именем он прозвал ее, – на прекрасную Илэйн, одну из придворных дам короля Артура. Ее золотистые волосы были собраны на затылке в тяжелый узел, лицо раздурманилось от волнения, губы были влажны, глаза горели. Всем своим сияющим видом она показывала Юджину, что рада ему.

Юджин сам себя не помнил от восторга. Всякая романтическая ситуация приводила его в экстаз. Красота любви, неопишуемая прелесть юности песней отдавались в его душе, зажигая в крови лихорадку волнения.

– Наконец-то вы здесь, Анджела! – сказал он, пытаясь удержать обе ее руки в своих. – Ну что?

– Не торопите меня, – ответила она. – Я хочу сперва поговорить с вами. Я вам что-нибудь сыграю.

– Нет, я хочу знать сейчас, – сказал он, следуя за ней к роялю. – Я должен знать. Я не в силах больше ждать.

– Я еще не решила, – уклончиво отвечала она. – Дайте мне подумать. Лучше я вам сыграю.

– Нет, нет! – настаивал он.

– Пожалуйста, дайте мне поиграть.

Невзирая на его просьбы, она отдалась звукам, все время ощущая его присутствие, словно какую-то нависшую над нею силу. Когда она кончила играть и под действием музыки все ее ощущения еще более обострились, он обнял ее за плечи, как уже было однажды, но

она снова вырвалась и отбежала в угол, точно загнанный зверек. Он с восторгом смотрел на ее раздумывавшееся лицо, растрепавшиеся волосы, на розы, повисшие у пояса.

– Ну, – проговорил он, останавливаясь перед нею, – согласны вы быть моей женой?

Девушка низко опустила голову, как бы борясь с сомнениями и страшаясь его настойчивости. Он стал на колени, чтобы заглянуть ей в глаза, и обвил руками ее талию.

– Да, Анджела?

Она смотрела на его мягкие волосы, темные и густые, на его чистый, белый лоб, черные глаза и красиво очерченный подбородок. Ей хотелось сказать «да» как можно театральнее, и она сочла момент подходящим. Она обхватила руками его голову и посмотрела ему в глаза.

– Ты будешь любить меня? – спросила она, не сводя с него взгляда.

– Да, да! – воскликнул он. – Ты сама это знаешь, Анджела. Ведь я без ума от тебя.

Она закинула его голову назад и коснулась губами его губ. В этом поцелуе была мучительная страсть. Она долго не отпускала его, но, наконец, он поднялся и стал осыпать поцелуями ее лицо, рот, глаза, шею.

– Мой бог! – вырвалось у него. – Как ты прекрасна!

Его голос испугал ее.

– Так нельзя.

– Но я не в силах бороться с собой. Как ты хороша!

Она охотно простила ему все за этот комплимент.

Последовали жгучие минуты, когда они сидели рядом, крепко обнявшись, и он, прижав ее к себе, шептал ей о своих планах на будущее. Он достал кольцо, которое купил для нее, и надел ей на палец. Он будет великим художником, она – женою художника. Он будет рисовать ее прелестное лицо, волосы, ее тело. Когда ему захочется написать любовную сцену, он запечатлеет на полотне ту, которую они только что пережили. Они проговорили до часу ночи, и она стала просить его уйти домой, но он не уходил. Он простился только в два часа, но лишь с тем, чтобы снова вернуться рано утром и пойти с нею в церковь.

Для Юджина наступила чудесная пора – пора бурного расцвета всех его душевных и творческих сил, когда его способность воспринимать явления литературы и искусства стала глубже и изощреннее, а любовь к Анджеле рождала в нем тысячи новых непривычных мыслей. Чрезвычайно обострившаяся восприимчивость помогала ему понимать многое, над чем он раньше не задумывался: несообразность требований, предъявляемых человеку религиозными догмами; безнадежность той путаницы, которая царит в вопросах нравственности; то обстоятельство, что внутри нашего общественного организма существует рядом множество различных миров и что в сущности не выработано никаких определенных, твердых взглядов, обязательных для всех и каждого. Мэтьюз говорил ему о различных течениях в философии – о Канте, Гегеле, Шопенгауэре, – и благодаря ему Юджин отчасти познакомился с их мыслями и теориями. От Хорейса Хау он слышал о таких популярных в то время писателях, глашатаях новых исканий, как Пьер Лоти, Томас Гарди, Метерлинк, Толстой. Юджин был не из тех, кто зачитывается книгами – слишком сильна была в нем жажда жизни, – но он многому научился в спорах, которым отдавался с увлечением. Ему уже начинало казаться, что он может справиться с любым делом, со всем, за что бы он ни взялся, – может сочинять стихи, пьесы, повести, рисовать, писать, иллюстрировать и так далее. Он воображал себя то полководцем, то оратором или политическим деятелем и мечтал о том, каких высот он мог бы достигнуть, если бы твердо остановился на чем-нибудь одном. Иногда он вслух произносил отрывки зажигательных речей, которые сочинял, бродя по улицам. Но все эти юношеские мечтания искупались искренней любовью к труду. Он ни от чего не уклонялся и охотно брал на себя любые обязанности.

После вечерних занятий в Институте Юджин иногда ехал к Руби и добирался до ее дома часов в одиннадцать. Они заранее договаривались, и наружная дверь оставалась откры-

той, что позволяло ему входить, никого не беспокоя. Не раз случалось, что он находил ее спящей в ее маленькой комнатке рядом с гостиной; она лежала как темнокудрый ребенок, свернувшись клубочком в своем красном шелковом халатике. Руби знала, что Юджину нравится ее тяготение к красивому и изысканному, и старалась одеваться и делать все по-особенному. Она ставила на столик возле кровати свечу под красным колпачком и оставляла на одеяле небрежно брошенную книгу, чтобы он, войдя, подумал, будто она читала. Он входил беззвучно, брал ее сонную на руки, будил поцелуем в губы и, прижав к груди, уносил в гостиную, а там, лаская, нашептывал ей на ухо страстные признания. Он не переставал любить Руби даже тогда, когда объяснялся в любви Анджеле, искренне считая, что эти чувства не мешают одно другому. Он говорил себе, что любит Анджелу, но и Руби ему нравилась, и он находил ее прелестной. Временами ему становилось жаль ее: она была таким слабым, легкомысленным созданием. Кто на ней женится? Что станет с нею в будущем?

В ответ на такое отношение своего возлюбленного девушка страстно привязалась к нему и вскоре готова была ради него на любые жертвы. Как было бы хорошо, мечтала она, жить с Юджином вдвоем в маленькой квартирке вдали от людей. Она отказалась бы от своего ремесла натурщицы и вела бы хозяйство. Он и сам заводил об этом разговор, мысленно играя такой возможностью и вполне отдавая себе отчет в том, что этому, вероятно, никогда не бывать. Жениться он хотел на Анджеле, но, будь у него деньги, рассуждал Юджин, он мог бы устроить Руби где-нибудь отдельно. Что сказала бы на это Анджела, нисколько его не тревожило, важно было лишь, чтобы она ничего не знала. Он ни одной из них ни словом не обмолвился о другой, но нередко спрашивал себя, какого мнения они были бы друг о друге, если бы знали правду. Деньги, деньги – вот главное препятствие! Не имея денег, он ни на ком не мог сейчас жениться – ни на Анджеле, ни на Руби. Для того чтобы серьезно думать о женитьбе, надо сперва добиться обеспеченного положения. Он знал, что Анджела ждет этого от него. И этого же он должен достигнуть, если хочет сохранить Руби.

Юджина все больше тяготило его стесненное положение. Он начинал понимать все убожество и скудность своего существования. Мэтьюз и Хау, получавшие больше, чем он, имели возможность жить лучше. Они посещали ночные рестораны, театры и всякие увеселительные места тех кварталов Чикаго, которые для представителей богемы приобретают особую прелесть с наступлением темноты. Мол, так называлась известная часть набережной реки Чикаго, Гемблерс-Роу, в южной части Кларк-стрит, а также клуб «Уайтчепел», где собирались газетчики, и многие другие места, излюбленные литературной братией и более видными журналистами. Будучи натурой созерцательной, склонной к самоанализу, Юджин не принимал участия в этих развлечениях; свойственная этим местам крикливая безвкусица оскорбляла его эстетическое чувство, а кроме того, у него не хватало на это средств. На занятиях в Институте студенты рассказывали ему о своих вчерашних похождениях, не жалея красок, чтобы придать им большую соблазнительность. Правда, Юджин не выносил грубых, вульгарных женщин и разнузданных кутежей, но это не мешало ему сознавать, что даже при желании он не мог бы позволить себе таких развлечений. Для того чтобы кутить, требовались деньги, а у него их не было.

Оттого, возможно, что он был молод и явно неопытен и непрактичен, его хозяева и не думали прибавлять ему жалованье. Они, по-видимому, считали, что он удовлетворится и небольшим заработком и не станет спорить из-за денег. Целых полгода работал он в редакции без малейшего намека на прибавку, хотя заслуживал ее больше, чем кто-либо другой. Юджин не принадлежал к разряду людей, умеющих отстаивать свои интересы, однако это в конце концов стало волновать его. Раздражение его все возрастало, а вместе с тем и желание уйти из газеты, хотя работал он, как всегда, добросовестно.

Это равнодушие со стороны хозяев и побудило Юджина уехать из Чикаго, хотя, конечно, главными причинами были Анджела, его карьера, беспокойный от природы харак-

тер и крепнущая вера в свои силы. В Анджеле воплотилась его мечта о будущем. Если бы он мог жениться на ней и где-нибудь твердо обосноваться, он был бы счастлив. Что же касается Руби, то он уже пресытился ею и, в сущности, готов был с ней расстаться. Едва ли она примет разлуку близко к сердцу. Для этого ее чувства недостаточно глубоки. Но вместе с тем он прекрасно понимал, что несправедлив к Руби, и, когда он стал реже навещать ее и не так интересовался ее жизнью в среде художников, ему нередко становилось стыдно за свою жестокость. Если Юджин долго не показывался, все поведение Руби говорило о том, что она страдает и догадывается о его растущем равнодушии.

– Ты придешь в воскресенье вечером? – спросила она его однажды.

– Нет, никак не могу, – начал он оправдываться, – у меня работа.

– Знаю я, какая у тебя работа. Но делай, как хочешь. Мне все равно.

– Руби, зачем ты так говоришь! Не могу же я вечно сидеть с тобой.

– Я прекрасно знаю, в чем дело, Юджин. Ты меня больше не любишь. Впрочем, это совершенно неважно.

– Руби, милая, полно, не надо, – говорил он.

А когда он уходил, она подолгу стояла у окна, глядя на унылую улицу, и грустно вздыхала. Этот человек значил для нее больше, чем все, кого она встречала до сих пор. Но Руби была не из тех, кто плачет.

«Он меня скоро бросит, – была ее постоянная мысль. – Он меня скоро бросит».

Голдфарб уже давно присматривался к Юджину. Он интересовался его работой, понимал, как тот талантлив. Сам он собирался в скором времени перейти в другую, более крупную газету на должность редактора воскресного номера и находил, что Юджин попусту теряет время и что необходимо указать ему на это.

– Я думаю, что вам следовало бы перебраться в одну из здешних влиятельных газет, – сказал он ему однажды в субботу, незадолго до окончания занятий. – В нашей вы ничего не достигнете. Слишком она мелка. Поищите себе что-нибудь посolidнее. Почему бы вам не толкнуться в «Трибюн»? А не то поезжайте в Нью-Йорк. Мне кажется, вам следовало бы работать в журнале.

Юджин упивался каждым его словом.

– Я уже подумывал об этом, – сказал он. – По всей вероятности, я поеду в Нью-Йорк. Там я лучше устроюсь.

– Я на вашем месте предпринял бы что-нибудь. Когда засидишься в такой газете, как эта, ничего, кроме вреда, не получается.

Юджин вернулся к своему столу. Из головы его не выходила мысль о предстоящей перемене. Надо уезжать. Он начнет откладывать деньги, пока не соберет полтора-два сотни долларов, и тогда попытается счастья на Востоке. Он расстанется с Анджелой и Руби – с первой только на время, а с последней, вероятно, навсегда, хотя он лишь робко признавался себе в этом. Он заработает много денег, вернется обратно и женится на своей блэквудской мечте. Его воображение, забегаая вперед, рисовало ему романтическое венчание в деревенской церковке и стоящую рядом Анджелу в белом платье. И он увезет ее в Нью-Йорк – он, Юджин Витла, к тому времени уже прославившийся в Восточных штатах художник. Он не переставал думать об огромном городе на Востоке, с его дворцами, богатством, славой. Это был тот замечательный город, про который он столько слышал, город, достойный сравнения с Парижем и Лондоном. Он поедет туда, не откладывая, в самом скором времени. Чего он там добьется? Удастся ли ему прославиться? И скоро ли это будет?

Так он мечтал.

Глава XIV

Задумав поехать в Нью-Йорк, Юджин без большого труда привел эту мысль в исполнение. Он успел положить на книжку шестьдесят долларов уже после того, как потратился на кольцо для Анджелы, и теперь решил возможно скорее утроить эту сумму и отправиться в путь. Важно было кое-как протянуть первое время, пока не удастся устроиться. Если его рисунков не примут в журналах, он поищет работу в газете. Да и вообще он был уверен, что как-нибудь проживет. Он сообщил Хорейсу Хау и Мэтьюзу о своем намерении в самом скором времени перебраться на Восток, и каждый из них откликнулся на эту новость по-своему. Хау, давно уже завидовавший Юджину, был рад от него избавиться, но вместе с тем его грызла мысль о той блестящей карьере, какую, казалось, сулила этому щенку его решимость. «Пожалуй, он и в самом деле добьется исключительного успеха, – думал Хау, – он так эксцентричен, так своенравен». Мэтьюз радовался за Юджина, хотя и не без чувства горечи. Эх, будь у него смелость Юджина, его огонь, его талант!..

– Вы там добьетесь успеха, – сказал он как-то, когда Хорейса не было в комнате; он понимал, что тот завидует Юджину. – У вас для этого все данные. Кое-что из ваших здешних работ послужит вам недурной рекомендацией. Как бы и мне хотелось поехать!

– Почему же вы не едете? – спросил Юджин.

– Кто? Я? Куда мне! Мне еще рано. Я еще не дорос. Может, когда-нибудь и рискну.

– Мне очень нравятся ваши работы, – великодушно соврал Юджин. На самом деле он не считал работы Мэтьюза настоящим искусством, хотя, как газетные наброски, они были недурны.

– Вы этого не думаете, Витла, – отозвался Мэтьюз. – Я прекрасно знаю свои способности.

Юджин промолчал.

– Пишите нам по крайней мере из Нью-Йорка, хоть изредка, – продолжал Мэтьюз. – Я буду рад услышать, как пойдет у вас дело.

– Непременно напишу, – ответил Юджин, польщенный тем интересом, который вызвало его решение. – Обязательно.

Но он ни разу не написал.

В лице Руби и Анджелы перед Юджином вставали две трудные проблемы, которые ему необходимо было так или иначе разрешить. Он думал о Руби с грустью, с раскаянием, с сожалением, скорбя о ее беспомощности, о ее загубленной жизни. Она была по-своему прелестна и мила, но ни умом, ни сердцем ему не пара. Разве мог бы он довольствоваться ею, если бы даже и захотел! Разве могла она заменить ему такую девушку, как Анджела? А теперь он далеко завлек и Анджелу, ибо с тех пор как она стала его невестой, он узнал ее с новой стороны. Эта девушка, с виду такая скромная и невинная, минутами загоралась, точно охваченное огнем сено. Когда Юджин распускал ее роскошные волосы и перебирал их густые пряди, глаза ее вспыхивали огнем. «Дева Рейна! – говорил он. – Моя крошка Лорелей! Ты, как русалка, завлекаешь юного возлюбленного в сети своих волос. Ты – Маргарита, а я Фауст. Ты прелестная Гретхен. Как я люблю эти дивные волосы, когда они заплетены в косы. О моя радость, мой идеал! Когда-нибудь я увековечу твой образ на полотне. Я прославлю тебя!»

Анджела вся трепетала от этих слов. Она сгорала на жарком костре, который он разжигал. Она прижималась губами к его губам в долгом, горячем поцелуе, садилась к нему на колени, обвивала волосами его шею и ласкала ими его лицо, словно омывая его в этих шелковых прядях. В такие минуты он терял власть над собою, осыпал ее безумными поцелуями и не ограничился бы этим, если б не девушка, которая при первом проявлении сме-

лости со стороны Юджина вырывалась из его объятий, ища спасения не столько от него, сколько от самой себя. Она укоряла его, говоря, что была лучшего мнения о его любви, и Юджин, дорожа ее доверием, старался взять себя в руки. Это удавалось ему, так как он прекрасно знал, что не добьется того, чего хочет. Излишняя горячность только отпугнула бы ее. И любовной борьбе их не предвиделось конца.

Осенью, спустя несколько месяцев после помолвки с Анджелой, Юджин покинул Чикаго. Лето он прожил кое-как, поглощенный беспокойными мыслями о будущем. Он все больше и больше избегал Руби и наконец уехал, даже не повидавшись с нею, хотя до последней минуты убеждал себя, что должен проститься.

С Анджелой Юджин расставался в подавленном, угнетенном состоянии духа. Теперь ему казалось, что он едет в Нью-Йорк не по собственному желанию, а по горькой необходимости. Здесь, на Западе, у него нет возможности заработать достаточно на жизнь. Они не могли бы существовать на его доходы. А потому он должен ехать и, уезжая, рискует потерять Анджелу. Положение рисовалось ему в самых трагических красках.

В доме ее тетки, куда Анджела приехала перед его отъездом, вырвавшись на субботу и воскресенье, он угрюмо расхаживал по комнате, считая немногие оставшиеся им часы и рисуя в воображении день, когда он вернется за нею. Анджелу томил смутный страх перед событиями, которые могли этому помешать. Ей приходилось читать повести о поэтах и художниках, которые, уехав в большой город, уже не возвращались. Ведь и Юджин был выдающейся личностью, – а вдруг ей не удастся удержать его? Но он дал ей обещание, он от нее без ума, в этом не могло быть сомнения. Этот упорный, страстный, полный душевной муки взгляд – что другое мог он выражать, как не вечную любовь? Жизнь подарила ей бесценное сокровище – большую любовь и дала ей художника в возлюбленные.

– Поезжай, Юджин, и не тревожься! – трагически воскликнула она наконец, обхватив его голову обеими руками. – Я буду ждать тебя. Когда бы ты ни вернулся, ты найдешь меня здесь. Только приезжай скорее, ведь ты скоро приедешь, правда?

– И ты спрашиваешь! – отозвался он, целуя ее. – Ты спрашиваешь! Посмотри мне в глаза. Разве ты не чувствуешь?

– Да, да, да! Конечно, чувствую! – воскликнула Анджела, бросаясь к нему в объятия.

Затем они расстались. Он ушел, подавленный сложностью и трагизмом жизни. Глядя на звезды, ярко сверкавшие в октябрьском небе, он погрузился в мрачные размышления. Мир прекрасен, но жить в нем порою тяжело. Все, однако, можно претерпеть, и, вероятно, в будущем его ждут счастье и покой. И то и другое он найдет в союзе с Анджелой, наслаждаясь ее поцелуями, упиваясь ее любовью. Так должно быть. Весь мир этому верит, и даже сам он – после Стеллы, и Маргарет, и Руби. Даже он.

В поезде, уносившемся из Чикаго, сидел молодой человек, погруженный в глубокое раздумье. Пока поезд, пробираясь по бесчисленным подъездным путям, проезжал мимо жалких дворов и домишек, мимо уличных перекрестков, мимо гигантских фабрик и элеваторов, Юджин вспоминал о другой своей поездке, когда он впервые рискнул отправиться в большой город. Как все переменилось! Какой он был неотесанный, наивный. С тех пор он успел стать художником-иллюстратором, он недурно пишет, он пользуется успехом у женщин и имеет некоторое представление о том, что такое жизнь. Правда, он не скопил денег, зато учился в Институте искусств, подарил Анджеле кольцо с бриллиантом и сейчас у него с собою двести долларов, при помощи которых он намерен произвести разведку в величайшем городе Америки. Поезд пересекал Пятдесят седьмую улицу. Юджин узнал места, где он нередко бывал, навещая Руби. Он так и не простился с нею. Вон там, вдали, виднеются ряды двухквартирных деревянных домиков, в одном из них живут ее приемные родители. Бедная маленькая Руби! Ведь она любит его. Он поступил позорно, но что делать! Он разлюбил

ее. Правда, мысли о ней доставляли ему искреннее огорчение, но тем скорее он постарался от них избавиться. Этим, столь обычным в мире, трагедиям не поможешь сочувственными размышлениями.

Поезд мчался теперь по отлогим полям северной части Индианы, и, когда мимо замелькали провинциальные городки, Юджин вспомнил Александрию. Что-то поделявает Джонас Лайл и Джон Саммерс? Миртл писала, что ее свадьба состоится весной: она считает, что с этим успеется и ей незачем торопиться. Юджину порой приходило в голову, что Миртл похожа на него, – у нее тоже быстро меняются настроения. Он твердо знал, что никогда не захочет вернуться в Александрию, иначе как ненадолго, в гости, но ему приятно было вспомнить об отце и матери, о старом доме, где он родился. Отец – как мало он знает настоящий мир!

Когда поезд миновал Питсбург, Юджин впервые увидел высокие горы, торжественно и величаво поднимавшие свои вершины к небу, и гигантские ряды коксовальных печей, из труб которых вырывались огненные языки.

Он видел людей за работой, видел спящие, быстро сменявшиеся города. Какая обширная страна Америка! Как хорошо быть художником в этой стране! Ведь здесь миллионы людей, а между тем до сих пор еще нет ни одного гениального творения, которое отобразило бы все это – хотя бы такие вот исполненные пафоса обычные вещи, как коксовальные печи ночью. Если бы ему это удалось! Если бы у него достало сил всколыхнуть всю страну, чтобы его имя зазвучало здесь подобно имени Доре во Франции или Верещагина в России! Если бы ему удалось вдохнуть огонь в свои произведения, тот огонь, который он ощущал в себе!

Поздно вечером Юджин забрался на свою полку и долго лежал, устремив мечтательный взгляд в окно, где темнела ночь и сверкали звезды, а потом задремал. Когда он проснулся, было уже утро. Поезд миновал Филадельфию и теперь летел по широким лугам, приближаясь к Трентону. Юджин встал и оделся, не переставая разглядывать мелькавшие мимо, как бы выстроившиеся в боевом порядке, города – Трентон, Нью-Брансвик, Метучен, Элизабет. Эта местность чем-то напоминала ему штат Иллинойс – она была такая же ровная. За Нью-Арком поезд вырвался на широкий степной простор, и Юджин ощутил близость моря; оно должно было находиться за этой степью. Тут протекали питаемые приливом реки Пассаик и Хакенсак – у причалов стояли маленькие суденышки и баржи, груженные кирпичом и углем. Трепет охватил его, когда проводник стал объявлять по вагонам: «Джерсисити», а когда он вышел на гигантский перрон, сердце его сжалось. Он будет один, совершенно один в Нью-Йорке, этом богатом, холодном, враждебном городе. Каким образом добьется он здесь успеха?

Юджин вышел за ворота вокзала, туда, где за низкими сводами виднелись паромы, и в следующее мгновение его взору открылись силуэт города, и залив, и Гудзон, и статуя Свободы, и паромы, и пароходики, и океанские суда – все окутанное серой пеленою ливня, сквозь шум которого прорывались унылые голоса сирен. Перед его глазами была картина, которую бессилие представить себе тот, кто ее никогда не видел, а шум настоящей соленой воды, набегавшей на берег высокими валами, настраивал его на торжественный лад, как музыка. Какое оно изумительное, это море, чье лоно бороздят суда и мощные киты, чьи глубины полны неизъяснимых тайн! Какое изумительное место Нью-Йорк, этот город, стоящий на берегу океана и омываемый его волнами, – сердце обширной страны! Вот оно море, а там – гигантские доки, откуда суда отправляются во все порты мира. Взорам Юджина предстали их внушительные корпуса, выкрашенные в серый и черный цвет, – они стояли пришвартованные к длинным молам, выступающим далеко в море. Он прислушивался к сиренам, к шуму прибоя, наблюдал за кружившими над головой чайками и думал о том, какие сонмы людей населяют этот город. Здесь живут Джей Гулд и Рассел Сейдж, Вандербильды и Моргань – настоящие, живые, – и все здесь. Уолл-стрит, Пятая авеню, Мэдисон-сквер, Бро-

двей – сколько он слышал про эти улицы! Как-то сложится теперь его жизнь? Чего он здесь добьется? Окажет ли ему когда-нибудь Нью-Йорк тот триумфальный прием, какой выпадает на долю избранных? Юджин смотрел, широко раскрыв глаза, всем сердцем устремляясь навстречу городу и бесконечно восторгаясь им. Ну что ж, он дерзнет, он приложит все усилия, а там кто знает... быть может... Но на душе у него была тоска. Как ему хотелось быть сейчас с Анджелой, обрести надежный приют в ее объятиях. Как ему хотелось ощущать на своем лице прикосновение ее рук, ее волос. Ему не пришлось бы тогда бороться одному. Но он был один, а вокруг него бушевал город, шумный, как океан. Он должен пойти туда и начать борьбу.

Глава XV

Не зная, куда направиться в совершенно незнакомом ему городе, Юджин сел на паром у пристани Дебросс-стрит и, очутившись на Вест-стрит, долго бродил по этой оживленной улице, разглядывая подъездные пути к докам. С этой стороны Манхэттен показался ему совсем неприглядным. Но, говорил он себе, пусть этот город не блещет красотой, зато в других отношениях в нем должно быть много замечательного. Когда же он увидел массивы прижатых друг к другу домов, нескончаемый людской поток, потрясающую картину уличного движения, он понял, что огромное скопище людей уже само по себе создает впечатление величественности и что в этом-то и заключается основная особенность Манхэттена. Но были и другие особенности: преобладание низких строений в старом городе, целые кварталы тесных улочек, неприглядные потемневшие кирпичные и каменные дома, добрую сотню лет терпящие непогоду, – все это вызывало в Юджине порою любопытство, а порою и гнетущую тоску. Он легко поддавался внешним впечатлениям.

Во время своих блужданий Юджин не переставал высматривать себе место для жилья – небольшой дом с садиком или хотя бы деревцом перед окнами. Наконец в нижнем конце Седьмой авеню внимание его привлек ряд домов с железными балкончиками. Он стал спрашивать, и в одном из них оказалась комната за четыре доллара в неделю. Пока что, подумал он, можно будет остановиться на этом. В гостинице стоило бы дороже. Хозяйка, неимоверно унылая особа в черном затрепанном платье, показалась ему каким-то безликим существом, вид которого вызывал одну мысль: какое, должно быть, печальное занятие – держать постояльцев! Да и комната была такая же уныло-заурядная, но Юджин стоял у преддверия нового мира, и все его интересы и мысли были там. Ему не терпелось увидеть город. Он оставил в комнате чемодан, послал за сундуком и вышел на улицу – ведь он приехал сюда для того, чтобы учиться и познавать.

В этот начальный период знакомства с Нью-Йорком Юджин всецело отдался своим впечатлениям. Он и не пробовал думать о том, что делать дальше, а выходил на улицу и попросту брел куда глаза глядят. Так, в первый же день он прошел вниз по Бродвею до здания муниципалитета, а вечером – вверх от Четырнадцатой улицы до Сорок второй. Вскоре он был уже знаком с Третьей авеню, с Бауэри, с роскошью Пятой авеню и Риверсайд-Драйв, с красотами Ист-Ривер, Баттери, Сентрал-парка и нижней частью Ист-Сайда. В самое короткое время он успел повидать все чудеса столичной жизни: толпы народа на улицах в обеденный час и перед открытием театров на Бродвее, ужасающую толчею утром и днем в торговых кварталах, бесконечные вереницы экипажей на Пятой авеню и в Сентрал-парке. В свое время его поражали богатство и роскошь Чикаго, но от того, что он увидел сейчас, захватывало дыхание. Здесь все было так обнажено, так наглядно, так понятно. Во всем чувствовалась та пропасть, которая отделяет простого смертного от представителей богатых классов. От этого сознания у Юджина кровь застыла в жилах; какое-то оцепенение охватывало его при мысли о том, как низко он стоит на общественной лестнице. До приезда в этот город

он был довольно высокого мнения о себе, теперь же, чем больше он смотрел вокруг, тем делался меньше в собственных глазах. Что такое он сам? Что такое искусство? Какое дело до всего этого городу? Город больше интересовался другим – нарядами, едой, визитами, путешествиями. Нижнюю часть острова заполнило холодное торгашество, наводившее на Юджина ужас; в верхней же части, где тон задавали женщины и показная роскошь, царило сладострастное сибаритство, вызывавшее в нем зависть. У него было всего двести долларов; с этими деньгами он должен был пробить себе дорогу, – и вот каков был тот мир, который ему предстояло покорить.

Люди с темпераментом Юджина легко поддаются чувству подавленности. Он чересчур жадно упивался зрелищем открывшейся перед ним жизни и теперь страдал от «умственного несварения». Он слишком много увидел за слишком короткий срок. Неделями бродил он по городу, изучая витрины, библиотеки, музеи, широкие проспекты, и с каждым днем отчаяние все глубже проникало в его душу. Ночью он возвращался в свою убогую комнату и садился писать пространные послания Анджеке, рисуя ей все, что он видел, и уверяя в вечной любви; эти письма были для него единственной возможностью дать выход своей бьющей через край энергии и своим настроениям. Это были вдохновенные письма, полные ярких красок и сильных переживаний, но Анджека толковала их по-своему. Для нее они были свидетельством нежных чувств и искренней тоски, поскольку она считала, что их диктует разлука с нею. Так оно и было отчасти, но в гораздо большей степени эти письма вызывались одиночеством и желанием выразить те ощущения, которые пробудила в Юджине грандиозная панорама развернувшейся перед ним жизни. Он посылал ей также зарисовки сценок, которые ему случалось наблюдать: толпа в глубоких сумерках на Тридцать четвертой улице; суденышко на Ист-ривер, неподалеку от Восемьдесят шестой улицы, в проливной дождь; баржа на буксире, груженная вагонами. Юджин и сам не знал, что он будет делать с этими этюдами, но ему хотелось испытать свои силы в журнальной графике. Эти великолепные издания немного пугали его; теперь, когда он мог зайти в редакцию и предложить свои услуги, он гораздо меньше верил в себя.

В одну из первых недель пребывания в Нью-Йорке Юджин получил письмо от Руби. Прощальное письмо, которое он отправил ей по прибытии в Нью-Йорк, принадлежало к тем вымученным посланиям, которые диктуются угасшей страстью. Он очень сожалеет, писал Юджин, что вынужден был уехать, не простившись с нею. Он уже совсем собрался зайти, но из-за спешки, вызванной неотложными приготовлениями... и так далее и тому подобное. Он надеется на днях побывать в Чикаго и тогда непременно навестит ее. Он по-прежнему ее любит, но ему необходимо было уехать туда, где для него таятся величайшие возможности.

«Я помню, как ты была очаровательна, когда мы впервые встретились, – писал он в заключение, – и я никогда не забуду моего первого впечатления, Руби!»

Говорить об этом сейчас было величайшей бестактностью, но Юджин не мог побороть в себе художника. Эти слова острой болью отозвались в сердце Руби: она поняла, что Юджин любит только красоту и что теперь ее красота потеряла для него свою прелесть.

Она ответила ему через некоторое время, ей хотелось взять вызывающий, безразличный тон, но это ей никак не удавалось. Она хотела придумать что-нибудь резкое, но кончила тем, что написала так, как чувствовала.

«Дорогой Юджин, – писала она, – уже несколько недель, как я получила твое письмо, но до сих пор не могла заставить себя ответить. Я знаю, что между нами все кончено, да иначе и не могло быть. Мне кажется, ты неспособен долго любить одну женщину. Ты прав, конечно, что тебе необходимо было поехать в Нью-Йорк, там тебя ждет более широкое поле деятельности. Все это так, но мне очень больно, что ты не пришел

проститься. Все же мог бы зайти. Однако я ни в чем тебя не упрекаю, Юджин. В сущности, конец немногим отличается от того, что было между нами все последнее время. Я тебя любила, но я знаю, что так или иначе перенесу это и никогда не буду упрекать тебя. Пожалуйста, верни мне мои письма и фотографии. Теперь они тебе больше не нужны.
Руби».

А в самом конце была приписка:

«Ночью я стояла у окна и смотрела на улицу. Луна сияла, ветер раскачивал голые деревья. Вдали, среди лугов, блестел пруд, и в нем отражалась луна. Он казался серебряным. О Юджин, лучше бы мне умереть!»

Юджин вскочил, прочитав эти слова, и скомкал письмо. Оно до глубины души тронуло его. Он невольно проникся уважением к Руби и даже подумал, не совершил ли ошибку, покинув эту девушку. В конце концов он и в самом деле любил ее. В ней столько очарования. Будь Руби в Нью-Йорке, они могли бы жить вместе. Она могла бы устроиться здесь натурщицей. Он совсем уже готов был написать ей это, но как раз пришло одно из тех пространственных посланий, которые почти ежедневно отправляла ему Анджела, и его настроение изменилось. Разве мыслимо продолжать связь с Руби перед лицом такого большого и чистого чувства, как любовь Анджелы? Очевидно, его бывшая привязанность к Руби угасает. Стоит ли пытаться воскресить ее?

Это столкновение противоречивых чувств было очень характерно для Юджина, и, будь в нем развита способность к трезвому самоанализу, он пришел бы к выводу, что по натуре он мечтатель, влюбленный в красоту, влюбленный в любовь, и что ему несвойственно хранить верность какой-либо одной женщине – кроме единственной, несуществующей.

Так или иначе, он написал Руби письмо, которое дышало сожалением и раскаянием, но не заключало в себе приглашения приехать. Он не мог бы долго содержать ее, если бы она приехала, говорил он себе. Кроме того, он хотел добиться Анджелы. И прерванный роман так и не возобновился.

Между тем Юджин начал наведываться в редакции журналов.

Уезжая из Чикаго, он уложил на дно сундука целую пачку рисунков, которые в свое время сделал для газеты «Глоб». Тут были этюды реки Чикаго, Блю-Айленд авеню, которую он однажды зарисовал в перспективе, Гусиного острова и набережной озера Мичиган, а также кое-какие уличные сценки. Все они производили сильное впечатление благодаря особой, свойственной Юджину манере создавать мозаику из черных пятен, среди которых неожиданно мелькало несколько белых бликов и линий. В этих рисунках сквозило чувство, ощущалась жизнь. Их должны были бы оценить с первого взгляда. Но достаточно было даже намек на радикальное новаторство, чтобы работы его многим показались примитивными, даже грубыми. Пальто он рисовал одним штрихом, одним пятном изображал лицо. Даже вглядываясь в его работы, трудно было уловить отдельные детали, а зачастую они и вовсе отсутствовали. Под действием похвал, которые он слышал в институте, а также от Мэтьюза и Голдфарба, Юджин постепенно приходил к убеждению, что у него сложилась собственная манера письма, и, дорожа своей самостоятельностью, он склонен был этой манеры придерживаться. Теперь он производил впечатление весьма самоуверенного молодого человека, и это отталкивало от него людей. Когда он показывал свои рисунки в редакции журнала «Сенчури», а также у Харпера и Скрибнера, их разглядывали с видом усталой учтивости. На

стенах редакций, где он бывал, красовались десятки великолепных рисунков, подписанных (как уже знал к этому времени Юджин) лучшими художниками-иллюстраторами страны. И он возвращался к себе домой, убежденный, что его работы не произвели впечатления. Очевидно, в редакциях привыкли иметь дело с художниками в тысячу раз лучше его.

На самом же деле то, что так смущало Юджина, было лишь видимостью. Рисунки, которые висели на стенах редакционных кабинетов, были во многих случаях несколько не лучше его собственных, а возможно, и хуже. Их преимущество заключалось в массивных деревянных рамах и во всеобщем признании. Юджин не был еще мэтром, признанным в журналах, но в его ранних работах было не меньше огня, чем в картинах позднейшего периода. Последние отличались большей зрелостью письма, в них не замечалось уже такой нетерпимости к деталям, но экспрессии в них было не больше, если не меньше. Дело, однако, заключалось в том, что руководителям художественных отделов до смерти надоели молодые художники, приносившие им свои рисунки. Пусть немного помучаются, это пойдет им впрок. И Юджин повсюду наталкивался на отказ, сопровождаемый скупой похвалой, которая была для него хуже уничтожающей критики. В результате он совсем пал духом.

Оставались, однако, газеты и журналы помельче, и Юджин неутомимо рыскал по городу, стараясь найти себе какую-нибудь работу. В двух-трех журнальчиках ему удалось получить заказ – несколько рисунков, в общей сложности на тридцать пять долларов. Нужно было еще платить натурщице. Теперь понадобилась и комната, которая заменяла бы мастерскую и куда можно было бы приглашать натурщиц. После долгих поисков он нашел в западной части Четырнадцатой улицы подходящее помещение – в конце коридора, окнами во двор, откуда можно было попадать прямо к нему по запасной лестнице. Комната стоила двадцать пять долларов в месяц, но он решил, что должен рискнуть этой суммой. Только бы получить несколько заказов, тогда можно будет прожить.

Глава XVI

Художественный мир Нью-Йорка весьма своеобразен. В период, о котором идет речь, да и долгое время спустя он состоял из разрозненных групп, почти не входивших между собой в соприкосновение. Особое место в нем занимали, например, скульпторы, человек тридцать-сорок, едва знакомых между собой; они злобно критиковали друг друга и предпочитали жить, замкнувшись каждый в тесном кругу близких и друзей. Свой, отдельный, мирок составляли и живописцы; они держались особняком от графиков и насчитывали в своей среде до тысячи, если не больше, человек, именовавших себя художниками. В большинстве своем это были мужчины и женщины, обладавшие достаточным дарованием для того, чтобы разок-другой добиться чести выставить свои работы в залах Национальной академии и от поры до времени продать картину или получить случайный заказ на декоративную работу или портрет. В городе было немало домов, где квартиры сдавались под студии: на Вашингтон-сквере, на Девятой и Десятой улицах, а также кое-где на Макдугал-эли или в кварталах между Вашингтон-сквером и Пятьдесят девятой улицей. Дома эти были населены живописцами, графиками, скульпторами, а также представителями различных видов прикладных искусств. Художники были больше связаны между собой, чем скульпторы, которые, впрочем, отчасти примыкали к ним. У художников было несколько клубов – «Салмагунди», «Кит-Кэт», «Лотос»; нередко устраивались выставки – тушь, акварель, масло, – сопровождавшиеся дружескими встречами, на которых можно было обменяться взаимными одобрениями и советами. В студиях на Десятой улице, в общежитии ХАМЛ⁵ на Двадцать третьей

⁵ «Христианская ассоциация молодых людей» – одна из широко распространенных американских реакционных организаций.

улице, в студиях имени Ван Дейка и в ряде других мест художники часто селились вместе. В то время нетрудно было встретить такую небольшую группу лиц, вступивших во временное содружество, и даже присоединиться к ней, – если вы, как принято было говорить, оказались своим. Вне этого жизнь художника в Нью-Йорке протекала скучно, и он с большим трудом находил подходящую для себя среду.

Живописцам противостояли графики. В большинстве своем это была зеленая молодежь, к которой примыкали те, кто сумел снискать себе прочное расположение господ редакторов. Формально они не принадлежали к миру живописцев и скульпторов, но по духу были родственны им. У них тоже были свои клубы, а их мастерские всегда оказывались по соседству с мастерскими художников и скульпторов; поскольку графики пробавлялись больше надеждами на будущее, то они обыкновенно селились по трое-четверо в одной студии – отчасти из соображений экономии, но также из чувства товарищества, чтобы поддерживать и вдохновлять друг друга в работе. В Нью-Йорке в ту пору существовало много таких групп, но Юджин, конечно, не знал о них.

Новичку требуется немало времени, чтобы обратить на себя внимание. Все мы должны пройти через годы учения, на какое бы попрание мы ни вступили. Юджин был одарен и преисполнен решимости, но у него не было ни жизненного опыта, ни близких друзей или знакомых. Этот город был такой чужой и холодный, и если бы Юджин с первых же минут не воспылал к нему безграничной любовью, он чувствовал бы себя в нем одиноким и несчастным. А сейчас он был весь во власти очарования, которым были исполнены для него прекрасные зеленые скверы – Вашингтон, Юнион и Мэдисон, изумительные улицы вроде Бродвея, Пятой авеню, Шестой авеню и такие необычайные панорамы, как Бауэри при ночном освещении, Ист-ривер, набережные и Баттери.

Юджин подпал под гипноз таившегося в этом городе чуда, имя которому красота. Какие бурлящие толпы людей! Какой водоворот жизни! Гигантские отели, опера, театры, рестораны – все, все восхищало его своей красотой. Прелестные женщины в великолепных нарядах, вереницы желтоглазых экипажей, напоминавших чудовищных насекомых, приливы и отливы людских масс утром и вечером – вот что заставляло его забывать о своем одиночестве. У него не было ни лишних денег, ни надежд быстро добиться успеха, а потому он мог сколько угодно бродить по этим улицам, смотреть на окна домов, любоваться прекрасными женщинами и с жадностью читать в газетах о триумфах, ежечасно выпадающих на долю счастливых, преуспевших в той или иной области. Газеты то и дело сообщали об авторе нашумевшей книги, об ученом, сделавшем новое открытие, о философе, выступившем с новой теорией, или о финансисте, основавшем крупное предприятие. Писали о готовящихся театральных постановках, о предстоящих гастролях приезжих знаменитостей, об успехах молодых девушек, впервые выезжающих в свет, и о шумных общественных кампаниях. Одно было ясно: слово принадлежит молодости и честолюбию. Если у человека выдающиеся способности – это лишь вопрос времени, когда о нем услышит мир. Юджин мечтал, что придет час и его торжества, но боялся, что очень и очень не скоро, и это часто повергало его в уныние. Перед ним лежал еще долгий путь.

Одним из его любимых занятий в те дни и вечера было бродить по улицам – и в дождь, и в туман, и в снег. Нью-Йорк притягивал его к себе и под косыми струями ливня и запорошенный снегом. Особенно любил Юджин площади. Однажды он увидел Пятую авеню в сильную метель, при свете шипящих дуговых фонарей, и на следующее утро поспешил к мольберту, чтобы воссоздать эту картину в черно-белой гамме. Ничего у него не вышло – так, по крайней мере, ему казалось, – и, провозившись около часу, он с отвращением бросил кисть. Но такие зрелища привлекали его. Ему хотелось запечатлеть их на бумаге, хотелось увидеть изображенными в красках. Возможный успех в будущем служил ему единственным

утешением в ту пору, когда на обед он решался потратить не более пятнадцати центов и когда во всем городе не было ни одной живой души, к кому он мог бы зайти перекинуться словом.

Характерной чертой Юджина было стремление к полной материальной независимости. Еще в Чикаго он имел возможность в тяжелые минуты написать домой и попросить помощи; он мог бы и сейчас занять у отца немного денег, но предпочитал заработать сам: пусть думают, что ему живется лучше, чем в действительности. Если бы кто-нибудь спросил Юджина, как его дела, он ответил бы, что не может пожаловаться. В таком духе Юджин и писал Анджеле, а то обстоятельство, что он все еще медлит со свадьбой, объяснял желанием добиться больших средств. Он изо всех сил старался подольше растянуть свои двести долларов и кое-что подработать мелкими заказами, как бы мизерно они ни оплачивались. Свои расходы он строго ограничил десятью долларами в неделю, и ему удавалось не выходить за пределы этой суммы.

Дом, где Юджин обосновался, не был, в сущности, предназначен для студий. Это было старое здание, занятое дешевым пансионом и меблированными комнатами, а также торговыми конторами. В верхнем этаже находились три полноценных комнаты и две темных каморки, и в каждой из них обитал какой-нибудь одинокий служитель муз. Соседом Юджина оказался мелкий работяга-иллюстратор, получивший образование в Бостоне и теперь утвердивший свой мольберт в Нью-Йорке, в надежде как-нибудь прокормиться. Вначале соседи мало общались между собой, хотя уже на второй день после переезда Юджин понял, что рядом с ним живет художник, так как в открытую дверь виден был мольберт.

Поскольку ни одна натурщица не являлась к нему с предложением своих услуг, Юджин решил обратиться в Лигу молодых художников. Он зашел к секретарю и получил у него адреса четырех натурщиц, которые не преминули откликнуться на его приглашение. Он выбрал одну из них – молодую американку шведского происхождения, отдаленно напоминавшую ему героиню повести, которую он предполагал иллюстрировать. Она была очень изящно одета, миловидная, с темными волосами, прямым носиком и чуть заостренным подбородком и с первого же взгляда понравилась Юджину. Но он стыдился своей неприглядной обстановки и потому вел себя робко. Натурщица тоже держалась скромно, и он постарался закончить эскизы возможно скорее, без лишних затрат.

Юджин не принадлежал к людям, умеющим заводить случайные знакомства, хотя довольно быстро сходилась с теми, кто был равен ему по развитию. В чикагском Институте искусств он был дружен с несколькими молодыми художниками, но здесь никого не знал, так как приехал без всяких рекомендаций. Все же он познакомился со своим соседом, Филиппом Шотмейером. Юджину хотелось расспросить его о том, что представляет собой художественный мир Нью-Йорка. Однако Шотмейер оказался человеком не блестящего ума и не мог ничего толком рассказать ему. Правда, Юджин узнал от него кое-что о крупнейших мастерских, о выдающихся деятелях искусства и о том, что начинающие художники работают группами. Шотмейер и сам еще год назад состоял в такой группе, но почему он теперь работает один – этого он Юджину не сообщил. Его иллюстрации появлялись в нескольких журналах – правда, мелких, однако более солидных, чем те, куда был вхож Юджин. Но одну важную услугу он оказал Юджину: он не скрывал своего восхищения его работами. Как и многие другие до него, Шотмейер разглядел в эскизах соседа что-то, выделявшее его из общей массы художников, – а он не пропускал ни одной выставки, – и однажды подсказал ему шаг, положивший начало блестящей карьере Юджина в области журнальной графики. Юджин работал в то время над одной из своих уличных сценок – дело, за которое он брался всякий раз, когда был свободен. Шотмейер как-то зашел к нему в комнату и стал следить за тем, как под его кистью оживает на полотне сценка из жизни Ист-Сайда: толпы работников, наводняющих улицы в шесть часов вечера, по окончании работы; тесные стены зданий, один или два мигающих фонаря, несколько витрин, залитых желтым светом, и множество

утопающих в тени, едва различимых лиц. Это были лишь скупые намеки, но они передавали ощущение живой толпы и пульсирующей жизни.

– А знаете, – сказал Шотмейер, – эта вещичка вам здорово удалась. По-моему, очень похоже.

– Правда? – обрадовался Юджин.

– Я уверен, что какой-нибудь журнал обязательно возьмет у вас рисунок для вкладки. Почему бы вам не отнести его в редакцию «Труф»?

«Труф» был еженедельник, которым Юджин восхищался, еще живя на Западе, так как в каждом его номере печаталась какая-нибудь цветная репродукция вразворот, и зачастую именно такие сценки, какие пытался рисовать он. Как-то всегда получалось, что, когда Юджин слишком долго безвольно плыл по течению, он нуждался в побудительном толчке, который заставил бы его действовать. Под влиянием слов Шотмейера он особенно усердно поработал над этюдом и, закончив, решил отнести его в редакцию «Труф». Заведующему художественным отделом рисунок понравился с первого же взгляда, но он ничего не сказал, а пошел показать его главному редактору.

– Вот, по-моему, настоящая находка! – И он с гордостью положил этюд на стол редактора.

– Гм, – произнес тот, оторвавшись от рукописи, которой был занят, – действительно замечательная вещь, а? Кто это принес?

– Какой-то парень по имени Витла. Я его вижу у нас впервые. Настоящий художник, верно?

– Как выразительны эти намеки на лица в глубине, – восхищался редактор. – Что вы скажете? Немного напоминает массовые сцены Доре. Хорошо сделано, а?

– Прекрасно, – вторил ему заведующий художественным отделом. – Я думаю, это будущий мастер, если только с ним ничего не случится. Надо взять у него несколько рисунков для вкладок.

– Сколько он хочет за это?

– Да он и сам, видно, не знает. Сколько дадут, столько и возьмет. Я предложу ему семьдесят пять долларов.

– Идет, – сказал редактор, отодвигая от себя лист с рисунком. – Здесь чувствуется какая-то свежая струя. С этим художником надо поддерживать знакомство.

– Я так и сделаю, – ответил тот. – Но он еще молод. Не следует слишком баловать его. Выйдя из кабинета, он придал своему лицу выражение суровости.

– Этюд мне нравится, – сказал он. – Мы, пожалуй, возьмем его для журнала. Оставьте ваш адрес, я вам в скором времени вышлю чек.

Юджин назвал свой адрес. Сердце его радостно колотилось. Он не думал о том, сколько получит, сейчас эта мысль меньше всего занимала его, он уже видел в воображении свой этюд воспроизведенным в журнале на развернутом листе. Итак, ему действительно удалось поместить свою работу, да еще в таком журнале, как «Труф»! Теперь он может со спокойной совестью сказать, что кое-чего достиг. Он сейчас же напишет Анджеле и поделится с ней новостью. А когда выйдет журнал, pošлет ей несколько экземпляров. В дальнейшем у него будет возможность ссылаться на эту работу. А самое главное – теперь он знает, что такие сценки ему удаются.

Он шел по улице, ступая по серому булыжнику, как по воздуху. Откинув голову назад, он дышал всей грудью. Воображению его уже рисовались другие сценки, которые он изобразит. Его мечты начинают сбываться, он, Юджин Витла, автор цветного разворота в журнале «Труф»! В голове у него уже готова была серия таких рисунков – все, о чем он когда-то мечтал. Ему захотелось поскорее бежать к Шотмейеру рассказать ему о своих успехах и

угостить хорошим ужином. Он даже почувствовал нежность к этому бедному ремесленнику от искусства за то, что тот подал ему такой удачный совет.

– Послушайте, Шотмейер, – сказал он, просовывая голову в его дверь, – сегодня мы идем с вами ужинать! «Труф» взял мой рисунок.

– Вот это замечательно! – воскликнул сосед без малейшего признака зависти. – Очень рад за вас. Так я и думал.

Юджин чуть не прослезился. Бедняга Шотмейер! Не бог весть какой художник, но сердце у него золотое. Никогда он не забудет его доброты.

Глава XVII

Крупная удача с продажей рисунка, сопутствовавший ей чек на семьдесят пять долларов и спустя некоторое время появление репродукции в журнале окрылили Юджина: наконец-то он на твердом пути! Он уже стал подумывать, не поехать ли ему в Блэквуд навестить Анджелу. Но нет, раньше он как следует поработает.

Юджин приготовил еще несколько уличных сценок, зарисовал Грили-сквер в моросящий дождь и поезд воздушной железной дороги над Бауэри, мчащийся по высокой кружевной эстакаде. Он умел улавливать контрасты, резко выделяя свет и тень, и писал эффектными, расплывчатыми пятнами, которые неуловимостью красок и скрытой в них многозначительностью напоминали игру драгоценных камней. Спустя месяц после первого посещения редакции «Труф» Юджин снова отправился туда, и опять заведующий художественным отделом не устоял перед ним. Он старался казаться равнодушным, но ему это плохо удавалось. В этом молодом человеке было именно то, что ему требовалось.

– Приносите мне все, что у вас будет в таком роде, – сказал он. – И если рисунки будут не хуже этих, мы всегда найдем для них место.

Юджин вышел из редакции с высоко поднятой головой. Он начинал проникаться верой в свои способности.

Не мало требуется рисунков по семьдесят пять и сто пятьдесят долларов, чтобы обеспечить себе приличный доход! Не говоря уже о том, что художников в Нью-Йорке хоть отбавляй и не так-то легко выдвинуться. Прошло много месяцев, прежде чем первые работы Юджина увидели свет. Он избегал мелких журналов в надежде, что ему удастся вскоре утвердиться в более крупных, но последние не так уж стремились залучить к себе молодые дарования. Шотмейер познакомил Юджина с двумя живописцами, сообща занимавшими студию на Уеверли-плейс. Оба чрезвычайно понравились Юджину. Мак-Хью, родом из штата Вайоминг, мастерски рассказывал о жизни на рудниках и горных фермах. Смайт был сыном канадского рыбака из Нова-Скотии. Мак-Хью, высокий и худой, при первом знакомстве казался типичным деревенским увальнем, но это впечатление очень скоро сглаживалось – столько ума и живого юмора было в его взгляде. Юджина сразу потянуло к этому приятному, располагавшему к себе человеку. От Джозефа Смайта исходило дыхание моря. Невысокого роста, коренастый и крепкий, он напоминал кузнеца. У него были большие руки и ноги, большой рот, глубокие, резко очерченные глазные впадины и жесткие каштановые волосы. Говорил он медленно, с расстановкой, зато, когда улыбался или смеялся, лицо его преображалось. В минуту волнения или радости все тело его приходило в движение, физиономия покрывалась забавной сеткой добродушных морщин, косноязычия как не бывало, он начинал говорить легко и быстро. Он любил пересыпать свою речь забористыми словечками, так как, работая среди моряков, накопил обширный запас весьма живописных выражений. Впрочем, в этом не чувствовалось злости. Смайт был само доброжелательство и благодушие. Юджину хотелось подружиться с этой парой, и он старался поддерживать с ними знакомство. Друзья, как он замечал, бывали ему рады, и они часами рассказывали друг другу

забавные эпизоды и обменивались мнениями о людях. Он все чаще и чаще стал заходить к ним, а через некоторое время и они начали к нему заглядывать. Но лишь спустя много месяцев Юджин почувствовал, что по-настоящему сошелся с ними.

В течение этого года он приобрел знакомства среди натурщиц, стал посещать выставки и благодаря заведующему художественным отделом журнала «Труф», Хадсону Дьюла, несколько раз получал приглашения на интимные обеды художников и их подруг. Он не встретил никого, кто особенно понравился бы ему, если не считать Ричарда Уилера, редактора довольно жалкого журнальчика под названием «Крэфт». Это был белокурый молодой человек с поэтическим темпераментом. Он сразу угадал в Юджине неудержимое влечение к красоте и постарался сдружиться с ним. Юджин охотно шел ему навстречу, и Уилер стал бывать у него в мастерской. Юджин еще не зарабатывал в те дни достаточно, чтобы обзавестись лучшим жилищем, но он постарался приобрести для своей студии несколько гипсовых слепков и красивых бронзовых вещей. На стенах были развешаны его собственные рисунки, преимущественно виды Нью-Йорка. Выражение, с каким их разглядывали знатоки, постепенно убеждало Юджина, что он призван сказать свое слово в искусстве.

Весною на второй год пребывания в Нью-Йорке, когда Юджин уже свыкся с новой атмосферой, он решил съездить на Запад навестить Анджелу, а заодно побывать в Александрии у родителей. Шестнадцать месяцев прошло со дня его отъезда из Чикаго, и за это время он не встретил ни одной женщины, которая увлекла бы его или встала между ним и Анджелой. В марте он написал ей, что, возможно, приедет в мае или в июне, но вырваться ему удалось только в июле, когда Нью-Йорк изнывал от невыносимой жары. Он не особенно много сделал за это время, всего лишь иллюстрации к десятку рассказов и четыре рисунка в развернутый лист для журнала «Труф», из которых один был уже напечатан, — но все же он продвигался. Как раз в этот день, когда он собрался ехать в Чикаго и Блэквуд, в киосках появился второй номер журнала с его рисунком, и Юджин, сияя от гордости, купил один экземпляр, чтобы захватить с собою в вагон. Рисунок изображал поезд воздушной железной дороги над ночным Бауэри. Репродукция очень удалась; Юджин испытывал необычайную гордость и знал, что Анджела будет радоваться вместе с ним. Она с таким восторгом писала ему о его зарисовке Ист-Сайда, которую он назвал «Шесть часов».

Сидя в поезде, Юджин мечтал.

Наконец, пробежав огромное расстояние между Нью-Йорком и Чикаго, поезд прибыл в Город Озер, и Юджин, даже не посетив тех мест, где он делал свои первые шаги на пути к самостоятельности, отправился пятичасовым в Блэквуд. Было душно, и пока он ехал, в небе скопились густые грозовые тучи, вскоре разразившиеся летним ливнем. Деревья и трава напились вволю, на дорогах улеглась пыль. Освежающий холодок ласкал усталое от жары тело. Мимо проносились, быстро скрываясь из глаз, маленькие городки, утопавшие в густой зелени, и наконец показался Блэквуд. Он был меньше Александрии, но в общем мало отличался от нее. Как и в Александрии, здесь прежде всего бросались в глаза церковный шпиль, лесопильный завод, красивая торговая улица с кирпичными домами и множеством вековых развесистых деревьев. Город с первого взгляда понравился Юджину. Именно в таком месте должна была жить Анджела.

Было уже семь часов, надвигались сумерки. Юджин не сообщил Анджеле точный час своего приезда и решил заночевать в маленькой гостинице, вернее, харчевне, которую заметил неподалеку от станции. У него был с собою только большой чемодан и саквояж. Он справился у содержателя гостиницы, как проехать на ферму Блю и далеко ли до нее, и узнал, что утром его в любое время доведут туда за доллар. Поужинав бифштексом с жареным картофелем и запив его скверным кофе, он сел в качалку на террасе, выходившей на улицу, чтобы в тишине поглядеть, как живет этот городишко, и насладиться вечерней прохладой. Он мыс-

ленно представлял себе очаровательное гнездышко, в котором, вероятно, обитает Анджела. Какой маленький городок, как тут тихо! До одиннадцати поездов из Чикаго уже не будет.

Немного погодя Юджин вышел пройтись и подышать вечерним воздухом. Вернувшись в гостиницу, он широко распахнул окно душевного номера и стал смотреть на улицу. Летняя ночь, сохранявшая свежесть пролившегося дождя, непросохшие деревья, аромат сочной, влажной растительности – все это оставляло свой след в его душе, как рельефный узор на глине. Он чувствовал нежность к маленьким домикам с лучистыми окнами и к случайным прохожим, которые обменивались простыми дружескими приветствиями. Его глубоко трогало и трещание кузнечиков, и кваканье лягушек, и мерцание далеких звезд – солнц и планет, словно повисших над верхушками деревьев. Ночь дышала плодородием, вокруг кипела невидимая мельчайшая работа, очень мало или совершенно не зависящая от человека, хотя человек и является участником этого таинства. Наконец веки его начали слипаться, он лег в постель и уснул крепким, безмятежным сном.

На другое утро Юджин проснулся рано и едва дождался часа, когда можно будет тронуться в путь. Он считал неудобным выехать раньше девяти и, чтобы скоротать время, разгуливал по городу, привлекая общее внимание, так как его высокая, худощавая, изящная фигура и резкий профиль бросались здесь в глаза. В девять часов ему подали какой-то шарaban прадедовских времен, и он покатил по глинистой, размытой вчерашним дождем дороге, местами затемненной густыми деревьями. Столько прелестных полевых цветов росло вдоль дороги, так пышно разросся цветущий кустарник за решеткою оград – желтый и красный шиповник, жимолость и прочее, – что сердце Юджина замирало от восторга. Музыкальной звучала в его душе эта чудесная природа – желтеющая пшеница, молодая, чуть ли не в человеческий рост кукуруза, луга и клеверные поля, разделенные небольшими рощами, ласточки, стремительно проносящиеся в воздухе в погоне за насекомыми, и парящий высоко в небе коршун, еще в детстве представлявшийся Юджину воплощением красоты.

Юджин вспомнил, как мальчуганом он радовался порханию бабочек и птиц и воркованию горлицы (вот оно как раз прорезало тишину вдаль) и восхищался мужественной силою сельских жителей. Сидя в своем шарабане, он думал о том, что хорошо было бы написать серию деревенских этюдов, таких же безыскусственных, как дворики, мимо которых он проезжал, как этот пересекающий дорогу ручей, образовавший невдалеке заводь, где поили скот, как этот остов заброшенного дома – без дверей и окон, с провалившейся крышей, до самых стропил заросший жимолостью и повиликой. «Мы, жители городов, не знаем всего этого», – подумал он со вздохом, совершенно позабыв, что, как и все юноши и девушки, уезжающие в столицу, он унес с собой глубоко врезавшиеся в душу впечатления детства, проведенного на лоне природы.

Ферма семейства Блю была расположена посреди довольно широкой долины, между отлогими склонами лесистых холмов. В одном ее конце, неподалеку от дома, в густо заросших ивняком и орешником берегах, журча по камешкам, бежал ручеек, не дальше как в миле оттуда разливаясь небольшим озерком. Прямо перед усадьбой на десять акров раскинулось поле, засеянное пшеницей; справа от него – выгон, а слева – клеверное поле. За домом, к которому вела длинная лужайка с тенистой аллеей из высоких старых вязов, виднелись сарай, колодец, свинарник, амбар для кукурузы и несколько сарайчиков поменьше. Прилежавший к дому палисадник был отделен от лужайки низеньким забором, вдоль которого росла сирень, а в самом палисаднике были разбиты незатейливые клумбы с розами и золотистыми ноготками. Галерея, соединявшая черный ход с летней кухней, была вся увита плющом, а торчащий неподалеку пенек был сплошь увит цветущей жимолостью. Газон во дворе содержался аккуратно, а большая лужайка перед домом, на которую падала тень развесистых деревьев, казалась бархатной. Дом был длинный, одноэтажный, по его фасаду тянулись в

ряд шесть комнат. Две из них, расположенные посередине, представляли собою, вероятно, его старую часть, построенную лет семьдесят назад. Остальные четыре появились позднее, а кроме них, была еще пристройка, где помещались зимняя кухня и столовая. К западу от галереи, ведущей в летнюю кухню, стояла некрашенная, сколоченная из досок кладовая. Весь дом был стар и запущен, но по-своему живописен.

Юджин не ожидал, что попадет в такое чудесное место. Ему понравился и самый дом – длинный и низкий, с дверями, открывавшимися прямо в сад, и окнами, обрамленными диким виноградом, и кусты сирени, зеленой стеной отделявшие дом от лужайки, и тенистые вязы, напоминавшие часовых. Когда шарабан въезжал в ворота, он сказал себе:

«Вот место, созданное для любви! И подумать только, что Андже́ла живет здесь!»

Шарабан прогремел по усыпанной крупной галькой дороге, слева от лужайки, и остановился у садовой калитки. Из дома вышла Мариетта. Ей было двадцать два года, и насколько старшая сестра была рассудительна и сумрачна, настолько эта была жизнерадостна и весела. Беспечная, как котенок, склонная видеть во всем светлую сторону, она повсюду приобретала друзей. По ней вздыхал целый рой поклонников, писавших ей пыльные письма, но она всех отвергала с подкупающим добродушием. Казалось бы, что здесь, в деревне, не было таких возможностей, как в городе; в смысле светских развлечений, однако кавалеры под тем или иным предлогом проникали и сюда. Мариетта притягивала их, точно магнит, и Андже́ла принимала участие в веселье, которое умела создавать ее младшая сестра.

Андже́ла была в столовой, и позвать ее не составляло большого труда. Но Мариетте хотелось сперва собственными глазами убедиться, что представляет собою возлюбленный ее сестры, которого та завлекла в свои сети. Она была поражена его ростом, его живописной наружностью и проницательным взглядом. Она не ожидала, что у Андже́лы такой завидный жених. Она с ласковой улыбкой протянула ему руку.

– Вы мистер Витла, не правда ли? – спросила она.

– Он самый, – ответил Юджин несколько торжественно. – Какая чудесная дорога к вам!

– Да, когда хорошая погода, – смеясь, сказала девушка. – Зимой она вам не так понравилась бы. Заходите, пожалуйста, и поставьте чемодан вот сюда. Дэвид отнесет его в вашу комнату.

Юджин повиновался, не переставая, однако, думать об Андже́ле, о том, когда она, наконец, покажется и какой предстанет перед ним. Он вошел в просторную, низкую, прохладную гостиную и немало обрадовался, увидев там рояль и ноты, сложенные на этажерке. За открытым окном виднелись гамаки, висевшие среди деревьев на лужайке. «Какой чудесный уголок, – подумал он, – сама поэзия». И тут появилась Андже́ла. Она была в простом белом полотняном платье. Толстые косы обвивали ее голову – это так всегда нравилось Юджину. Она успела сорвать и приколоть к корсажу большую красную розу. Завидев Андже́лу, Юджин протянул ей обе руки, и она бросилась ему на шею. Он крепко поцеловал ее, так как Мариетта тактично оставила их одних.

– Наконец-то я с тобой! – шептал он между поцелуями.

– Да, да, – вздохнула она. – Тебя так долго не было.

– О, я страдал еще больше, чем ты, – утешал он ее. – Я так мучился и все ждал, ждал, ждал.

– Забудем, – сказала Андже́ла. – Мы снова вместе. Ты здесь.

– Да, я здесь! – расхохотался он. – Во всеоружии ума и таланта и в единственном своем коричневом костюме! Но как у вас красиво – эти изумительные деревья, эта чудесная лужайка!

Он на минуту оторвался от нее, чтобы посмотреть в окно.

– Я рада, что тебе у нас нравится, – отозвалась Андже́ла, и глаза ее радостно заблестели. – Мы любим наш дом, хотя он очень старый.

– Потому-то он мне и нравится! – воскликнул Юджин. – Какая прелесть эти кусты, эти розы! Если б ты знала, дорогая, как у вас хорошо! И ты – ты такая чудная!

Он отодвинул ее от себя, разглядывая, а она залилась румянцем и еще больше похорошела. Его порывистость и смелость приводили Анджелу в смятение, и сердце ее учащенно билось.

Немного погодя они вышли во дворик, и тогда снова появилась Мариетта, а вместе с нею и миссис Блю, добродушная, полная женщина лет шестидесяти. Она сердечно поздоровалась с Юджином. Он сразу почувствовал, что она во всех отношениях похожа на его мать – на всякую хорошую мать: она так же любила порядок и покой, так же пеклась о благополучии своих детей, так же дорожила общественным мнением и правилами чести и морали. Все эти черты Юджин искренне уважал в других. Его радовало, когда он обнаруживал их в окружающих, он считал, что они имеют большое значение для общества, но не был уверен, что они обязательны и для него. В душе он всегда считал, что жизнь богаче, сложнее и загадочнее, чем любая шаблонная теория или устоявшийся жизненный уклад. Разумеется, похвально, когда мужчина или женщина следуют законам чести и морали в соответствии со своим положением и с характером самого общества, но, если смотреть в глубь вещей, это не играет никакой роли. Всякий уклад, всякий строй, рассчитывающий на долгое существование, должен иметь в своем составе таких миссис Блю, согласующих свое поведение с высшими принципами и установлениями данного общества. При встрече с такими людьми можно, конечно, умиляться, но что они значат перед изменчивыми, неисповедимыми силами природы. Они – проявления случайной гармонии, необходимые для данного строя, но не имеющие никакой ценности для вселенной в целом. Таковы были взгляды Юджина в двадцать два года, и он спрашивал себя, удастся ли ему когда-нибудь высказать их и что подумали бы люди, если бы могли прочесть его мысли; он спрашивал себя, существует ли что-нибудь – что бы то ни было – действительно устойчивое, как незыблемая скала, на которой можно утвердиться, или же все в мире лишь зыбкие тени и призраки.

Миссис Блю ласковым взглядом окинула жениха своей дочери. Она много слышала о нем. Воспитав своих детей в правилах долга, чести и морали, она верила, что они будут общаться с людьми таких же правил. Она заранее решила, что и Юджин принадлежит к таким людям, а его открытое, без малейшего лукавства лицо, смеющиеся глаза и приятная улыбка убедили ее в том, что он и по натуре порядочный человек. И, наконец, достаточно было его замечательных рисунков, оттиски которых он время от времени посылал Анджеле, – а в особенности рисунка, изображавшего толпу на Ист-Сайде, – чтобы заранее расположить ее в его пользу. Ни одна из ее дочерей – а три из них были уже замужем – не могла похвалиться супругом, который выдерживал бы сравнение с этим молодым человеком. Она смотрела на Юджина как на будущего зятя, рассчитывая, что он с радостью и как нечто должное возьмет на себя все общепринятые в этих случаях обязательства.

– Спасибо вам, миссис Блю, за ваше любезное приглашение, – почтительно сказал Юджин. – Мне давно хотелось побывать у вас. Я столько слышал от Анджелы о вашей семье.

– У нас самый обыкновенный деревенский дом; ничего он собой не представляет, но мы его любим, – отвечала миссис Блю.

Она ласково улыбнулась Юджину, спросила, как у него подвигается работа в Нью-Йорке, предложила отдохнуть в гамаке и опять пошла на кухню, где у нее уже готовился обед для гостей.

Молодые люди направились вдвоем к лужайке и там уселись под деревьями. Юджин испытывал какое-то восторженное чувство. Он был еще так молод, а между тем жизнь осыпала его своими лучшими дарами; он любил и был любим; недавние успехи в Нью-Йорке сулили ему исполнение самых честолюбивых надежд. А теперь он вкушал душевный мир,

радуясь заслуженному отдыху и наслаждаясь любовью, красотой, поклонением и лучезарным летом.

Погруженный в эти мысли, Юджин раскачивался в гамаке и любовался чудесной лужайкой; наконец взгляд его остановился на Анджеле, и он подумал:

«В мире не может быть ничего прекраснее!»

Глава XVIII

Около полудня вернулся домой старый Джотем Блю, пропалывавший в поле кукурузу. Несмотря на свои шестьдесят пять лет и белоснежные волосы и бороду, он производил впечатление крепкого человека, который может прожить до девяноста, а то и до ста лет. У него были голубые глаза и проницательный взгляд, на лице играл румянец. Широкие, могучие плечи и тонкая талия показывали, что в молодости это был стройный мужчина.

– Здравствуй, мистер Витла, – сказал он необычайно просто и сердечно, подходя к Юджину. Он был в сапогах, на которых засохла принесенная с поля желтая грязь. Достав из кармана большой складной нож, старик принялся строгать тоненький сучок, подобранный с земли. – Очень рад вас видеть. Анджела мне кое-что рассказывала о вас.

Он, улыбаясь, посмотрел на Юджина. Анджела, сидевшая рядом с гостем, встала и медленно пошла к дому.

– И я рад вас видеть, – сказал Юджин. – Мне очень у вас нравится. Благодатный край.

– Край благодатный, что и говорить, – сказал старый Джотем и, придвинув к себе стул, стоявший под деревом, сел. Юджин снова занял свое место в гамаке.

– У нас здесь почва богата известью, углеродом и калием – самая пища для растений. Искусственного удобрения требуется очень мало. Главное – тщательно возделывать землю и бороться с сорняками и вредителями.

Он задумчиво строгал свой сучок. Юджина удивило обнаруженное им знакомство с физикой и химией в применении к земледелию. Приятно было видеть человека, у которого искусство земледельца сочеталось с незаурядными познаниями.

– По дороге к вам я видел прекрасные пшеничные поля, – заметил он.

– Да, пшеница у нас тут хорошо родится, когда погода более или менее благоприятная, – словоохотливо отозвался старик Блю, – да и кукуруза тоже. Яблони дают богатейшие урожаи, и виноград часто вызревает. Я всегда был того мнения, что штат Висконсин имеет некоторые преимущества перед другими штатами в бассейне Миссисипи; природа благословила нас умеренным климатом, обилием проточной воды и прекрасным, разнообразным рельефом. На севере богатейшие рудники, и лесу сколько угодно. У нас, в Висконсине, привольное житье. Этому штату предстоит большое будущее.

Пока он говорил, Юджин успел заметить, как широко расставлены у него глаза. Ему понравилось, что старик так заинтересован судьбами своего штата и своей родины. Это был не жалкий раб земли, а земледелец в истинном смысле слова, фермер, знающий свое дело, американец, любящий свой штат и родину.

– Мне долина Миссисипи всегда представлялась краем великих возможностей, – сказал Юджин. – История знает такие густо заселенные места – долина Нила, например, или долина Евфрата, но наша несравненно больше. Я верю, что в будущем сюда устремятся толпы поселенцев.

– Наш штат – новый земной рай, – сказал Джотем Блю; он перестал на минуту строгать и поднял правую руку, чтобы придать больше силы своим словам. – Мы еще не знаем полностью всех его богатств. Здесь можно вырастить достаточно плодов, кукурузы, пшеницы, чтобы прокормить весь мир. Меня иногда поражает плодородие нашей почвы. Она

так щедра. Это великая мать. Она просит только, чтобы с ней хорошо обращались, и тогда она дает все, что у нее есть.

Юджин улыбнулся. Широкий кругозор его будущего тестя удивлял его. Он чувствовал, что готов полюбить этого человека.

Они поговорили о характере местного населения, о росте Чикаго, об угрожавшей еще недавно войне с Венесуэлой, о новом лидере демократической партии, которым Джотем Блю восхищался. Он стал рассказывать о нем во всех подробностях – выяснилось, что тот недавно посетил их в Блэквуде, – но тут на пороге дома появилась миссис Блю.

– Джотем! – позвала она.

– Жене, вероятно, нужно ведро воды, – сказал он, вставая, и неторопливо направился к дому.

Юджин улыбнулся. Как все это трогательно! Вот именно такой должна быть жизнь – воплощением здоровья, силы, добродушия, полной взаимного понимания и простоты отношений. Он был бы рад стать человеком, подобным Джотему Блю, таким же здоровым, сердечным, чистым и сильным. Подумать только – ведь этот фермер вырастил восемь человек детей! Не удивительно, что у него такая очаровательная дочь, как Анджела! И все другие дети, наверно, такие же.

Юджин качался в гамаке, когда вернулась Мариетта; она улыбнулась, ветер растрепал ее белокурые волосы.

У нее были голубые глаза, как у отца, и его живая, подвижная натура, исполненная сердечности и теплоты. Юджина потянуло к ней. Она немного напоминала ему Руби и немного Маргарет. Она цвела юностью и здоровьем.

– Вы, должно быть, сильнее Анджелы, – сказал он, глядя на девушку.

– Еще бы! – воскликнула она. – Нашему Ангелочку ни за что за мной не угнаться. И когда мы деремся, я всегда побеждаю. Иногда я даже чувствую себя старше – ведь это я всегда все затеваю.

Юджин оценил прозвище «Ангелочек», решив, что оно подходит Анджеле. Она и действительно напоминала ангелов, как их изображают в старых фолиантах или на церковных витражах. У него мелькнула смутная мысль, что у Мариетты, пожалуй, более приятный характер и что в ней больше душевной теплоты и женского обаяния. Но он заставил себя выкинуть эту мысль из головы. Он чувствовал, что здесь он должен быть верен Анджеле.

Во время их беседы подошел Дэвид, самый младший, и уселся на траву. Это был мальчик невысокого роста, довольно плотный для своих шестнадцати лет, с умным лицом и живыми глазами. Юджин почувствовал в нем уравновешенность и спокойную силу. Он приходил к заключению, что молодежь унаследовала от родителей и крепкое здоровье и характер. Это был дом, где росли удачные дети. Немного спустя к ним подошел Бенджамен – высокий, даже слишком высокий для своего возраста юноша, производивший впечатление пуританина – его западноамериканской разновидности, – а затем и самый старший из сыновей, Сэмюэл, наиболее интересный из всех. Это был крупный мужчина с невозмутимо спокойным, как у старого Джотема, выражением лица, сильно загорелый и крепкий, словно молодой дуб. Из разговора выяснилось, что он работает на железной дороге в Сент-Поле и домой приехал ненадолго – провести отпуск после трехлетнего отсутствия. Его дорога называлась «Великая Северная», он занимал уже должность второго помощника начальника станции, и в семье считали, что он далеко пойдет. Юджину было ясно, что все эти юноши и девушки, так же как и Анджела, отличаются непреклонно честным и правдивым характером. Все они были воспитаны в христианских понятиях о добродетели – это были не церковные догмы, а именно христианские понятия, окрашенные терпимостью и доброжелательностью. Они по мере сил соблюдали десять заповедей, и жизнь их не выходила за рамки того, что именуется нравственностью и приличием. Это заставило Юджина задуматься. Его собствен-

ная беспринципность в вопросах морали была загадкой для него самого. Может быть, они действительно правы, а он глубоко заблуждается? Но для кого же тогда весь этот сложный механизм мироздания со всеми его тайнами? Юджин чувствовал, что в пределах сложившегося общественного уклада он явно не на месте, но что касается жизни в более широком понимании – тут трудно что-либо сказать.

В половине первого в дверях показалась миссис Блю и объявила, что обед на столе. Все тотчас же встали. Это была простая домашняя трапеза, обычная в культурных фермерских семьях. Были поданы в изобилии свежие овощи: зеленый горошек, молодая фасоль в стручках и молодой картофель. Мясо для жаркого было куплено у мясника, разъезжавшего в своей тележке по всей округе. Кроме того, миссис Блю приготовила горячие воздушные бисквиты. Юджин признался, что он большой любитель пахтанья, и ему принесли полный кувшин, заметив, что обычно его примешивают в корм свиньям, так как никто из детей его не любит. За столом шла оживленная беседа, раздавались шутки, и до слуха Юджина доносились обрывки новостей, касавшихся окрестных жителей. У такого-то фермера пала лошадь, такой-то собирается снимать пшеницу. То и дело упоминались три старшие сестры, жившие в других городах того же штата. У них, по-видимому, было много детей, доставлявших им изрядные хлопоты. Они часто приезжали навестить своих родных, с которыми были связаны крепкими узами.

– Чем ближе вы познакомитесь с семейством Блю, – заметил Сэмюэл Юджину, когда тот удивился такой общности интересов, – тем яснее вам станет, что это не столько семья, сколько клан. Все ее члены крепко спаяны между собой.

– Это, по-моему, очень хорошая черта, – смеясь, ответил Юджин, отнюдь не питавший такого интереса к своим родным.

– А я вам скажу, – вставил живший по соседству фермер, по имени Джейк Долл, – что если вы хотите узнать, как все Блю держатся друг за друга, попробуйте обидеть кого-нибудь из них.

– А ведь это верно, согласна, сестричка? – заметил Сэмюэл Анджеле, рядом с которой сидел, и ласково прикоснулся к ее руке.

Это движение не укрылось от Юджина. Девушка так же ласково кивнула головой.

– Да, все Блю крепко держатся друг за друга.

Юджин готов был приревновать Анджелу к ее брату. Он невольно задумался на тем, можно ли такую девушку вырвать из родной атмосферы, полностью от нее изолировать и перенести в совершенно иной мир? Сможет ли она понять его, Юджина, сможет ли он навсегда остаться с нею? Он с улыбкой смотрел на ее отца и мать, говоря себе, что должен навсегда сохранить ей верность. Но все же в жизни много странного, трудно сказать, как она сложится.

За этот день Юджин вынес еще много приятных впечатлений. Вечером они с Анджелой целых два часа сидели вдвоем в прохладной гостиной, и Юджин снова и снова говорил ей о том, как она прекрасна, как он очарован этим старым домом, какие милые люди ее отец и мать, какие у нее интересные братья. Он сделал карандашный набросок с Джотема, возвращающегося с поля. Рисунок очень понравился Анджеле, и она оставила его у себя, чтобы показать отцу. Юджин попросил ее позировать ему у окна и зарисовал ее головку в ореоле пушистых волос. Вспомнив про иллюстрацию, изображающую Бауэри ночью, он пошел разыскать ее и тут впервые увидел отведенную ему в самом конце дома уютную прохладную комнату. Окно выходило на запад – из него видны были кусты жимолости, – а дверь открывалась на тенистую, прохладную лужайку. Ему казалось, что он купается в красоте и видит вокруг себя одно лишь счастье. Больно было думать, что жизнь не может всегда быть такой радостной, – как будто красота не вечна и не вездесуща.

Увидев рисунок Юджина в журнале, Анджела была вне себя от гордости и счастья. Это служило неоспоримым доказательством одаренности ее возлюбленного. В своих письмах он почти ежедневно описывал ей художественный мир Нью-Йорка, так что у нее было некоторое представление о нем, – правда, сильно приукрашенное. Зато такие вот репродукции были чем-то конкретным, осязаемым. Весь мир увидит их. Она воображала, что Юджин уже знаменит.

В этот вечер, и на другой день, и в последующие дни, когда они сидели одни в гостиной, между Юджином и Анджелой стало все больше устанавливаться то взаимное понимание, которое рано или поздно наступает между любящими мужчиной и женщиной. Юджин неспособен был ограничиться целомудренными поцелуями и невинными ласками, если его постоянно не держали в узде. Ему казалось, что любовь должна идти своим естественным путем. Юджин не был женат, он не знал, какую ответственность налагает брак, и никогда не задавался мыслью о том, каких трудов стоило его родителям вырастить и воспитать его. У него отсутствовал тот инстинкт, который все это подсказал бы ему. Он не питал ни малейшей склонности к отцовству и не ведал того естественного стремления, которое заставляет человека мечтать о домашнем очаге и условиях, необходимых для создания семьи. Все мысли Юджина сосредоточивались на любовном периоде – на сопровождающих его поцелуях, ласках и объятиях. И чем больше Анджела противилась, упорно борясь сама с собой, тем острее предвкушал он всю полноту предстоящего им счастья. Порой, заглядывая в ее глаза, он замечал заволакивавшую их дымку, сулившую неудержимый порыв. Он сидел рядом с нею, гладил ее руки, прикасался к ее лицу, ласкал ее волосы, крепко прижимал ее к себе. Ей было трудно устоять перед этим недвусмысленным нажимом и держать его на безопасном расстоянии, так как она и сама жаждала восторгов любви.

В третий вечер своего пребывания в доме Блю Юджин, несмотря на все возраставшее уважение к каждому члену этого семейства, довел Анджелу до грани и, возможно, переступил бы вместе с нею заповедную черту, если бы, к счастью, в нем не взяли верх чувства совершенно иного порядка, чувства, вызванные бурным отчаянием Анджелы.

В этот день они купались в маленьком озере Оукуни, расположенном неподалеку от дома.

После купания Юджин с Анджелой, Дэвидом и Мариеттой поехали прокатиться. Стоял один из тех очаровательных вечеров, которые выдаются иногда летом и красноречиво говорят о красоте и любви. Погода была такая чудесная, такая теплая, в тени деревьев было так хорошо, что у Юджина защемило сердце. Сейчас он молод, жизнь прекрасна, но какой-то она будет в старости? Душу его словно терзало болезненное предчувствие надвигающейся катастрофы.

Солнце уже село, когда они подъезжали к дому. Жужжали насекомые, то и дело позвякивали колокольчики коров, свежий ветерок, предтеча близкого вечера, овеивал их лица, когда они проезжали лощину. Приближаясь к дому, они завидели синий дымок, курившийся над кухней и возвещавший близость ужина. Юджин в экстазе сжимал руку Анджелы.

Ему хотелось грезить, сидя с нею в гамаке, когда надвинутся глубокие сумерки, и смотреть на окружающий мир. Повсюду жизнь была ключом. Старый Джотем и Бенджамен вернулись с поля, и вскоре из кухни, где они умывались, послышались их голоса и плеск воды. В конюшне нетерпеливо фыркали лошади в предвкушении корма, где-то вдали мычала корова, хрюкали голодные свиньи. Юджин вскинул голову, как будто стряхивал с себя какие-то чары, – кругом царил такая идиллия, такая гармония.

За ужином он едва прикоснулся к еде, – все его внимание захватило зрелище, которое представляла собою группа за столом. А после вечерней трапезы он вместе со всей семьей сидел на лужайке, вдыхая аромат цветов, глядя на звезды, мерцавшие сквозь деревья, и прислушиваясь к тому, что говорили Джотем и миссис Блю, Сэмюэл, Бенджамен, Дэвид, Мари-

етта и изредка Анджела. Чувствуя его настроение, его грусть, порожденную всем этим очарованием, она тоже притихла и только прислушивалась к словам Юджина и отца. Но когда она что-нибудь произносила, голос ее звучал мелодично.

Вскоре Джотем Блю встал и отправился спать, а за ним последовали один за другим и остальные. Дэвид и Мариетта ушли в гостиную, потом встали Сэмюэл с Бенджаменом. Каждый объяснял свой уход тем, что завтра предстоит тяжелый день. Сэмюэл собирался потряхнуть стариной и помочь отцу в молотье. Юджин взял Анджелу за руку и вместе с нею направился к палисаднику, где в полном цвету стояли гортензии – белые, как снег, днем и бледно-серебристые в темноте. Взяв ее лицо в ладони, Юджин вновь стал шептать ей о своей любви.

– Сегодня у меня был необыкновенный день, – сказал он. – Жизнь здесь так прекрасна. Какое чудесное, тихое место! А ты... ты... – Остальное досказали его поцелуи.

Они долго стояли обнявшись, а затем вернулись в гостиную, и Анджела зажгла лампу. Комната озарилась мягким желтым светом – достаточно ярким, чтобы придать ей теплоту, подумал Юджин. Сперва они уселись рядом в двух качалках, а потом пересели на диванчик, и Юджин обнял девушку. Перед ужином Анджела переоделась в свободное кремовое домашнее платье. Юджин уговорил ее вынуть шпильки из волос, чтобы он мог любоваться ее косами.

Истинная страсть молчалива. Юджин сидел, словно зачарованный, и смотрел на девушку. Она прислонилась головой к его плечу и гладила его волосы, а потом и совсем замерла, изнемогая от наплыва чувств. Он казался ей юным богом, могучим, мужественным, прекрасным. Его ждет блестящее будущее. Все эти годы она надеялась, что появится человек, который полюбит ее по-настоящему, и вот у ее ног этот талантливый юноша. Он гладил ее руки, шею, лицо, а потом, медленно обвив руками, прижался головой к ее груди.

Анджела была воспитана в строгих правилах добродетели, внушенных ей родителями, и во всем считалась с мнением своих родных. Но сейчас ей трудно было бороться. Сперва она позволила ему обнять себя, а потом покорились и более интимным ласкам. Соппротивление казалось совершенно невозможным, так как он крепко прижимал ее к себе; она была вся во власти исходившей от него магнетической силы. Когда же, наконец, она почувствовала его руки на своем трепетном теле, она откинулась назад в порыве муки и наслаждения.

– Нет, нет, Юджин, не надо, – бормотала она. – Спаси меня от меня самой! Спаси меня, Юджин!

Он посмотрел на нее. Ее побледневшее лицо было искажено страданием и болезненной бледностью. Все ее тело безжизненно замерло в его объятиях. И только горячие, влажные губы выдавали ее душевное смятение. Юджин не мог сразу совладать с собой. Прежде чем отпустить ее, он нервными пальцами художника провел по ее шее и груди.

Тогда Анджела, напрягая последние силы, высвободилась из его объятий и опустилась на колени; платье ее растянулось у выреза.

– Не надо, Юджин, – взмолилась она. – Не надо! Подумай об отце, о матери! Я всегда гордилась своей чистотой. Они верят мне. Умоляю тебя, Юджин!

Он гладил ее волосы и лицо и смотрел ей в глаза так, как, должно быть, смотрел Абельяр на Элоизу.

– О, я знаю, знаю! – вдруг воскликнула Анджела прерывающимся голосом. – Я нисколько не лучше всякой другой. Я так долго, так долго ждала! Но я не должна этого делать, Юджин. Не должна! Помоги мне, Юджин!

Юджин стал смутно догадываться: у этой девушки никогда не было возлюбленного. Чем это объяснить? – подумал он. Ведь она так хороша. Он встал, готовый уже схватить ее на руки и унести к себе в комнату, но остановился в раздумье. Как она трогательно беспо-

мощна! Что ж, разве он так уж жесток? Неужели он не в состоянии проявить благородство? Ее отец и мать приняли его как родного... Перед глазами встали Джотем и миссис Блю, братья и сестры Анджелы, с обожанием смотревшие на сестру. Он не сводил с девушки глаз, — слишком заманчива была добыча, — чувствуя, что теряет власть над собой. Все же он взял себя в руки.

— Встань, Анджела, — сказал он наконец с усилием, в упор глядя на девушку. — А теперь уходи, — продолжал он, когда она встала. — Уходи сейчас же, а то я не отвечаю за себя. Ты видишь, я стараюсь совладать с собой. Пожалуйста, уходи.

Она медлила и смотрела на него со страхом и сожалением.

— О, прости меня, Юджин!

— Ты меня прости, — сказал он. — Это я виноват. А теперь уходи, родная. Ты не знаешь, как это трудно, ты иди, чтоб мне не было так тяжело.

Она направилась к двери, а он тоскующим, горячим взглядом проводил ее до порога. Когда она тихо затворила за собою дверь, он прошел к себе в комнату и сел. Все его тело, казалось, было налито свинцом, он чувствовал себя совершенно разбитым. Ошеломленный, он стал перебирать в памяти все случившееся в последние минуты. Потом вышел и постоял немного под открытым небом прислушиваясь. Квакали лягушки, в траве что-то шуршало, словно там копошились жуки. Чуть слышно крикнула утка, где-то совсем неподалеку звенела колокольчиком пасшаяся у ручья корова. Он увидел над головой Большую Медведицу, ярко горел Сириус, в беспредельной вышине раскинулся Млечный Путь.

«Что такое жизнь? — спрашивал себя Юджин. — Что такое человеческое тело? Откуда эти пароксизмы страсти? Мы томимся лихорадкой желания, а потом сгораем, и жизнь кончена».

В голове его рождались обрывки стихов и вставали видения, которые так и просились на бумагу. И все время перед его мысленным взором, как на экране кинематографа, проносился образ Анджелы, какой он видел ее недавно, когда прижимал к себе и когда она стояла перед ним на коленях. Сегодня он заглянул ей в душу. Он держал ее в своих объятиях. Он по доброй воле отказался от наслаждения, которое она могла ему дать. Что бы там ни было, он не совершил зла. Он и впредь не совершит его.

Глава XIX

Трудно сказать, в какую сторону изменилось отношение Юджина к Анджеле под влиянием этой памятной ночи, если оно вообще сколько-нибудь изменилось. Он, пожалуй, проникся к ней еще более глубокой симпатией, обнаружив в ней то, что было для него естественным человеческим чувством. Его умиляло и ее откровенное признание в своей слабости, в своей неспособности защитить себя, и то, что он нашел в себе силу поступить великодушно. Он знал теперь, что может обладать ею, когда захочет, но, успокоившись, принял решение оставаться великодушным до конца и не настаивать. Он может подождать.

Что же касается Анджелы, то, когда она пришла в себя и добралась до своей комнаты в противоположном конце дома, которую делила с Мариеттой, ее душевное состояние заслуживало сожаления. Она так привыкла думать о себе как о достойной, целомудренной девушке. В характере Анджелы была некоторая доля пуританского ханжества; это могло привести ее к невеселому существованию старой девы, если бы на ее пути не появился Юджин, не признававший никаких условностей и старозаветных взглядов, или не понимавший их, или относившийся к ним с полным безразличием, — Юджин, чуждый соображений материального благополучия, не задумывавшийся над разницей в возрасте. Этот человек овладел всеми ее помыслами, он отдал ей свою любовь. Он явился для нее глашатаем взглядов, чуждых ее миру, и сам стал для нее непререкаемым законом. Он не был похож на других

мужчин, это ей было ясно. Он стоял выше. Возможно, что он, как художник, и неспособен будет много зарабатывать, зато он может дать ей нечто более заманчивое. Слава, прекрасные картины, интересные знакомства – разве все это не важнее, чем деньги? Анджела не была избалована большими богатствами, и сколько бы Юджин ни зарабатывал, ей бы хватило. По его мнению, брак требовал много денег, она же ради Юджина готова была на любые трудности.

Сцена в гостиной, развенчавшая Анджелу в собственных глазах, не только поставила под сомнение ее несокрушимую добродетель, но и заставила ее трепетать за любовь Юджина. Будет ли он так же предан ей теперь, после того, как она разрешила ему ласки, повоительные лишь на брачном ложе? Не сочтет ли он ее легкомысленным, порочным созданием, дожидаящимся лишь удобного случая, чтобы уступить? Она сознавала, что утратила в ту минуту всякое представление о том, что хорошо и что дурно. Она позабыла и отца, с его строгими принципами, и мать, с ее понятиями о порядочности и добродетели, и своих братьев и сестер, чистых душою и не тревоживших себя сложными вопросами. Теперь она запятнана; хотя ничего непоправимого не произошло, она все же чувствовала себя опозоренной. Воспитанная в полном подчинении условностям, она терзалась угрызениями совести, и сердце ее разрывалось от горя.

Анджела вышла за дверь, опустилась на влажную от предрассветной росы траву и задумалась. Было прохладно, всюду царил покой, но только не в ее душе. Стиснув лицо руками и чувствуя, как горят щеки, она спрашивала себя, что думает о ней Юджин? Что сказали бы отец и мать? При одной мысли об этом она в отчаянии заломила руки. Наконец она вернулась в дом, в надежде уснуть. Нельзя сказать, чтобы Анджела не ощущала радости и красоты пережитого ею эпизода. Но мысль о том, что, по ее убеждению, ей надлежало чувствовать, и о том, как все это отразится на ее будущем, не давала ей покоя. Удержать Юджина после того, что случилось, казалось ей очень сложным делом. Сможет ли она смотреть на него по-прежнему с гордо поднятой головой? Сможет ли и дальше сдерживать его порывы? Под влиянием этих мыслей Анджела провела почти бессонную ночь. А наутро она встала расстроенная и бледная, но более влюбленная, чем когда-либо. Этот чудесный юноша открыл ей совершенно новый мир, исполненный яркого драматизма.

Перед завтраком они встретились на лужайке. На Анджеле было белое полотняное платье, она выглядела прозрачно-бледной и хрупкой, и глаза ее, обведенные темными кругами, показывали, какие тяжелые мысли тревожат ее. Юджин ласково взял ее за руку.

– Полно себя мучить, – сказал он. – Я все знаю. Тебе не из-за чего терзаться.

И он нежно улыбнулся ей.

– Ах, Юджин, я перестаю себя понимать, – скорбным голосом сказала она. – Я думала, что я выше этого.

– Никто из нас не выше этого, – просто ответил он. – Мы иногда только воображаем себя выше. Для меня ты все такая же. Напрасно ты себя упрекаешь.

– Правда? – обрадованно спросила она.

– Разумеется, – ответил он. – В любви нет ничего постыдного. Наоборот, в ней все прекрасно. Почему я должен думать о тебе хуже, чем раньше?

– Потому что порядочные девушки так не поступают. При моем воспитании я должна была бы понимать, что хорошо, а что дурно, и так и вести себя.

– Все это предрассудки, которые внушены тебе воспитанием. Ты думаешь, что это нехорошо. Но почему? Только потому, что так сказали тебе отец и мать. Разве не правда?

– Нет, не только потому. Все считают, что это нехорошо. Библия учит нас этому. Всякий отвернется от меня, как только узнает, какая я.

– Постой, постой, – сказал Юджин. Вступая с нею в спор, он, в сущности, пытался разрешить то, что было загадкой и для него самого. – Оставим в покое Библию, так как я

в Библию не верю, – во всяком случае не считаю ее законом для человеческого поведения. Но ведь если даже все считают что-либо дурным, это еще не значит, что оно действительно дурно. Не правда ли?

Он отказывался признать понятие «все» верным отражением управляющих миром принципов.

– Конечно, – протянула Анджела с сомнением в голосе.

– Послушай, – продолжал Юджин, – в Турции Магомета считают святым пророком. Но разве отсюда следует, что это действительно так?

– Нет.

– Вот видишь! Точно так же нет ничего дурного в том, что было вчера вечером, хотя бы все здесь в доме и считали это дурным. Не правда ли?

– Да, пожалуй, – растерянно ответила Анджела.

Она говорила наугад. Ей трудно было с ним спорить. Его доводы были слишком тонки и казались неопровержимыми, а между тем внутренний голос подсказывал ей совсем другое.

– Ведь ты, собственно говоря, думаешь о том, как отнесутся к тебе люди. Ты говоришь, что они отвернутся от тебя. Но это уже вопрос практический. Твой отец, возможно, выгнал бы тебя из дому...

– Я думаю, что он именно так и поступил бы, – ответила Анджела, не понимавшая, какое у ее отца большое сердце.

– А я думаю, что нет, – сказал Юджин. – Впрочем, это никакого от ношения к делу не имеет. Ни один мужчина, возможно, не захочет на тебе жениться, но это опять-таки вопрос чисто практический. И ты едва ли станешь утверждать, что это может служить мерилom того, что хорошо и что дурно, не так ли?

Рассуждения Юджина ни к чему не вели. Он и сам не больше кого-либо другого знал, что здесь хорошо, а что дурно. Он говорил скорее для того, чтобы убедить самого себя, но вместе с тем достаточно логично, чтобы посеять смятение в душе Анджелы.

– Я, право, не знаю, – неуверенно сказала она.

– По мнению людей, хорошо то, – продолжал он наставительно, – что согласуется с истиной. Но кто же знает, что такое истина? Никто тебе этого не скажет. Ты можешь действовать разумно или неразумно лишь с точки зрения твоего личного благополучия. Если именно это тебя мучает, – а я знаю, что это так, – могу тебя заверить, что ничего дурного с тобой не случилось и ничто не угрожает твоему благополучию. Я бы сказал даже, что наоборот, так как теперь я еще больше люблю тебя.

Анджела дивилась тонкости его рассуждений. Она далеко не была уверена в том, что он не прав. Значит, ее страхи были неосновательны? Ведь она и так впустую растратила свои лучшие годы.

– Как ты можешь так говорить? – возразила она в ответ на его уверения, что теперь он любит ее еще больше.

– Очень просто, – ответил он. – Я ближе узнал тебя. Меня восхищает твоя прямота. Ты прелесть, никто с тобой не сравнится. Ты прекрасна вся.

И он пустился в подробности.

– Перестань, Юджин, – взмолилась она, прикладывая палец к губам. Кровь снова отхлынула от ее лица. – Пожалуйста, не надо.

– Хорошо, не буду, – сказал он. – Но, право же, ты прелесть. Хочешь, посидим в гамаке.

– Нет, я пойду приготовлю завтрак. Тебе пора что-нибудь поесть.

Он сполна наслаждался своими привилегиями гостя, так как в доме почти никого не было – Джотем, Сэмюэл, Бенджамен и Дэвид ушли в поле. Миссис Блю была занята шитьем, а Мариетта отправилась куда-то по соседству проведать подругу. Анджела – как в свое время

Руби – стала хлопотать, готовя завтрак для Юджина. Она замесила тесто для бисквитов, поджарила свиной грудинки и начистила целую корзинку свежесобранной ежевики.

– Мне нравится твой молодой человек, – сказала ей мать, входя в кухню. – Он выглядит добрым малым. Но смотри, не испорти его. Если начнешь слишком баловать, потом пожалеешь.

– А ты разве не баловала папу? – спросила Анджела, подумав о том внимании, каким был окружен в семье ее отец.

– Твой отец человек долга, – ответила миссис Блю. – Его не грех и побаловать. Этим его не испортишь.

– Может быть, и Юджин такой же, – сказала дочь, переворачивая на сковородке ломтики грудинки.

Мать улыбнулась. Все ее дочери были счастливы в браке. Возможно, что брак Анджелы окажется даже самым удачным. Ее жених, вне всякого сомнения, на голову выше всех остальных ее зятьев. Все же она нашла нужным заметить, что осторожность не мешает.

Анджела задумалась. Если бы только мать знала! Или отец! Бог ты мой! Но Юджин такой милый. Ей хотелось прислуживать ему, баловать его. Если бы она могла быть с ним вечно и никогда больше не разлучаться!

«Только бы он женился на мне!» – вздохнула она. Это было самое высшее счастье, какого она могла ждать в жизни.

Юджин, кажется, век не расстался бы с этим гостеприимным домом. Он видел, что старый Джотем охотно беседует с ним. Старик живо интересовался вопросами внутренней и внешней политики, знал понаслышке о многих выдающихся, интересных людях и, по-видимому, был в курсе мировых событий. У Юджина создалось впечатление, что и сам он человек исключительный, но старый Джотем с добродушной усмешкой отмахнулся от подобного мнения.

– Я простой фермер, – сказал он. – Самым большим делом своей жизни я считаю то, что я воспитал хороших детей. Из мальчиков, я знаю, выйдут дельные люди.

Юджину впервые стало понятно, что значит быть отцом и продолжать жить в своих детях, но он не стал задумываться над этим. Он был слишком молод, слишком жизнерадостен, слишком жадно стремился к разнообразию в жизни, а потому истинный смысл этого чувства еще ускользал от него.

Но вот наступило воскресенье, и нужно было уезжать. Юджин пробыл на ферме девять дней – на два дня больше, чем предполагал. А теперь ему предстояло проститься с Анджелой, которая стала ему так близка и слушалась его, как ребенок. Прощай, идиллическая жизнь на лоне природы! Когда-то еще увидит он такого почтенного патриарха, как Джотем Блю, чистого душою, доброго, умного – этого землепашца, стоящего во весь рост на своем кукурузном поле, гордого тем, что он хороший отец, не стыдящегося бедности, не боящегося ни старости, ни смерти? Юджин чувствовал, как обогатилась его душа. Словно он посидел у ног мудрого пророка. Прощайте, великолепные поля, голубые холмы, тенистая аллея густых вязов и белые, красные и синие цветы вокруг дома. Как сладко спалось ему в его опрятной комнатке! С какою радостью прислушивался он к голосам птиц – лесной горлинки и сладкогласного дрозда! Он слышал неумолчное журчанье ручья, бежавшего по своему каменистому ложу Свины, коровы, лошади – как все это было ему по душе! Ему вспоминалась «Элегия» Грея, «Покинутое селение» и «Путник» Гольдсмита. Как напоминал этот уголок места, воспетые поэтами.

Когда наступило время отъезда и Юджин шел с Анджелой через лужайку, он, не переставая, твердил ей, как ему больно покидать ее. Дэвид запряг гнедую кобылку и дожидался их в конце аллеи.

– Радость моя, – со вздохом сказал Юджин, – я до тех пор не узнаю счастья, пока ты не станешь моей.

– Я буду ждать, – вздохнула Анджела, хотя в действительности ей хотелось крикнуть: «О, возьми, возьми меня с собой!»

Когда он уехал, она машинально вернулась к своим обязанностям, чувствуя, что все утратило для нее свою радость, свой блеск. Без яркого воображения Юджина, обладавшего способностью озарять все вокруг, жизнь стала казаться ей тусклой.

А Юджин ехал по дороге и мысленно прощался с каждой пядью этой прекрасной земли – с пшеничным полем и живописным ручейком, с озером Оукуни и с идиллическим домиком семейства Блю.

Он говорил себе: «Никогда в жизни я не узнаю ничего более прекрасного. Анджела в моих объятиях в этой маленькой простенькой гостиной! Боже мой! Ведь человек живет всего каких-нибудь семьдесят лет и из них не более десяти или пятнадцати бывает по-настоящему молод».

Глава XX

Юджин увез в душе не только значительно окрепшее чувство к Анджеле, что объяснялось их несколько изменившимися отношениями, но и растущее чувство уважения к ее семье. Какая внушительная фигура старый Джотем, как добра и прямодушна его жена! Юджин думал об их безукоризненном отношении к детям и друг к другу, о почетном положении, которое по праву принадлежит им в обществе. Другого наблюдателя могла бы оттолкнуть ограниченность и мизерность их существования. Но Юджин и сам был слишком мало знаком с роскошью, чтобы относиться с презрением к невзыскательной простоте такой жизни. Он нашел здесь прелесть самобытности, поэзию юности, ее честолобивых устремлений и счастливых надежд. Сыновья Блю, стойкие и независимые, несомненно займут в жизни то место, какое они себе наметили. Мариетта, эта очаровательная девушка, удачно выйдет замуж. Сэмюэл уже и теперь быстро продвигается по службе в железнодорожной компании. Бенджамен готовится стать юристом, а Дэвида собираются послать в Вест-Пойнт⁶. Эти люди нравились ему своим естественным благородством. И все они обращались с ним, как с человеком, который со временем станет мужем Анджелы. К концу пребывания в их доме он так сроднился с семьей, словно знал ее всю жизнь.

Прежде чем вернуться в Нью-Йорк, Юджин побывал в Чикаго, где повидался с Хау и Мэтьюзом, продолжавшими корпеть на старой службе, и заехал на несколько дней в Александрию. Отец его был все так же погружен в свои дела. Он по-прежнему сам доставлял клиентам швейные машины, и его тележка бодро колесила по бесконечным проселкам, как и в ранние дни его карьеры. На этот раз Юджин не без сожаления подумал о том, как бесплодно отец прожил свою жизнь, но он не мог не восхищаться его терпением и трудолюбием. А на юркого агента по продаже швейных машин немалое впечатление произвели успехи сына, и он добросовестно старался проявить интерес к искусству. Как-то вечером, когда они вместе возвращались домой с почты, мистер Витла обратил внимание сына на какую-то уличную сценку и посоветовал зарисовать ее. Юджин подумал, что эта новоявленная любовь отца к живописи всецело вызвана его успехами. Отец, конечно, и раньше все это наблюдал, но считал пустяками, не заслуживающими внимания, пока не увидел рисунков сына, напечатанных в столичных журналах.

⁶ Военная академия.

– Если тебя интересуют деревенские виды, ты мог бы нарисовать мельницу Кука, ту, что около водопада. Это одно из самых красивых мест, какие мне встречались, – сказал он как-то вечером сыну, стараясь показать, какое внимание он проявляет к его работе.

Юджин знал этот уголок. Он действительно был красив: живописная речка, катившая свои прозрачные воды у подножья отвесной сорокафутовой скалы из красного песчаника, падала здесь с высоты пятнадцати футов на серые мшистые камни. Место это находилось у самой дороги, на которой царило большое оживление, и было со всех сторон защищено густыми деревьями. Юджин еще в детстве восхищался этим чудесным тихим уголком.

– Да, там очень живописно, – ответил он. – Надо будет как-нибудь заглянуть туда.

Витла-старший почувствовал прилив гордости. Его сын оказывал ему честь, прислушиваясь к его советам.

На миссис Витла, как и на ее мужа, начинал уже сказываться налет времени. Морщинки в уголках ее глаз стали глубже, резче обозначились складки на лбу. В первый вечер, увидев Юджина, она затрепетала: перед нею был возмужавший, вполне независимый человек. Жизненный опыт закалил ее сына, придавал ему спокойствие и выдержку, говорившие о зрелости. Не стало мальчика, который еще недавно нуждался в ее внимании и уходе. Перед нею был мужчина, который сам мог бы ею руководить и который даже слегка подшучивал над нею, как взрослый над ребенком.

– Ты так вырос, что я просто не узнаю тебя, – сказала она, когда он ее обнял.

– Нет, мамочка, это ты становишься маленькой. Мне казалось раньше, что я никогда не вырасту настолько, чтобы ты не могла взять меня за плечи и потрясти. Но теперь это время ушло, правда?

– Да тебя и наказывать-то было не за что, – нежно сказала мать.

Миртл год тому назад вышла замуж за Фрэнка Бэнгса и уехала с мужем в городок Оттаму, в штате Айова, где Бэнгс получил место управляющего заводом, так что Юджину не удалось ее повидать. Зато он повидался с Сильвией, теперь матерью двух детей. Ее муж был все тем же старательным, консервативным чиновником, каким Юджин помнил его. Вновь посетив редакцию «Морнинг Эппил», Юджин узнал, что Джон Саммерс недавно умер. В остальном там ничего не изменилось. Всеми делами по-прежнему ведали Джонас Лайл и Калед Уильямс. Юджин был рад, когда настало время уезжать, и с чувством большого облегчения сел в поезд, увозивший его в Чикаго.

И опять, как по приезде из Нью-Йорка и по возвращении из Блэквуда, в нем болезненно заговорили воспоминания о Руби. Он был многим ей обязан. Его первые впечатления в области искусства были в какой-то мере связаны с нею. Все же у него не было желания навестить ее. Впрочем, может быть, и было? Он задавал себе этот вопрос с грустью, так как продолжал любить ее, как любят героиню пьесы или романа. Что-то трагическое было в судьбе этой девушки. Ее жизнь, ее среда, ее преданная любовь – все это составляло как бы законченную новеллу. Когда-нибудь, думал Юджин, он напишет о ней стихи. Ему случалось писать неплохие стихи, хоть он никому их не показывал. Он писал очень просто, но с чувством и получалось у него очень наглядно. Недостаток его стихов заключался в том, что в них не было еще того благородства, какое придают поэзии отстоявшиеся и отточенные мысли.

Юджин не пошел навестить свою бывшую подругу. Он уверял себя в свое оправдание, что это было бы бестактно. Она, конечно, и не захотела бы сейчас его видеть. Возможно, она старается забыть его. К тому же у него есть обязанности перед Анджелой, это было бы нечестно по отношению к ней. Тем не менее, когда поезд, выйдя из пределов Чикаго, устремился на восток, он долго смотрел в ту сторону, где жила Руби, думая о том, как хорошо было бы снова пережить те памятные мгновения.

В Нью-Йорке жизнь, казалось, сулила Юджину повторение прошлого года, лишь с незначительными изменениями. Осенью он поселился вместе с Мак-Хью и Смайтом. Их

студия состояла из большой мастерской и трех спален. Они решили, что хорошо уживутся вместе, и, как нечто временное, такое сожительство пошло им на пользу. Критика, которой они подвергали друг друга, содействовала их развитию, а кроме того, им было приятно вместе обедать, вместе гулять, вместе посещать выставки. Они много и плодотворно спорили, так как у каждого была на все своя точка зрения. Это напоминало Юджину его совместную работу с Мэтьюзом и Хау.

Зимой рисунки Юджина впервые появились в «Харперс мэгэзин» – одном из самых крупных периодических изданий того времени. Юджин отнес в этот журнал несколько своих старых рисунков: они понравились, и ему обещали работу, как только подвернется подходящий рассказ. И действительно, в скором времени Юджин получил приглашение зайти в редакцию, где ему было поручено сделать три рисунка за сто двадцать пять долларов. Он писал с натурщиц, прекрасно справился с работой, и в журнале она понравилась. Товарищи поздравляли его – они искренне восхищались его талантом. Он принял твердое решение «покорить», как тогда выражались, журналы «Скрибнерс» и «Сенчури», и по прошествии некоторого времени ему удалось получить у них заказы, хотя и мелкие. В одном случае ему поручили проиллюстрировать стихотворение, в другом – небольшой рассказ, несколько не подходивший к его манере. Эта работа не принесла Юджину удовлетворения, он чувствовал, что ни то, ни другое нельзя назвать удачей. Ему хотелось либо получить для иллюстрирования подходящий материал, либо поместить в этих журналах одну из своих уличных сцен.

Не легко было создать себе прочную репутацию и обеспечить постоянный заработок. Правда, о Юджине уже заговорили художники, но все же он не мог считать себя сколько-нибудь значительной величиной в глазах публики или заведующих художественными редакциями. Он по-прежнему оставался подающим надежды начинающим художником. Он рос, но до признания было еще далеко.

Только один издатель склонен был оценить его по заслугам, но он располагал очень небольшими средствами. Это был Ричард Уилер, редактор «Крэфт», журнала совершенно безнадежного с коммерческой точки зрения, но горячо откликавшегося на все вопросы искусства. Уилер был еще молодой человек, энтузиаст, и, так как он восторгался работами Юджина, они быстро сдружились.

Этой зимой Уилер познакомил Юджина с Мириэм Финч и Кристиной Чэннинг – двумя женщинами, совершенно различными как по темпераменту, так и по призванию, и каждая из них открыла перед ним совершенно особый мир.

Мириэм Финч была скульптором по профессии, а по темпераменту принадлежала к тем натурам, у которых рассудок перевешивает чувство. Сама неспособная к сильным переживаниям, она тем более ценила их у других. Весь облик ее говорил о том, как много в женщине иной раз таится жизненных сил. Она не знала настоящей молодости, у нее не было ни одного настоящего романа, но она не переставала предаваться романтическим грезам, с почти безнадежной страстностью веря в их осуществление. Как-то вечером Уилер предложил Юджину отправиться к ней в студию; ему хотелось знать, какое впечатление она произведет на его юного друга. Мириэм, которой к моменту этого знакомства минуло уже тридцать два года, была миниатюрная женщина с гибким, как у кошки, телом и выразительными карими глазами. Ее изысканная речь и манеры сразу обличали в ней артистическую натуру. В эту пору в ней не оставалось уже и тени той нежной, расцветающей красоты, которая составляет очарование восемнадцати лет, но она была по-своему интересна и обаятельна. Волосы пушистым облачком обрамляли ее лицо, в быстром взгляде карих глаз сквозили живой ум, отзывчивость и доброта. Ее губы имели очертания лука Купидона, и улыбка их была пленительна. Желтоватый цвет ее лица гармонировал с каштановыми волосами и платьем из светло-коричневого бархата. Мириэм одевалась с благородной простотой, выделявшей ее среди других. Она мало считалась с модой, но все ее туалеты были ей удивительно к лицу;

можно сказать, что, заказывая платья, она видела в себе как бы некое художественное целое, гармонически сочетающее индивидуальные запросы с требованиями, которые предъявляет окружающий мир.

Для такой натуры, как Юджин, всякое человеческое существо, наделенное умом и тонким вкусом, тактом и душевным равновесием, обладало неизъяснимым очарованием. Он тянулся к одаренным людям, как цветок тянется к свету. Он находил радость в созерцании законченности и совершенства такого существа. Независимость взглядов и убеждений покояла его. Умение точно формулировать свои мысли и приходить к определенным убедительным выводам было в его глазах великим и завидным преимуществом. От таких людей он с радостью брал все, что мог, пока не насыщался, а затем отворачивался от них. И только когда у него снова просыпалась потребность в том, что они могли дать ему, он снова готов был вернуться к ним, – но не раньше.

До сих пор все его знакомые подобного рода были мужчинами, – он не знал ни одной сколько-нибудь выдающейся женщины. Начиная с Темпла Бойла и Винсента Бирса, преподавателей класса живой натуры и класса иллюстрации в Чикагском институте искусств, он встретил на своем жизненном пути Джерри Мэтьюза, Митчела Голдфарба, Питера МакХью, Дэвида Смайта и Джотема Блю – и все эти люди с яркой индивидуальностью и ясными взглядами произвели на него сильное впечатление. Теперь ему впервые предстояло встретиться с сильными, незаурядными женщинами. Стелла Эплтон, Маргарет Дафф, Руби Кенни и Анджела Блю были по-своему прелестны, но они не умели мыслить самостоятельно. Ни одна из них не была устоявшейся личностью, способной к самовоспитанию и самоконтролю, как Мириэм Финч. Последняя, не задумываясь, признала бы себя стоящей выше любой из них или всех их вместе взятых – с точки зрения ума, вкуса и таланта, хотя оценила бы по достоинству их красоту и признала бы за ними их законное и необходимое место в обществе. Она изучала жизнь и любила критически анализировать человеческие чувства, но в то же время страстно тосковала именно по тому, чем обладали и Стелла, и Маргарет, и Руби, и даже Анджела, завидуя их молодости, красоте, привлекательности, магнетическому очарованию их лица и фигуры, способному вызвать в возлюбленном пылкую страсть. Ей хотелось быть любимой горячо и красиво, но она была лишена этого счастья.

Мисс Финч жила в одной квартире со своими родными, на восточном конце Двадцать шестой улицы; ее студия была расположена на третьем этаже и выходила окнами на север. Однако жизнь в лоне семьи не препятствовала развитию ее утонченной индивидуальности, открывшей Юджину как бы новый мир. В ее комнате, отделанной в серебристых, коричневых и серых тонах, в одном углу стоял огромный канделябр, вышиною не менее пяти футов, а в другом – великолепный резной ларь старинной фламандской работы. На письменном столе с книжными полками темного орехового дерева теснились прелюбопытные издания – «Марий эпикурец» Пейтера, «Жены художников» Доде, «История моего сердца» Ричарда Джеффриса, «Aes Triplex»⁷ Стивенсона, «Касида» Ричарда Бертон, «Дом жизни» Россетти, «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше. Достаточно было Юджину окинуть взглядом комнату и ее хозяйку, как ему стало ясно, что самое присутствие здесь этих книг должно говорить за себя. Он с большим интересом вертел их в руках, прочитывая наугад отдельные абзацы, рассматривал картины на стенках, заглянул во все уголки мастерской, запечатлевая в памяти ее достопримечательности. Он понимал, что это чрезвычайно важное для него знакомство, и, чтобы закрепить его, старался произвести на хозяйку этой чудесной студии как можно лучшее впечатление.

Мириэм Финч с первого же взгляда заинтересовалась Юджином. В нем угадывалось столько силы, любознательности и умения понимать и ценить, что она не могла остаться

⁷ «Крепкая защита» (лат.).

к нему равнодушной. Что-то заставило ее мысленно сравнивать его с зажженной лампой, отбрасывающей ровный ласковый свет. Не успев познакомиться с хозяйкой студии, Юджин стал бродить по комнате, рассматривая картины, бронзовые и терракотовые фигурки, спрашивая, чье это, кто рисовал, кто сделал.

– Ни об одной из этих книг я даже не слышал, – откровенно признался он, просмотрев ее небольшую, тщательно подобранную библиотечку.

– Тут есть замечательные вещи, – сказала она, подходя к нему.

Ей нравилось его простодушное признание, – словно потянуло свежим ветерком. Ричард Уилер, приведший Юджина, нимало не обижался на то, что о нем забыли. Он хотел, чтобы Мириэм Финч полностью насладились его «находкой».

– Знаете, – сказал Юджин, отрываясь от «Касиды» Бертона и глядя в карие глаза Мириэм, – у меня от Нью-Йорка голова идет кругом. Это такой замечательный город.

– Что вы имеете в виду? – спросила она.

– А то, что в нем столько всевозможных чудес. Я на днях видел лавку, где полным-полно всяких старинных украшений, драгоценностей, невиданных камней и одеяний. И, бог ты мой, чего там только нет! Такого количества вещей я не видел за всю свою жизнь. Да взять хотя бы этот непритязательный с виду дом в тихом переулке – и вдруг такая комната! Снаружи как будто ничего особенного, а внутри – прямо дух захватывает, столько роскоши, такие произведения искусства!

– Вы говорите об этой комнате? – спросила она.

– Ну конечно, – ответил он.

– Прошу вас заметить, мистер Уилер, – сказала Мириэм, обращаясь к своему молодому другу-редактору, – в первый раз в жизни меня обвиняют в том, что я купаюсь в роскоши. Поэтому, когда будете писать обо мне, не забудьте упомянуть об окружающей меня роскоши. Мне это нравится!

– Непременно, я так и сделаю.

– Обязательно. И о произведениях искусства тоже.

– Разумеется, и о произведениях искусства тоже, – сказал Уилер.

Юджин улыбнулся. Ему нравилась живость Мириэм.

– Я знаю, что вы хотите сказать, – заметила она. – Я испытывала то же в Париже. Заходишь в маленький домишко, самый обыкновенный с виду, и наталкиваешься на изумительные вещи – груды прелестных нарядов, всякая старина, драгоценности. Где это я читала такую статью?

– Надеюсь, не в «Крэфт?» – сказал Уилер.

– Нет, не думаю. Кажется, в «Харперс базар».

– Какая гадость! – воскликнул Уилер. – «Харперс базар», – нашли что читать!

– Но ведь это как раз ваша тема. Почему бы вам не написать об этом в своем журнале?

– Обязательно напишу, – пообещал он.

Юджин подошел к роялю, стал перебирать кипу нот. И опять наткнулся на незнакомые ему и, очевидно, выдающиеся вещи – «Арабский танец» Грига, «Es war ein Traum»⁸ Лассена, «Элегия» Массне, «Нимфы и пастушки» Перселля, – вещи, самые названия которых говорили о чем-то ярком и красивом. Глюк, Сгамбатти, Россини, Чайковский, итальянец Скарлатти... Юджину стало ясно, как мало он знает музыку.

– Сыграйте что-нибудь, – попросил он, и Мириэм с улыбкой подошла к роялю.

– Вы знаете романс «Es war ein Traum»? – спросила она.

– Нет, – сказал он.

– Очаровательная вещь, – сказал Уилер. – Спойте!

⁸ «То был сон» (нем.).

Юджин и раньше предполагал, что Мириэм поет, но это богатство красок в ее голосе было для него неожиданностью. Голос был не сильный, но приятный и теплый, и его вполне хватило для тех вещей, которые она бралась петь. Она подбирала для себя музыку так же, как туалеты, – сообразуясь со своей индивидуальностью. Лирические, исполненные поэзии интонации спетого ею романса произвели на Юджина огромное впечатление. Он был в восторге.

– Вы прекрасно поете! – воскликнул он, придвигая свой стул к самому роялю и глядя ей в глаза.

Она поблагодарила его быстрой улыбкой.

– Если вы будете и дальше говорить мне комплименты, я готова петь для вас, сколько хотите.

– Я ужасно люблю музыку, – сказал он. – Ничего в ней не понимаю, но вот такие вещи мне особенно нравятся.

– Вам нравится то, что действительно хорошо. Мне это понятно. Я и сама все это люблю.

Он был польщен и благодарен ей. Она спела «Соловья», «Элегию», «Последнюю весну» – все незнакомые Юджину вещи, но он понимал, что это музыка, которая свидетельствует об изощренном понимании, изысканном вкусе и подлинно артистическом темпераменте. И Руби играла на рояле, и Анджела – последняя даже очень недурно, но он был убежден, что ни та, ни другая понятия не имели об этих вещах. Руби наигрывала популярные песенки, Анджела же предпочитала избитые мелодии, красивые, но слишком уж приевшиеся. А этой женщине не было дела до вкусов широкой публики – она далеко опередила их. Юджину захотелось доставить удовольствие своей новой знакомой, обворожить ее. Он придвинулся поближе и, улыбаясь, смотрел на нее, а она отвечала на его улыбку. Как и многим другим, ей нравились его лицо, рот, глаза, волосы.

«Какой он милый», – подумала она, проводив Юджина. А он ушел от нее с ощущением, что это выдающаяся, исключительная женщина.

Глава XXI

Хотя Мириэм, по-видимому, нисколько не считалась со своей семьей, последняя оказала на ее жизнь немалое влияние. Родители ее были типичными представителями Среднего Запада, у которых права и требования такой изысканной натуры, как их дочь, не находили ни сочувствия, ни понимания. С тех пор как Мириэм еще шестнадцатилетней девочкой обнаружила склонность к искусству, родители стали ревниво оберегать ее от тлетворного, как они считали, влияния артистической среды. Когда из Огайо она переехала в Нью-Йорк, мать последовала за нею и, пока девушка училась в художественной школе, была при ней неотлучно и повсюду сопровождала ее. Затем, решив, что для Мириэм полезно побывать за границей, она отправилась туда вместе с нею. Вся жизнь молодой художницы протекала под самым пристальным наблюдением. Мать была с нею, когда она жила в Париже в Латинском квартале, мать не отходила от нее, когда она осматривала художественные галереи и дворцы Рима. И на развалинах Помпеи и Геркуланума, и в Лондоне, и в Берлине – повсюду ее сопровождала мать, маленькая сорокапятилетняя женщина с железной волей. Она была убеждена, будто знает точно, что именно необходимо для ее дочери, и ей до некоторой степени удавалось внушить это и Мириэм, пока у той постепенно не появились собственные взгляды и вкусы. И тогда между матерью и дочерью начались трения.

В душе девушки родилась смутная догадка, сменившаяся затем ясным сознанием, что ее жизнь зажата в тиски. Ее постоянно предостерегали от общения с тем или иным человеком, ей рисовали опасности, какие сулит молодому, неопытному существу жизнь беспечной

богеми. О браке с каким-либо заурядным художником ей нельзя было даже и думать. Лепка с натуры, особенно с обнаженных натурщиков, первое время приводила ее мать в ужас. Она настояла на том, чтобы присутствовать на этих сеансах, и дочь считала, что иначе и быть не может. Но, наконец, вечный контроль матери, ее взгляды, ее интеллектуальное давление стали раздражать дочь, и тогда между ними произошел открытый разрыв. Это была одна из тех размолвок между отцами и детьми, которые могут стать настоящей трагедией для консервативных родителей. И сердце миссис Финч было разбито.

К сожалению, для самой Мириэм разрыв произошел с большим опозданием; лучшая пора ее жизни уже миновала. Из-за неусыпного надзора матери она упустила свою молодость, как раз то время, когда ей следовало бы пользоваться полной свободой. Она утратила любовь нескольких почитателей, которые добивались ее руки, когда ей было восемнадцать, девятнадцать, двадцать лет, но не выдержали критики ее взыскательной мамы. А в двадцать восемь лет, когда произошел разрыв, самый восхитительный период для любви миновал, и Мириэм стала ощущать неудовлетворенность и тоскливое разочарование.

Тогда-то она и настояла на полной и коренной перестройке своей личной жизни. Через посредство комиссионеров ей удалось получить заказы на копии с некоторых наиболее удачных ее работ. Публике нравилась ее статуэтка «Танцовщица», изображавшая Карменситу, прославленную балерину того времени, в одном из ее наиболее эффектных танцев, и комиссионер продал восемнадцать статуэток по сто семьдесят пять долларов. На долю Мириэм пришлось по сто долларов с каждой. Другая статуэтка – бронзовая, вышиной не более шести дюймов, под названием «Сон» – была распродана в количестве двадцати экземпляров по сто пятьдесят долларов каждый, и на нее находились все новые покупатели. Был спрос и на статуэтку «Ветер», изображавшую фигуру съежившегося от холода человека. Все это давало Мириэм надежду зарабатывать от трех до четырех тысяч в год.

Тогда Мириэм потребовала от матери, чтобы ей было предоставлено право иметь свою студию, уходить и приходить, когда вздумается, принимать у себя своих знакомых, и женщин и мужчин, и занимать их так, как ей нравится. Она воспротивилась контролю в какой бы то ни было форме, заранее отвергла чье бы то ни было право обсуждать ее действия и категорически заявила, что будет жить по-своему, не отдавая никому отчета. Осуществляя все это, завоевывая себе свободу, она с горечью думала о том, что ее лучшая пора ушла безвозвратно, что у нее не хватило ни ума, ни силы воли отстоять себя тогда, когда это было ей всего нужнее. А теперь ей уже и поздно и трудно меняться. Но ничего не поделаешь!

Кое-что из всего этого Юджин угадал уже при первом знакомстве с Мириэм. Ему открылось все своеобразие ее темперамента и взглядов и то, что можно было бы назвать ее обманутыми надеждами в области чувства. Она жадно тянулась к жизни; Юджин находил это странным, – так щедро, казалось, она была взыскана судьбой; потом, когда они стали большими друзьями, он заставил ее разговариваться, и многое стало ему ясно.

Прошло три месяца, – это было еще до его знакомства с Кристиной Чэннинг, – и между Юджином и мисс Финч установились самые чистые, самые здоровые отношения, какие только могли у него быть с женщиной. У Юджина вошло в привычку раз, а то и два в неделю заходить к Мириэм. Он начал понимать ее жизненные устремления, которые носили отвлеченно-эстетический характер и были, в сущности, далеки от всякой чувственности. Ее идеал возлюбленного отчасти определился под влиянием греческой поэзии и скульптуры – Адонис, Персей – и тех юношей средневековья, которых изображали на своих полотнах Милле, Берн-Джонс, Данте Габриэль Россетти и Форд Мэдокс Браун. Она мечтала о юноше прекрасно сложенном, с классическими чертами лица; он должен быть умным, мужественным и утонченным. Это был трудно достижимый идеал, в особенности для женщины, перешагнувшей за тридцать лет, но почему не помечтать?

Несмотря на то, что Мириэм по возможности окружала себя талантливой молодежью – молодыми людьми и девушками, – она еще не встретила предмета своих мечтаний. Не раз ей казалось, что она нашла его, но вскоре приходилось сознаваться, что надежды ее снова потерпели крушение. Все молодые люди, которых она знала, склонны были влюбляться в женщин моложе себя, часто в тех интересных девушек, с которыми она сама их знакомила. Не легко видеть, как твой идеал отворачивается от тебя, своего духовного двойника, увлеченный плотским очарованием, которое столь быстротечно. Но именно так складывалась ее судьба, и порой Мириэм была готова поддаться отчаянию. К тому времени, как она встрети-лась с Юджином, она уже почти убедила себя, что ей не суждено узнать любовь, и теперь не обольщалась надеждой, что он влюбится в нее. И все же он завладел ее воображением, и она порой мечтательно любовалась его интересным лицом и фигурой. Она говорила себе, что если этот человек кого-либо полюбит, то любовь его будет яркой и прекрасной.

Чем ближе они узнавали друг друга, тем больше старалась Мириэм показывать молодому художнику свое расположение. Двери ее студии всегда были открыты для него. Мириэм была хорошо осведомлена по части выставок, знаменитостей, всяких движений в религии, искусстве, науке, политике и литературе. Она проявляла интерес к социализму и верила в необходимость восстановления справедливости на земле. Юджину казалось, что он разделяет ее взгляды, но жизнь интересовала его больше как зрелище, и он сознавал, что уделяет мало внимания этим вопросам. Она посещала с ним выставки, знакомила его с разными людьми, гордясь тем, что находится в обществе такого одаренного юноши. Ей доставляло удовольствие видеть, как его всюду охотно принимают. Юджин на всех производил самое выгодное впечатление, а в особенности на начинающих писателей, поэтов и музыкантов. Он был весел и остроумен, быстро осваивался в любом обществе и чувствовал себя со всеми легко и непринужденно. Он старался быть объективным и справедливым в своих суждениях, но по молодости о многом судил пристрастно. Он ценил дружбу Мириэм, но не стремился придать их отношениям более интимный характер. Юджин знал, что добиться ее любви можно только честным предложением руки и сердца, а для этого он недостаточно любил ее. К тому же он чувствовал себя связанным с Анджелой, да и возраст Мириэм, как ни странно, казался ему препятствием к браку. Юджин бесконечно восхищался Мириэм, дружба с нею помогла ему создать себе идеал женщины, но он был не настолько увлечен, чтобы домо-гаться ее любви.

Зато в Кристине Чэннинг, с которой он вскоре познакомился, он нашел не только жен-щину с более пылким темпераментом и словно созданную для любви, но и не менее яркую артистическую натуру. Кристина Чэннинг была певицей. Она жила в Нью-Йорке с матерью, но последняя не подавляла самостоятельности своей дочери, как миссис Финч, хотя Кри-стина еще не вышла из того возраста, когда мать может и должна оказывать на дочь извест-ное влияние. Кристине было двадцать семь лет, она не достигла еще славы, которая впослед-ствии выпала на ее долю, но была полна той веры в свои силы, которая рано или поздно ведет к успеху. Пока что она усердно училась то у одного, то у другого преподавателя и уже имела на своем счету несколько романов. Правда, ни один из них не был достаточно серьезным, чтобы отвлечь ее от избранной карьеры, но она накопила изрядный жизненный опыт, не избежав обычной участи всех неискушенных дебютанток, постепенно узнающих, как устроен мир и что нужно делать для достижения успеха.

Артистическое дарование мисс Чэннинг не нашло своего выражения в создании такой утонченной атмосферы, какую окружила себя мисс Финч, но оно немало способствовало росту ее личного обаяния. В ее голосе, богатом и сочном контральто, была выразитель-ность и глубина, сообщавшие задушевность даже самым задорным песенкам ее репертуара. Она была недурной музыкантшей и аккомпанировала себе с большим чувством и огнем. Будучи солисткой Нью-йоркского симфонического оркестра, она, однако, пользовалась пра-

вом получать ангажементы на стороне. Она готовилась ближайшей осенью гастролировать по Германии, надеясь заключить контракт с какой-нибудь придворной оперой и тем самым проложить себе путь к успеху в Нью-Йорке. Кристину уже хорошо знали в музыкальных кругах и признавали, что она достойна петь на оперной сцене, так что ее будущий успех был скорее делом удачи, а не ее заслуг.

Несмотря на то, что Юджин был очарован обеими женщинами, на его любви к Анджеле это нисколько не отражалось. Он сознавал, что в отношении одаренности и интеллектуального развития она уступает им, зато сердцем она богаче. Ее письма были проникнуты пылкой нежностью, а в ее присутствии он незаметно подпадал под действие ее взволнованных чувств и сам испытывал невольное волнение. Что-то похожее на боль сопровождало каждое воспоминание о ней и вызывало в его представлении образы Сафо и Маргариты Готье. Порою у Юджина мелькала мысль, что, если он покинет Анджелу, это может оказаться для нее роковым. Он, правда, был далек от вероломства, но иногда задумывался над тем, какая пропасть отделяет ее от такой интеллектуалки, как Мириэм Финч. Среди его знакомых были теперь и женщины из общества – женщины, которых он до сих пор знал лишь по газетам да еще по модным журналам типа «Таун топикс» или «Вог», – и все они были по-своему совершенны. Но это были женщины совсем иного – так сказать, третьего типа. Он смутно понимал теперь, что мир необъятен и сложен и что ему предстоит еще узнать о женщинах много такого, о чем он раньше и не догадывался.

В чем Кристина Чэннинг могла соперничать с Анджелой – это во внешности. Она была высокого роста и прекрасно сложена; здоровый румянец, сочные губы и густая копна иссиня-черных волос оттеняли ее смуглое лицо. У нее были выразительные, лучистые карие глаза.

Юджин познакомился с нею через Шотмейера, которого один из его бостонских друзей снабдил рекомендательным письмом к Кристине. Тот, в свою очередь, рассказал ей о своем друге, выдающемся молодом художнике, и попросил разрешения как-нибудь привести его с собой. Мисс Чэннинг дала согласие, так как она видела несколько этюдов Юджина и уловила в них какую-то близкую ей поэтическую нотку. Шотмейер, гордившийся своими выдающимися знакомыми, которые, в сущности, только терпели его занимательную болтовню, расхвалил Юджину голос мисс Чэннинг и спросил его, не хочет ли он как-нибудь вечером заглянуть к ней. «С большим удовольствием», – сказал Юджин.

Был назначен день, и они отправились вместе. Мисс Чэннинг занимала несколько комнат в одном из лучших пансионов на Девятнадцатой улице. Она приняла их, одетая в гладкое черное бархатное платье, отделанное красным. Это напомнило Юджину платье, в котором он впервые увидел Руби. Красота молодой певицы поразила его. Что же касается Кристины, то она, как не раз потом слышал от нее Юджин, почувствовала какое-то странное, неизъяснимое волнение.

– Когда я в тот вечер причесывалась, я хотела повязать темно-синюю ленту, которую как раз купила, – рассказывала она. – И вдруг подумала: «Нет, я ему больше понравлюсь в красной». Не правда ли, странно? Просто у меня было предчувствие, что ты меня полюбишь и что мы должны будем ближе узнать друг друга. Этот молодой человек – как его? забыла – описал мне тебя очень точно.

Это признание она сделала много месяцев спустя после их знакомства.

Юджин предстал перед ней с тем независимым и горделивым видом, какой он приобрел с тех пор, как его жизнь в Нью-Йорке стала входить в более широкое русло. К знакомству с талантливыми людьми, особенно женщинами, он относился серьезно. Он держался очень прямо, ходил размашистой походкой и испытующе смотрел на собеседника, как бы заглядывая ему в душу. Он быстро составлял себе мнение о людях и умел угадывать в них талант. Взглянув на мисс Чэннинг, Юджин почувствовал, как по всему его телу прошел трепет.

Здороваясь, она протянула ему белую, гибкую руку. Они поговорили о своем заочном знакомстве. Юджин выразил свое восхищение той областью искусства, которой она себя посвятила. «Музыка стоит гораздо выше», – сказал он, когда она заговорила о его собственном призвании.

Темно-карие глаза Кристины оглядывали его с ног до головы. «Он чем-то напоминает свои этюды, – подумала она, – на него так же приятно смотреть».

Она представила его матери. Они сели, и сразу завязался разговор, потом мисс Чэннинг спела «*Che faro senza Euridica*»⁹. У Юджина было ощущение, что она поет для него. Щеки у нее разрумянились, губы стали еще ярче.

– Ты сегодня удивительно в голосе, Кристина, – заметила ее мать, когда она кончила.

– Я прекрасно себя чувствую, – ответила та.

– Изумительный голос! – воскликнул Юджин. – Он словно огромный красный мак или большая желтая орхидея.

Кристина оценила это сравнение. Оно показалось ей очень верным. Нечто подобное ощущала и она, когда пела.

– Пожалуйста, спойте «Кто Сильвия?», – попросил он немного погодя. И она очень охотно исполнила его просьбу.

– Это написано для вас, – тихо сказал он, приблизившись к самому роялю, когда она кончила петь. – Для меня вы – Сильвия.

Горячий румянец разлился по ее лицу.

– Спасибо, – сказала она, кивнув головой, но глаза ее говорили красноречивее слов. Она приветствовала его смелость и давала ему почувствовать это.

Глава XXII

Главным источником огорчений для Юджина, в особенности с тех пор как в его жизнь вошли эти две женщины, был слишком маленький заработок. И эти огорчения все росли. В первый год ему удалось заработать около тысячи двухсот долларов, во второй – около двух тысяч, а в этом, третьем, году его заработок был, пожалуй, даже еще больше. Но по сравнению с тем, что он видел вокруг себя, по сравнению с той жизнью, с которой он начал знакомиться, это было ничто. Нью-Йорк являл собой зрелище такого материального преуспевания, о каком он и не подозревал. Богатые выезды на Пятой авеню, обеды в дорогих ресторанах, светские балы, о которых ежедневно писали газеты, – все это кружило ему голову. Его тянуло на улицы наблюдать за нарядной толпой, а замечая господствующую повсюду роскошь и изысканность, он все больше приходил к заключению, что сам не живет, а прозябает. Давно ли искусство казалось ему дорогой не только к славе, но и к богатству? Теперь, по мере того как он изучал окружающий мир, выходило, что это совсем не так. Художники никогда не бывают особенно богаты. Он вспомнил, что читал в повести Бальзака «Кузина Бетта» про выдающегося художника, до которого снизошла богатая семья парижан, выдав за него дочь, и все считали, что девушка сделала плохую партию. Еще недавно он не поверил бы этому, такими недостижимыми существами представлялись ему служители искусства. Но теперь он все больше убеждался в том, что французский писатель очень верно изобразил отношение к художникам со стороны так называемого света. В Америке были художники, которые пользовались большой популярностью, некоторые из них – по мнению Юджина, совершенно незаслуженно – зарабатывали от десяти до пятнадцати тысяч долларов в год. На какую же ступень социальной лестницы, спрашивал себя Юджин, это ставило их в том мире подлинной роскоши, где заправляли пресловутые «четыреста семейств» – эти облада-

⁹ «Потерял я Эвридику» – ария Орфея из оперы Глюка (1714–1787).

тели высокого положения и несметных богатств? Он читал в газетах, что на одни только туалеты для молодой особы, начинающей выезжать в свет, требуется от пятнадцати до двадцати пяти тысяч долларов в год. Он знал, что есть люди, которым ничего не стоит заплатить пятнадцать – двадцать долларов за обед в ресторане. По сравнению с теми деньгами, которые выбрасывались на портных и модисток, по сравнению с драгоценностями и нарядами, какие можно было видеть в театрах, жалкий доход художника казался совершенной безделицей. Мисс Финч постоянно рассказывала ему о той выставке роскоши и богатства, какую она наблюдала в домах своих друзей, – благодаря свойственному ей такту она приобрела много знакомых в высшем обществе. Мисс Чэннинг, когда они ближе сошлись с Юджином, то и дело упоминала о прославленных певцах или музыкантах, получавших тысячу долларов за выступление, об огромном жаловании, которое выплачивалось оперным знаменитостям. И, вспоминая свой собственный ничтожный доход, Юджин снова чувствовал себя жалким нищим, совсем как в первые дни своего пребывания в Чикаго. Оказывается, что искусство, если не считать славы, ничего не дает. Оно не обеспечивает настоящей жизни. Оно ведет лишь к своего рода духовному расцвету, который все готовы признать, что не мешает, однако, даже гению оставаться бедным, больным, голодным и жалким. Разве не таким был Верлен, недавно умерший в Париже?

Умозаключения Юджина отчасти объяснялись тем, что все это происходило в начале «золотого века» роскоши, который переживал Нью-Йорк, и он везде и всюду сталкивался с нею. За предшествующие пятьдесят лет многие люди накопили огромные состояния, и теперь в Нью-Йорке были тысячи жителей, «стоивших» от миллиона до пятидесяти, а то и до сотен миллионов долларов. Город – главным образом на острове Манхэттен, за Пятдесят девятой улицей – зарастал домами, словно сорной травой. В разных частях так называемого «района белых огней»¹⁰ воздвигались огромные отели. То было время первой организованной попытки капитала удовлетворить вновь возникшую потребность – появились современные роскошные восьми-, десяти- и двенадцатитажные жилые дома, предназначенные для огромного числа новоявленных капиталистов, представителей недавно разбогатевшей средней буржуазии, которые со всех концов страны устремлялись в Нью-Йорк. На Западе, на Юге и Севере люди наживали огромные состояния. И едва у них появлялось достаточно средств, чтобы прожить остаток дней в довольстве и роскоши, как они переезжали на Восток, занимали дорогие квартиры, наводняли гигантские отели и роскошные рестораны, сообщая городу атмосферу расточительства. Все отрасли, служившие нуждам богатства и роскоши, достигли необычайного расцвета – антикварные лавки, магазины, где вы могли приобрести ковры, портьеры, мебель и безделушки, картины, драгоценности, фарфор и хрусталь – все, все, что только способствовало комфорту и блеску.

Бродя по городу, Юджин все это видел; он ощущал происходившие вокруг него перемены, улавливал эту неуклонную тенденцию к росту населения, к росту роскоши, к росту красоты. Все его помыслы были заняты лишь одним: жить нужно теперь, пока он молод и полон энергии, пока все его увлекает. Скоро это утратит для него всякий смысл – ведь только семь десятков лет отпущено человеку, и из них у него ушло уже двадцать пять. Что, если ему так и не суждено узнать роскошь, что, если высшее общество окажется для него недоступным, если он никогда не получит возможности жить так, как живут богачи? Эта мысль причиняла ему боль. Он испытывал бешеное желание вырвать у мира деньги и славу. Жизнь должна отдать ему его долю, в противном случае он будет проклинать ее до конца своих дней. Таковы были ощущения Юджина на двадцать шестом году жизни.

И все это особенно обострилось под влиянием дружбы с Кристиной Чэннинг. Она была немногим старше его, обладала таким же, как у него, темпераментом, лелеяла те же надежды

¹⁰ Часть Бродвея и Седьмой авеню, где расположены театры, опера и кинотеатры.

и стремления и не хуже разбиралась в ходе вещей. Нью-Йорку предстояло увидеть золотой век роскоши. Он уже вступал в него. И те, кто достиг вершин на каком-либо поприще, — особенно в музыке или сценическом искусстве, — могли, по-видимому, рассчитывать на участие в одном из наиболее ярких зрелищ богатства, какие только известны человечеству. Кристина Чэннинг разделяла эти надежды. Она была уверена, что получит свою долю, а после нескольких бесед с Юджином склонна была верить, что и он может рассчитывать на это. Он был такой блестящий и умный.

— Вы какой-то особенный, — сказала она ему, когда он во второй раз пришел к ней. — В вас столько силы. Мне кажется, вы можете добиться всего, чего захотите.

— Ну нет, — возразил он. — Вовсе я не такой ужасный. Поверьте, мне с таким же трудом, как и всем, дается то, чего я хочу.

— Но вы все-таки добиваетесь своего. У вас есть цель.

Понадобилось немного времени, чтобы эти двое пришли к полному взаимопониманию. Они рассказывали друг другу о себе — вначале, конечно, с известной сдержанностью. Кристина посвятила Юджина в историю своей музыкальной карьеры, начавшейся в Хагерстауне в штате Мэриленд, а он вспоминал дни своей ранней юности в Александрии. Они говорили о своих родителях и о том весьма различном влиянии, которое те оказали на них. Он узнал, что отец ее — владелец устричных промыслов, и, со своей стороны, признался, что его отец — агент по продаже швейных машин. Они беседовали о влиянии маленького городка на развитие личности, о своих ранних иллюзиях и начинаниях. Кристина пела в методистской церкви родного городка, собиралась одно время стать модисткой, потом попала к учителю музыки, который чуть не уговорил ее выйти за него замуж. Но тут что-то случилось — не то она уехала на лето, не то что-то другое, — и она передумала.

Один раз Юджин возил ее в оперу, еще как-то ужинал с нею в ресторане, потом опять нанес ей визит и в это третье посещение, проведя в ее обществе тихий вечер, осмелился наконец взять ее за руку. Кристина стояла у рояля, и он смотрел на ее лицо, на большие глаза, в которых дрожал вопрос, на нежную, красиво округленную шею и подбородок.

— Я вам нравлюсь, — сказал он вдруг, безотносительно к чему-либо, если не считать сильного взаимного влечения, которое оба испытывали друг к другу.

Она, ни минуты не колеблясь, утвердительно кивнула, хотя яркая волна краски залила ее лицо и шею.

— Вы мне кажетесь такой прекрасной, что словами этого не выразишь, — продолжал он. — Я могу только написать ваш портрет, или же вы — передать это в пении, — слова тут бессильны. Я не раз бывал влюблен, но в таких, как вы, — никогда.

— Разве вы влюблены в меня? — простодушно спросила она.

— А разве нет? — сказал Юджин, обнимая ее и привлекая к себе. Она отвернула голову, и ее порозовевшая щека оказалась у его губ. Он поцеловал сперва ее щеку, потом губы, шею. Приподняв ее подбородок, он заглянул ей в глаза.

— Осторожнее, — сказала она, — мама может войти.

— Да провались она, — рассмеялся он.

— Как бы вам самому не провалиться, если она сейчас зайдет. Она ведь и не подозревает, что я способна на такие вещи.

— Это доказывает только, как мало мама знает свою Кристину, — сказал он.

— Достаточно знает, — рассмеялась та. — Ах, если бы сейчас быть в горах!

— В каких горах? — любопытствовал он.

— В Голубых. У нас там дача в Флоризеле. Вы должны приехать летом, когда мы так будем.

— И мама тоже там будет? — спросил он.

— Да, и папа, — смеясь, ответила Кристина.

– И, надо полагать, кузина Энн?

– Нет, но братец Джордж будет.

– В таком случае бог с ней, с дачей, – сказал Юджин.

– Но я прекрасно знаю окрестности. Там чудесные дороги и тропинки для прогулок.

Она произнесла это с наивным намеком, и ее выразительное, умное лицо засветилось.

– Тогда дело другое, – с улыбкой сказал он. – Но пока что...

– А пока что вам придется подождать. Вы видите, каково положение, – и она кивком указала на соседнюю комнату, где лежала с легкой головной болью миссис Чэннинг, – мама не слишком часто оставляет меня одну.

Юджин не мог понять Кристину. Он еще не встречал такой девушки. Ее прямого наряду с несомненной одаренностью поражала его. Он не ожидал этого, не думал, что она признается ему в любви, не знал, как понимать ее слова насчет Флоризеля. Он чувствовал себя польщенным, он вырос в собственных глазах. Если такая красивая, талантливая женщина, как Кристина, могла признаться ему в любви, значит, он человек незаурядный. Она мечтает о более удобной обстановке... для чего?

Юджин не хотел слишком ускорять события, да и Кристина не стремилась к этому – она предпочитала оставаться для него загадкой. Но в ее взгляде он читал любовь и восхищение и был счастлив и горд этим, не желая пока ничего другого.

Кристина была права – для поцелуев пока было мало возможностей. Мать не спускала с нее глаз. Кристина пригласила Юджина послушать ее концерты в Филармонии. И вот сначала в огромном концертном зале отеля «Уолдорф-Астория», затем в великолепной аудитории Карнеги-холл и в третий раз в прекрасном помещении общества «Арион» он с восторгом видел, как она – такая прекрасная – быстрой походкой приближалась к рампе и останавливалась перед ожидающим ее оркестром и публикой, держась уверенно и даже несколько надменно. Когда огромный зал рукоплескал, Юджин наслаждался воспоминаниями:

«Вчера вечером она обвила мою шею руками. Сегодня, когда я приду к ней и мы останемся одни, она меня поцелует. Эта прелестная и необыкновенная девушка, которая раскланивается и улыбается там, на эстраде, любит меня и никого другого. Если бы я предложил ей, она вышла бы за меня замуж, – если бы я мог это сделать, если бы у меня были средства».

«Если бы я мог...» Эта мысль, как ножом, резнула Юджина, так как он знал, что не может. Он не мог предложить ей стать его женой. Да и не захочет она его, если он скажет ей, как мало зарабатывает. А впрочем, как знать?

Глава XXIII

По мере того как весна близилась к концу, в Юджине все больше крепла мысль не ехать снова к Андже, а отправиться в горы, куда-нибудь неподалеку от дачи Кристины. Под действием напряженной, волнующей жизни столицы образ Анджели несколько потускнел в его душе. Воспоминания о ней оставались все такими же восхитительными, – они по-прежнему были исполнены красоты, – но понемногу Юджином начали овладевать сомнения. Блестящее нью-йоркское общество состоит из людей иного типа; Андже прелестна и мила, но будет ли она здесь на своем месте?

Тем временем Мириэм Финч – этот утонченный эклектик – продолжала воспитывать Юджина. Она вполне могла бы заменить ему школу. Он сидел у нее и слушал ее рассказы о той или иной пьесе, ее суждения о той или иной книге, ее мнение по тому или иному модному философскому вопросу и чувствовал, что растет не по дням, а по часам. Она знала множество людей и всегда могла сказать, куда следует пойти, чтобы увидеть то, что его интересовало. Не было ни одной выдающейся личности – оратора, которого стоило бы послушать, или нового актера, – о которой у нее не было бы самых исчерпывающих сведений.

– А знаете, Юджин, – восклицала она, увидев его, – вам непременно нужно пойти посмотреть Хейдена Бойда в пьесе «Клеймо»!

Или:

– Вам следует посмотреть Эльмину Деминг в ее новых танцах.

Или:

– Не забудьте взглянуть на картины Уинслоу Хомера – они выставлены у Нэдлера.

И мисс Финч самым подробным образом объясняла ему, почему она хочет, чтобы он видел то или иное, и что, по ее мнению, это может ему дать. Она не скрывала, что считает его гением, и всегда требовала, чтобы он рассказывал ей, над чем работает. Когда в печати появлялась какая-нибудь удачная его работа, она спешила высказать ему свою похвалу. У Юджина нередко бывало такое чувство, словно он владеет и ее комнатой и ею самой, словно ему принадлежит все, что у нее есть, – ее мысли, ее друзья, ее переживания. Все это было полностью к его услугам, сидел ли он у ее ног или шел куда-нибудь вместе с нею. С наступлением весны она с удовольствием стала совершать с ним прогулки, прислушиваясь к тому, что он говорил о природе и жизни.

– Замечательно! – восклицала она. – Почему бы вам не написать это?

Или:

– Почему бы вам не зарисовать это?

Он показал ей некоторые свои стихи, и она тотчас переписала их и вклеила в альбом, который называла своим собранием шедевров. Так она не переставала баловать его.

С другой стороны, и Кристина доставляла ему не меньше радости. Она не уставала говорить Юджину, какого она высокого мнения о нем, каким интересным его считает.

– Вы такой большой, такой умный, – говорила она ему как-то, крепко сжав его руки и ласково заглядывая в глаза. – И мне нравится, как вы причесываетесь. Вы во всех отношениях такой, каким должен быть художник.

– Вы изобрели легкий способ испортить меня, – отвечал он. – Позвольте лучше сказать вам, как вы прелестны. Хотите, скажу?

– М-м-м, – с улыбкой протянула она, отрицательно качая головой.

– Подождите, пока мы очутимся в горах. Там я вам скажу, – и он запечатлел на ее губах такой долгий поцелуй, что девушка чуть не задохнулась.

– Боже, какой вы сильный! – воскликнула она. – Вы точно из стали...

– А вы как большая алая роза. Поцелуйте меня.

Кристина научила его разбираться в музыке и познакомила с именами крупнейших исполнителей. Он приобрел кое-какое понятие о разных ее жанрах – оперном, симфоническом, камерном. Он познакомился с различными формами музыкального творчества, с терминологией, с тайной голосовых связок, с методами вокального обучения. Он узнал, каких интриг полна эта среда, какого мнения крупнейшие музыкальные авторитеты о том или ином композиторе или певце. Он понял, как трудно пробить себе дорогу в оперном мире, какая жестокая идет там борьба, как быстро публика готова отвернуться от заходящей звезды. Кристина ко всему относилась с такой беспечностью, что Юджин готов был полюбить ее за одну эту отвагу. Она была так умна, так добродушна.

– Если хочешь быть хорошей певицей, приходится от многого отказываться, – сказала она однажды Юджину. – Нельзя жить обычной жизнью и оставаться верной искусству.

– Я не совсем понимаю вас, Крисси, – сказал он, нежно глядя ее руку, так как они были одни.

– Очень просто. Нельзя выходить замуж и иметь детей, нельзя играть заметную роль в обществе. Я знаю, что некоторые певицы выходят замуж, но мне кажется, что это ошибка. Большинство артисток, связанных семьей, не слишком преуспевает, насколько мне известно.

– И вы что же, не собираетесь выходить замуж? – любопытствовал Юджин.

– Не знаю, – ответила она, догадываясь, к чему он клонит, – во всяком случае, я бы очень и очень подумала. Да и вообще положение артистки дьявольски трудное. Ей над многим приходится задумываться.

– Например?

– Ну, скажем, над тем, что скажут о ней люди и семья, и еще над многим. Для нас, служителей сцены, следовало бы изобрести третий пол, вроде как у пчел.

Юджин улыбнулся. Он тоже догадывался, к чему она клонит. Но он не мог знать, что Кристина не впервые пытается разрешить конфликт между добродетельной жизнью и стремлением к успеху в искусстве. Она не хотела усложнять браком свою карьеру артистки. Она знала почти наверняка, что успех на оперной сцене – а тем более шансы на блестящий успех за границей – для начинающей певицы в сильной степени зависит от какой-нибудь связи. Некоторым удавалось избежать этого, но лишь немногим. Она не переставала спрашивать себя, должна ли она в угоду господствующей морали оставаться девственницей. По общепринятому мнению, девушки должны блюсти себя для того, чтобы потом выйти замуж, но применимо ли это к ней, к артистическому темпераменту? Ее беспокоила мысль о матери и родных. Она оставалась добродетельной, но молодость и страстная натура были для нее источником многих горьких минут. А тут еще появился Юджин.

– Да, это трудный вопрос, – подтвердил он, думая о том, как же она в конце концов поступит.

Он чувствовал, что ее взгляды на брак самым непосредственным образом касаются его. Неужели она готова пожертвовать любовью во имя искусства?

– Не вопрос, а целая проблема, – сказала она и направилась к роялю, чтобы что-нибудь ему спеть.

Под влиянием этого разговора у Юджина создалось впечатление, что Кристина замышляет какой-то очень серьезный шаг. Какой именно – он не решался и подумать, но его крайне интересовало, как она разрешит эту проблему. Ее пренебрежение к условностям поражало Юджина, оно даже его заставило смотреть на вещи шире. Любопытно, думал он, какого мнения была бы его сестра Миртл о девушке, которая подобным образом рассуждает о браке, – в духе, так сказать, «быть или не быть»? И что сказала бы Сильвия? Интересно было бы знать, многие ли девушки так рассуждают? Большинство женщин, которых он знал, было как будто последовательнее его в этих вопросах. Он вспомнил, что спросил однажды Руби, не считает ли она «незаконную любовь» грехом, и в ответ услышал: «Нет. Некоторые считают, что это грех, но вовсе не значит, что и я должна так думать». И вот еще одна девушка, и еще одна теория.

Они и после этого говорили о любви, и Юджин спрашивал себя, почему ей хочется, чтобы он летом приехал в Флоризель. Не может быть, чтобы она... Нет, нет, она слишком для этого консервативна. Однако он догадывался, что она не думает о браке с ним, что сейчас она вообще ни за кого не выйдет замуж. Очевидно, ей просто хотелось быть любимой, хотя бы недолго.

Наступил май, концертные выступления Кристины кончились, да и уроки пения не связывали ее больше с Нью-Йорком. В течение зимы она то и дело уезжала и приезжала – Питтсбург, Буффало, Чикаго, Сент-Пол, – а сейчас, после года тяжелой работы, вместе с матерью на несколько недель уехала в Хагерстаун, предполагая потом отправиться в Флоризель.

«Если бы ты был здесь! – писала она Юджину в начале июня. – Месяц светит к нам в сад, розы в цвету. Какие дивные запахи, какая роса! Некоторые окна открываются вровень с травой, и я пою, пою, пою!»

Ему хотелось бросить все и помчаться на ее зов, но он воздержался, так как она сообщила, что через две недели уезжает в горы. У него был заказ на серию рисунков для одного журнала, его очень торопили, и он решил сначала закончить работу.

В последних числах июня он отправился в Голубые горы, в южной части штата Пенсильвания, где был расположен Флоризель. Он, собственно, рассчитывал на приглашение Чэннинггов, но Кристина предупредила его, что будет безопаснее и удобнее, если он останется в одном из близлежащих отелей. Их было несколько на склонах прилегающих гор, причем плата колебалась от пяти до десяти долларов в день. Хотя это были для него большие деньги, Юджин все же решил поехать. Ему хотелось увидеть эту удивительную девушку, узнать, чем объяснялось ее желание быть с ним вместе в горах.

У него было около восьмисот долларов в сберегательной кассе, и он взял из них триста на поездку. Он захватил с собой для Кристины изящно переплетенный экземпляр Вийона, которого она любила, и несколько томиков новых стихов. Овеянные грустью, они гармонировали с владевшими им в последнее время настроениями, – в них говорилось о тщете жизни, о ее неизбежной скорби, хотя и превозносилась ее совершенная красота.

К этому времени Юджин окончательно пришел к заключению, что никакой загробной жизни нет, что нет ничего, кроме слепой и темной силы, бесцельно играющей человеком, – тогда как раньше он безотчетно верил в провидение и задумывался над вопросом, существует ли ад. Книги служили ему проводниками по торным дорогам и извилистым тропинкам логики и философии. За последнее время он много читал и учился мыслить. Он одолел «Основные начала» Спенсера – книгу, которая буквально перевернула все его взгляды и надолго выбила его из привычной колеи. От Спенсера он вернулся назад – к Марку Аврелию, Эпиктету, Спинозе и Шопенгауэру, к мудрецам, которые разнесли в прах все его собственные теории и заставили его задуматься над тем, что же такое жизнь. После чтения таких книг он долго бродил по улицам, размышляя о неисповедимых целях природы, о распаде вещества и о том, что человеческие мысли не более постоянны, чем облака в небе. Философские теории возникают и исчезают, формы правления приходят и уходят, человеческие расы нарождаются и вымирают. Однажды он зашел в Музей естественных наук и увидел гигантские остовы доисторических животных, обитавших на земле, как известно, два, три, пять миллионов лет назад. Юджин с удивлением думал о тех силах, которые вызвали их к жизни лишь для того, чтобы потом с такою безучастностью обречь на вымирание. Природа казалась необычайно расточительной в многообразии своих творений, но вместе с тем абсолютно равнодушной к сохранению их. Юджин приходил к выводу, что и сам он всего лишь пустая раковина, слабый отголосок, гонимый ветром листок, не имеющий в сущности никакого значения, и это сознание причиняло ему в то время невероятные муки, грозя сокрушить его эгоизм, подавить всю его гордость мыслящего существа. Он бродил по городу, ошеломленный, обиженный, расстроенный, словно заблудившийся ребенок, но мысль его продолжала упорно работать.

А потом на сцене появились Дарвин, Гексли, Тиндаль, Лэббок, целая плеяда английских мыслителей, которые, подтверждая первоначальные выводы других философов, открыли ему красоту, закономерность, многообразие форм и идей в методах природы, и он был зачарован. Он все еще продолжал читать стихи, а также книги и статьи по естествознанию, но по-прежнему оставался мрачен. Жизнь все так же казалась ему игрой темных, бесцельно мятущихся сил.

То, какие выводы он делал из этого для себя, было весьма характерно для него – человека ярко индивидуалистического склада. Мысль, что красота расцветает лишь ненадолго, чтобы затем исчезнуть, вызывала в нем грусть. Мысль, что жизнь длится лишь семьдесят лет, после чего наступает неизбежный конец, приводила его в ужас. Он и Анджела, думал Юджин, лишь случайные знакомые, связанные неким избирательным сродством, и им не

суждено больше встретиться в вечности. Он и Кристина, он и Руби, он и кто бы то ни было другой могли провести вместе всего лишь несколько ярких часов, после чего наступало великое безмолвие, распад, конец всему. Эти мысли, с одной стороны, причиняли боль, с другой – вызывали в нем еще более сильное желание изведать жизнь и любовь, пока он жив. Если бы еще можно было всегда находить забвение в объятиях любимой!

В таком настроении он добрался до Флоризеля, проведя целую ночь в дороге, и Кристина, которая и сама временами склонна была поразмышлять и пофилософствовать, не могла не заметить этого. Она дожидалась его на станции в собственном изящном маленьком кабриолете, чтобы отправиться вместе на прогулку.

Кабриолет катился по мягким, покрытым желтой пылью дорогам. Горная роса еще лежала на земле, и насыщенная влагой пыль не поднималась в воздух. Зеленые ветви деревьев низко нависали над ними, но за каждым поворотом открывались очаровательные виды. Юджин целовал Кристину, так как кругом никого не было, повернув к себе ее лицо и прижимаясь губами к ее губам.

– Счастье, что лошадь такая смиренная, не то бы дело кончилось несчастным случаем. Но почему ты так мрачен? – спросила она.

– Я вовсе не мрачен... А впрочем, возможно... Я в последнее время много думал, и все больше о тебе.

– И мысль обо мне вызывает у тебя грусть?

– Отчасти да.

– А почему, разрешите узнать, сэр? – спросила она с притворной строгостью.

– Потому что ты так прекрасна, так очаровательна, а жизнь так коротка.

– И у тебя остается всего пятьдесят лет, чтобы любить меня! – расхохоталась она. – О Юджин, какой ты еще мальчик! Подожди-ка минуточку, – добавила она после маленькой паузы и остановила лошадь у придорожных деревьев. – Подержи, – сказала она, передавая ему вожжи, а когда он взял их, она обвила руками его шею и воскликнула: – Глупенький! Я люблю тебя! Люблю! Люблю! Я еще никогда такого, как ты, не встречала. Ну, это тебя немножечко утешит? – закончила она, с улыбкой заглядывая ему в глаза.

– Да, – ответил он. – Но не совсем. Семьдесят лет жизни – меня никак не удовлетворяет. Для такой жизни, как сейчас, мало целой вечности.

– Да, как сейчас, – взяв из его рук вожжи, словно эхо, повторила она, так как и сама прониклась его чувствами и мечтой о вечной молодости и вечной красоте – обо всем том, что, увы, живет лишь миг и обречено на быстрое увядание.

Глава XXIV

Семнадцать дней провел Юджин в горах в обществе Кристины и за это время дошел до такого восторженного состояния, какого никогда еще не испытывал. Дело в том, что он никогда не встречал женщины, подобной Кристине, такой прекрасной, физически совершенной, с таким пронзительным умом и тонкой душой артистки. Она с поразительной быстротой схватывала все, что он хотел выразить. Ее мысли и чувства бесконечно обогащали его. Как и он, она много думала о тайнах жизни, о сложности человеческого организма, о его загадочных функциях, об их сознательных и подсознательных проявлениях и существующей между ними взаимосвязи. Человеческие страсти, желания, потребности были для нее тончайшим узором, в созерцание которого она любила погружаться. У нее не было времени продумать свои мысли до конца, не было желания писать, зато она в своем выразительном пении передавала то прекрасное и возвышенное, что испытывала. И при случае она умела говорить, говорить красиво, с поэтической грустью, хотя в груди ее было столько юной отваги и силы, что ни одна сторона жизни не пугала ее, – не пугало даже и то, что сделает природа с ничтож-

ной горсточкой вещества, из которого она была создана, когда вещество это растворится в пространстве. «Для каждого из нас пробьет последний час», – цитировала она Юджину, и он серьезно кивал головой.

Гостиница, где остановился Юджин, блистала такой роскошью, какой он еще не видел. И никогда в жизни не было у него столько денег, и никогда еще он не чувствовал себя призыванным так свободно их тратить. Номер, который он занял, был одним из лучших в отеле; при выборе его Юджин руководствовался тем, что подумает Кристина. По ее же совету он несколько раз приглашал ее обедать вместе с матерью и братом (остальные члены ее семьи еще не приехали). В свою очередь, и он получал приглашения на дачу к завтраку и к обеду.

Сразу по приезде Юджин понял, что Кристина намерена проводить в его обществе возможно больше времени. С этой целью она предложила подняться на три ближайших горы – Высокую, Смелую и Трубу. Она знала превосходные гостиницы в радиусе семи, десяти, пятнадцати километров, куда можно было поехать поездом или в кабриолете, с тем чтобы потом возвращаться при свете луны. В лесной чаще и рощицах она облюбовала два-три укромных уголка, где среди деревьев были крохотные полянки; здесь они привязывали гамак и, раскидав возле себя томики стихов, наслаждались беседой и поцелуями.

Эти прогулки наедине, прекрасные июньские дни, безоблачное небо привели к тому, что Кристина приняла решение, о котором Юджин не смел и мечтать. Они постепенно прошли через все стадии любви. Они много говорили о любви и страсти, с презрением отвергая мысль о том, будто есть что-либо греховное хотя бы и в самой интимной близости между мужчиной и женщиной. И, наконец, Кристина сказала откровенно:

– Я не хочу выходить замуж. Брак не для меня, во всяком случае, до тех пор, пока я не добьюсь серьезного успеха. Я предпочитаю подождать, если только можно любить тебя и сохранить свободу.

– Почему ты хочешь отдаться мне? – спросил Юджин.

– Я не уверена в том, что хочу этого. Я могла бы довольствоваться просто твоей любовью, если бы это тебя удовлетворило. Но я хочу дать тебе счастье. Я хочу дать тебе все, что только могу.

– Странная ты девушка, – сказал он, проводя рукой по ее высокому лбу. – Ты для меня загадка, Кристина. Я не могу понять, как ты пришла к такой мысли. Зачем ты решаешься на это? Если что-нибудь случится, ведь пострадаешь ты.

– О нет, – улыбнулась она. – Если бы это случилось, я бы вышла за тебя замуж.

– Как, решиться на такой шаг просто так, потому, что ты меня любишь, потому, что ты хочешь видеть меня счастливым!.. – Он умолк.

– Я и сама этого не понимаю, золотой мой, – сказала она. – Я просто иду на это.

– Но почему, если ты готова на это, ты не предпочитаешь поселиться со мной? Вот чего я не пойму.

Она сжала его голову в своих ладонях.

– Мне кажется, я знаю тебя лучше, чем ты сам. Я не думаю, что ты будешь счастлив, если женишься. Может случиться, что ты разлюбишь меня. Или я разлюблю тебя. Возможно, ты пожалеешь об этом. Если мы познаем счастье сейчас, может быть, потом я уже буду тебе не нужна. И, понимаешь, тогда я не буду терзаться мыслью, что мы так и не узнали счастья.

– Что за логика! – воскликнул он. – Ты, вероятно, хочешь сказать, что это я буду не нужен тебе?

– О нет! Мне ты будешь нужен, но не так. Как ты не понимаешь, Юджин, ведь, по крайней мере, я буду знать, что дала тебе все, что могла.

Юджин был опечален тем, что она способна так рассуждать, приводить такие доводы. Какой странный, жертвенный, фаталистический склад ума! Возможно ли, чтобы так рассуж-

дала молодая, прекрасная, талантливая девушка? Поверит ли этому хоть один человек на свете, если рассказать? Он посмотрел на нее и грустно покачал головой.

– Подумать только, что нельзя сохранить навсегда самое лучшее, что есть в жизни, – вздохнул он.

– Нет, золотой мой, ты хочешь слишком многого, – ответила она. – И тебе только кажется, что ты хотел бы это сохранить. Нет, ты хочешь, чтобы все прошло. Ты не согласился бы жить со мной всю жизнь, я уверена в этом. Так бери же то, что посылают тебе боги, и ни о чем не жалеешь. Гони прочь мысли – ведь ты это умеешь.

Юджин порывисто привлек ее к себе. Он целовал ее без конца, забыв на ее груди все свои прошлые привязанности. И она отдалась ему охотно и радостно, не переставая повторять, что счастлива.

– Если б ты мог видеть со стороны, как мне хорошо с тобой, тебя бы это не удивляло, – говорила она.

Он пришел к заключению, что она самое удивительное существо, какое только встречалось на его пути. Ни одна женщина не проявила в любви к нему такой царственной щедрости. Ни одна женщина из всех, кого он знал, не имела столько мужества, чтобы так сознательно, так просто, так прямо идти к своей цели. Когда он слушал, как эта блестящая артистка, девушка такой красоты, спокойно рассуждает о том, пожертвовать ли ей добродетелью ради любви, пригоден ли брак в его обычных формах для служителей искусства, следует ли ей насладиться его любовью сейчас, пока они оба молоды, или же, подчинившись предрассудкам, дать молодости промчаться, – Юджин чувствовал, что в его еще скованной условностями душе все возмущается против этого, ибо вопреки своему стремлению к личной свободе, вопреки сомнениям и моральным софизмам он продолжал питать глубокое уважение к такой семье, какую создали Джотем Блю и его жена, и к тому, что отсюда следует, – к нормальному, здоровому, послушному потомству. Природе, несомненно, стоило больших трудов и усилий довести человека до его теперешнего состояния, и едва ли она так легко отступится от своего. Да и действительно ли необходимо от всего этого отказываться? Захочет ли он, Юджин, увидеть мир, в котором женщина согласна будет принять его на время, как это делала сейчас Кристина, а затем бросить? Это новое переживание заставило Юджина задуматься, оно опрокидывало все его теории и взгляды, оно перемешало все представления о жизни, какие успели у него сложиться. Он ломал голову над сложностью жизни и любви и, сидя на просторной террасе гостиницы, думал и думал без конца о том, каков же все-таки ответ и почему он не может, подобно другим мужчинам, оставаться верным одной женщине и быть счастливым. Он спрашивал себя, действительно ли это так, действительно ли он не может быть таким, как другие. Пожалуй, что и может. Он знал, что еще до сих пор не разобрался в себе и не умеет управлять своей волей и своими желаниями.

Эти блаженные дни оставили в нем глубокий след. Он был поражен тем, какого совершенства может достигнуть жизнь в иные редкие минуты. Высокие, безмолвные горы, такие однообразные в своих округлых очертаниях, такие зеленые, такие мирные, давали отдых его душе. Однажды он вместе с Кристиной взобрался на гору, которая с высоты двух тысяч футов господствовала – как мелькнуло в голове Юджина – «над всеми царствами мира»: над огромными пространствами зеленых лугов и шахматной доской полей, над скромными поселками и городами, над холмами, поднимавшимися в отдалении, словно дружные братья.

– Посмотри на этого человека там, в палисадничке, – говорила Кристина, показывая на микроскопическое существо, коловшее дрова перед деревенским коттеджем на расстоянии доброй мили от утеса.

– Не вижу, – отвечал Юджин.

– Смотри туда, на этот красный амбар, сразу за рощицей, неужели не видишь? Вот там, на лугу, где пасутся коровы.

– Я не вижу никаких коров.

– О Юджин, что у тебя с глазами?

– А! Теперь вижу, – сказал он, сжимая ее руку. – Он похож на таракана, не правда ли?

– Да, – засмеялась она.

– Как обширна земля и как мы ничтожны! Взгляни только на этого крохотного человечка со всеми его надеждами и мечтаниями, со всей сложной машиной его мозга и нервов и скажи мне, может ли какой-то бог всем этим заниматься. Ну скажи, Кристина, как ты думаешь, может?

– Конечно, нет, дорогой мой, бог не может заниматься одним таким человечком. Но он, возможно, занят мыслью о человеке вообще и о человеческом роде в целом. Впрочем, я и сама не уверена, золотой мой. Я знаю только одно: сейчас я счастлива.

– И я, – словно эхо, отозвался он.

Тем не менее разговор на этом не оборвался, и они продолжали все больше и больше углубляться в вопросы о происхождении жизни и о ее цели.

Они говорили о невероятной древности земли, о бурях рождений и смертей, бушевавших на земле в разные эпохи.

– Не нам решать все эти вопросы, Eugenio mio¹¹, – рассмеялась она. – Лучше пойдем домой. Моя бедная дорогая мамочка будет беспокоиться за свою Кристину. Знаешь, она, по моему, начинает подозревать, что я влюблена в тебя. Ей дела нет до того, сколько человек влюбляется в меня, но как только я выказываю кому-либо малейшие знаки предпочтения, она начинает волноваться.

– А много было таких случаев предпочтения? – спросил он.

– Нет. Но зачем этот вопрос? Не все ли равно? Ну скажи, Юджин, не все ли тебе равно? Ведь сейчас я люблю тебя.

– Не знаю, все равно или нет, – ответил он, – но мне больно, когда я думаю о твоём прошлом. Я не могу тебе сказать почему. Однако это так.

Она задумчиво смотрела вдаль.

– Как бы то ни было, ни один человек не был со мной так близок, как ты. Разве этого недостаточно? Разве этим не все сказано?

– Да, дорогая. Этим все сказано. Да, да, все! Прости меня. Я не буду больше тебя расстраивать.

– Не надо, – сказала она. – Ты делаешь больно и мне и себе.

Бывали вечера, когда Юджин сидел в гостинице на одной из террас и смотрел, как развешивали между колоннами китайские фонарики, горевшие мягким светом, и шли приготовления к вечерним танцам. Он любил наблюдать, как собирались мужчины и женщины, жившие в этой летней колонии. Девушки в прозрачных белых платьях и белых туфельках, мужчины в белых полотняных и фланелевых костюмах, весело болтая, шли по дороге. Кристина приходила на эти вечера в сопровождении матери и брата, такая очаровательная в белом полотняном или батистовом платье, отделанном кружевами. Юджин с огорчением думал о том, что он так и не постиг в совершенстве искусства танцев. Он умел танцевать, но далеко не так, как брат Кристины или десятки других мужчин, легко скользивших по навозному полу, и это заставляло его страдать. Временами после прекрасного вечера, проведенного с возлюбленной, он сидел совсем один, грезя о красоте окружающей природы. Звезды были, как бесчисленные алмазные зерна, раскиданные рукою равнодушного сеятеля. В отдалении высились темные горы. Повсюду были тишина и покой.

Почему жизнь не может всегда быть такою, думал Юджин, и сам себе отвечал, что со временем это сделалось бы убийственно скучным, как и всякая не подверженная переменам

¹¹ Мой Евгений (итал.).

красота. Человеческая душа жаждет движения, а не покоя. Покой – на короткое время после деятельности, а затем снова деятельность... Так и должно быть. Он понимал это.

Перед самым его отъездом в Нью-Йорк Кристина сказала ему:

– Теперь, когда мы снова встретимся, я буду мисс Чэннинг, а ты – мистер Витла. Мы почти забудем, что были когда-то вместе. Нам будет с трудом вериться, что мы видели то, что мы видели, делали то, что мы делали.

– Кристина, ты говоришь, как будто между нами все кончено. Ведь это же не так, правда?

– В Нью-Йорке ничего похожего быть не может, – вздохнула она. – У меня нет времени, да и тебе нужно работать.

В ее голосе слышалось твердое решение.

– Кристина, не говори так, прошу тебя! Я не могу себе этого представить.

– Хорошо, не буду, – сказала она. – Посмотрим. Подождем, пока я вернусь.

Он раз десять поцеловал ее на прощание и уже на пороге снова крепко прижал к груди.

– Ты меня совсем забудешь? – спросил он.

– Нет, ты меня забудешь. Но помни одно, дорогой. Ты получил все, правда? Позволь же мне остаться твоей лесною нимфой. Все остальное недостойно нас.

Он вернулся к себе в гостиницу. На душе у него было горько: он знал, что они испытали все, что им было суждено испытать. Кристина полностью насладились проведенным с ним летом. Она целиком отдала ему себя. А теперь она хотела быть свободной, чтобы работать. Он не мог этого понять, но знал, что это так.

Глава XXV

Грустно возвращаться летом в раскаленный город после чудесных дней в горах. Душою Юджина еще владело безмолвие горных склонов, блеск и журчание быстрых ручьев, он еще видел перед собою ястребов, орлов и коршунов, реющих в хрустальной синеве неба. Он испытывал в первое время тоску, недомогание, чувствовал себя не в силах вернуться к обычной жизни и работе. Время от времени, напоминая о пережитом недавно счастье, приходили письма и коротенькие записки от Кристины. Но он терзался предчувствием конца, тревожившим его еще при расставании.

Необходимо было написать Анджеле. Он совершенно не думал о ней за время своей поездки. У него сложилась привычка писать ей не реже чем каждые три-четыре дня, и хотя в последнее время в его письмах уже не было прежней страстности, все же они приходили регулярно. Теперь же, когда он так внезапно замолчал на целых три недели, Анджела испугалась, не заболел ли он, но где-то внутри у нее уже шевелилось подозрение, что в нем происходит какая-то перемена. В письмах он все реже упоминал о тех радостях, которые они пережили вместе, и о счастье, которое их ждет впереди, и все чаще описывал нью-йоркскую жизнь, все больше говорил о своих честолюбивых стремлениях. Анджела готова была многое ему простить, помня о том, что Юджин прилагает все усилия, чтобы добиться успеха и обеспечить средства для их совместной жизни. Но трудно было объяснить трехнедельное молчание, не предположив какой-нибудь серьезной причины.

Юджин понимал это. Он пытался оправдаться болезнью, писал, что теперь уже встал с постели и чувствует себя много лучше. Но Анджела сразу уловила в его письмах нотку неискренности и задумалась над тем, что это означает. Уж не поддался ли он соблазну той распутной жизни, какую, говорят, ведут художники? Она мучилась сомнениями и тревогой, так как время уходило, а Юджин все не назначал окончательного срока их уже не раз обсуждавшейся свадьбы.

Положение Анджелы было тем более тяжелым, что с Юджином были связаны все ее надежды. Она была пятью годами старше его. Она давно уже утратила ту юность и жизнерадостность, которые свойственны девушке в возрасте от восемнадцати до двадцати двух лет. Краткая пора вслед за этим, когда девушка цветет, точно роза, и дышит свежестью и красками богатой, новой, яркой жизни, тоже осталась для нее позади. Впереди был неизбежный путь вниз, навстречу более будничному, трезвому и суровому существованию. У некоторых женщин это увядание протекает медленно и аромат юности держится годами, так что нет большой нужды в искусстве портнихи, парфюмера и ювелира. У других оно происходит быстро, и никакие средства не в состоянии остановить тех разрушений, которые производит беспокойная, мятущаяся, неудовлетворенная душа. Иногда искусный уход за собой при медленном разрушении может дать женщине почти неувядаемое очарование, особенно когда красоте физической сопутствует красота духовная и когда ко всему этому присоединяются вкус и такт.

Годы были милостивы к Анджеле, к тому же ее спасала пылкость воображения и чувств. Но внутреннее горение и тревога уже наложили бы на нее печать стародевичества, если бы не благотворное действие домашней среды и счастливая – или злосчастная – встреча с Юджином в минуту, когда она уже готова была поставить крест на своих мечтах о любви. Она не принадлежала к тому новому типу девушек, которые жаждут войти в широкий мир, чтобы расти, развиваться и найти свой, самостоятельный интерес в жизни. Скорее она принадлежала к тем домовитым женщинам, которые мечтают о муже, требующем заботы и любви. И вот ее дивной, прекрасной мечте о счастье с Юджином угрожало крушение, и Анджела с ужасом думала о том, что ей предстоит и дальше влачить бессмысленное, убийственно-тоскливое существование скупно оплачиваемой учительницы в деревенской глуши.

Между тем Юджин, по мере того как лето близилось к концу, приобретал все новые знакомства среди женщин. Мак-Хью и Смайт уехали на лето к родным, и Юджин, пребывавший в полном одиночестве, испытал большое облегчение, когда однажды познакомился в редакции одного журнала с Нормой Уитмор – темноволосой темпераментной и чрезвычайно экспансивной журналисткой и редактором, которая, как и многие до нее, живо им заинтересовалась. Их познакомил заведующий художественным отделом этого журнала Янс Янсен. Поболтав некоторое время с молодым художником, она зазвала его к себе в кабинет.

Норма привела его в маленькую комнату, не более шести футов на восемь, где стоял ее стол. Юджин успел заметить, что она худощава, что у нее желтоватый цвет лица, что она одних с ним лет или чуть постарше и чрезвычайно умна. Его внимание привлекли ее руки – тонкие, красивые, свидетельствовавшие об артистической натуре. Ее глаза горели каким-то особенным блеском, а свободно сидевшее платье говорило о большом вкусе. У них завязался разговор о его работе, с которой она была знакома и которой восхищалась, а затем она пригласила его к себе в гости. Он смотрел на Норму бессознательно-оценивающим взглядом.

Кристины еще не было в городе, но даже воспоминание о ней мешало Юджину писать Анджеле с прежней страстью. Все же Анджела по-прежнему представлялась ему очаровательной. Он говорил себе, что надо писать ей регулярно и что в скором времени придется поехать в Блэквуд и жениться на ней. Уже близилось время, когда он в состоянии будет содержать ее и обзавестись собственной студией, если они будут жить скромно. Но в сущности ему вовсе не хотелось жениться.

Вот уже три года, как он был знаком с Анджелой. Около полутора лет он не видел ее. За последний год в его письмах все меньше и меньше говорилось об их отношениях и все больше – о чем угодно другом. Ему трудно становилось писать обычные любовные письма. Но он не позволял себе доискиваться причин этого, он остерегался трезво разбираться в своих чувствах – это привело бы его к мучительному заключению, что он не может жениться

на Анджеле, и заставило бы так или иначе освободиться от данного ей слова. Этого он не хотел делать. Он тянул, удерживаемый жалостью к ее уходящей молодости, удерживаемый ее любовью к нему, сознанием своей несправедливости – тем, что он отнял у нее столько лет и помешал ей иначе устроить свою судьбу, и, наконец, мыслью о том, как незavidна будет ее участь, если ей придется сообщить родным, что он ее бросил. Юджин страшно не любил обижать людей. Ему тяжело было сознавать, что он кому-то причинил горе, а причинять горе, не признавая этого, он тоже не мог. Он был слишком мягкосердечен. Он дал Анджеле обещание жениться на ней. Он был связан словом, он подарил ей кольцо и просил ждать его, он грубо обманывал ее, изливаясь в нежности и страсти. И теперь, после трех лет, опозорить ее перед всей ее милой семьей – старым Джотемом, матерью, сестрами и братьями – казалось такой жестокостью, что он не осмеливался и думать об этом.

Анджела с ее болезненно-мнительной, страстной и робкой натурой не могла, конечно, не чувствовать надвигающейся катастрофы. Она горячо любила Юджина, и долго сдерживаемое пламя ее страсти в течение стольких лет ждало возможности разгореться, – а такой возможностью мог быть только брак. Однако Юджин своими чарующими манерами и обаянием, силою своей чувственности, вспыхивавшей в нем в известные минуты, и неотразимостью доводов, когда разговор заходил о вопросах пола, внушил ей надежды на столь полное осуществление ее грез, что она уже готова была пожертвовать своей девственностью, забыть о добродетели. Воспоминание о том единственном знаменательном вечере мучило ее. Она говорила себе, что если его любовь сменится полным равнодушием, то лучше было бы тогда уступить ему. Зачем она старалась спасти себя? Возможно, у нее родился бы ребенок, и Юджин остался бы верен ей из сострадания и чувства долга. Она испытала бы это величайшее для женщины блаженство – слияние с любимым. В худшем случае она могла бы умереть.

Мысли Анджелы невольно обращались к тихому маленькому озеру неподалеку от их усадьбы, на стеклянной поверхности которого отражалось небо, и она представляла себе, как лежит на его песчаном дне: светлые волосы разметались, и вода шевелит их пряди, глаза закрылись навеки, руки скрещены на груди. Но ее воображение далеко опережало отвагу. Она не способна была бы это сделать, а могла лишь думать об этом, и такие мысли еще усиливали ее горе.

По мере того как время шло, а пыл Юджина не оживал, Анджела все больше мучилась неразрешенными сомнениями любви и все серьезнее задумывалась над тем, что предпринять, чтобы вернуть его привязанность. В свое последнее посещение он так стремился обладать ею, что она и сейчас верила в его любовь, пусть даже разлука и бурная столичная жизнь временно затмили воспоминание о ней. Анджеле пришло на ум выражение из той оперетты, которую она смотрела вместе с Юджином: «Разлука – это темная комната, в которой не видно даже любви» – оно очень подходило к данному случаю. Если бы вернуть его, если бы только он снова очутился подле нее, прежний огонь разгорелся бы в нем, и тогда она, может быть, пошла бы на то, чтобы отдаться ему. Смутная мысль о самопожертвовании уже мелькала у нее и тревожила ее сознание.

Этому в немалой степени способствовали те испытания, которым она подвергалась у себя дома. Ее сестра Мариетта была окружена поклонниками, которые тянулись к ней, как пчелы к медвяной росе цветка, и Анджела понимала, что на нее они смотрят как на нечто вроде гувернантки, приставленной к младшей сестре. Мать и отец с сожалением поглядывали на Анджелу, огорчаясь при мысли, что такая хорошая девушка страдает, потому что ее не ценят и не понимают. Ей не удавалось скрыть свои чувства; родители видели, что она несчастна, и ей было ясно, что они это видят. Тяжело было говорить сестрам и братьям, которые иногда спрашивали о Юджине, что у него все благополучно, – а как бы ей хотелось сказать, что он в самом скором времени придет за ней.

Мариетта сначала завидовала сестре. Ей приходило в голову, что неплохо было бы отбить у нее Юджина, и только мысль о годах Анджелы и о том, что сестра не пользуется большим успехом у мужчин, удерживала ее. Теперь же, когда стало ясно, что Юджин пренебрег Анджелой или, во всяком случае, непозволительно медлит с женитьбой, Мариетта прониклась к ней глубокой жалостью. Однажды – еще задолго до того возраста, когда за девушкой начинают ухаживать, – она заметила Анджеле: «Я буду ласкова с мужчинами. Ты слишком холодна. Ты никогда не выйдешь замуж». Анджела поняла тогда, что дело не в излишней холодности, а в ее инстинктивном предубеждении против типа мужчин, с которыми ей преимущественно приходилось встречаться. Кстати, заурядные мужчины и не увлекались ею. Она не могла заставить себя находить удовольствие в их обществе. Только Юджину удалось зажечь в ней пламя любви, и, однажды познав это чувство, она не могла уже думать ни о ком другом. Мариетта понимала чувства сестры. А теперь, после этих трех лет, Анджела окончательно оттолкнула от себя всех поклонников, в том числе и того, кто оказался всех больше ей предан, – верного Виктора Дина. Единственное, что могло еще спасти ее от опасности полного пренебрежения, была романтическая мечтательность, благодаря которой она сохранила моложавый вид и свежесть чувств.

Страшась быть покинутой, Анджела начала намекать Юджину в письмах, что ему следовало бы приехать навестить ее, и выражала надежду, что он не захочет оттягивать и дальше их брак из-за трудностей, связанных с их будущим устройством. Она снова и снова повторяла, что будет счастлива с ним и в бедности, что тоскует по нему. Юджин поневоле задумался над тем, как же ему поступить.

Преимуществом Анджелы при создавшихся обстоятельствах было то, что она больше, чем какая-либо другая женщина, привлекала его физически. Что-то в ней сулило ему более сильное, более глубокое, более яркое наслаждение, чем он знал до сих пор. Ему вспоминались дивные дни, проведенные с нею, и особенно тот памятный вечер, когда она молила его спасти ее от нее самой. Красота благодатного лета, обаяние этой приветливой, дружной семьи, аромат цветов и благодатная сень деревьев – все способствовало тому, что ее пленительный образ сохранил в его воображении всю свою свежесть. Мог ли он грубо оборвать этот незавершенный роман, отбросить в сторону этот прелестный цветок?

В то время у Юджина не было никакой любовной связи. Миризм Финч была чересчур консервативна и интеллектуальна. Норма Уитмор не привлекала его с этой стороны. Что же касается других прелестных женщин, с которыми Юджин встречался в том или ином кругу, то ни он не чувствовал к ним влечения, ни они к нему. Он переживал душевное одиночество – состояние, которое всегда обостряло его впечатлительность. И он не мог заставить себя прийти к выводу, что с Анджелой все кончено.

Наконец Мариетта, долго наблюдавшая за развитием романа своей старшей сестры, пришла к заключению, что нужно попытаться помочь ей. Анджела, очевидно, затаила в душе горе, которое лишало ее покоя и душевного равновесия. Она была глубоко несчастна, и это очень огорчало ее сестру. Мариетта любила ее всей душой, несмотря на то, что Юджин мог бы стать между ними яблоком раздора, – и однажды ей пришлось в голову написать ему по-дружески и рассказать, как обстоит дело. Она считала, что у него доброе и нежное сердце, что он любит Анджелу, что, возможно, Анджела права, и он медлит лишь из желания обзавестись средствами для их совместной жизни. Быть может, если по-настоящему поговорить с ним, он бросит охотиться за призрачным богатством и поймет, что лучше соединиться с Анджелой сейчас, пока они еще молоды, чем ждать, когда оба настолько состарятся, что вся прелесть брака будет утрачена навсегда. Она долго носилась с этой мыслью, твердила себе, что Анджела вполне заслуживает такого счастья, и наконец набравшись смелости, написала письмо, которое и отправила Юджину.

«Дорогой Юджин!

Вы будете удивлены, получив мое письмо. Только никому про это ни слова, а тем более Анджеле. Юджин, я давно слежу за нею и знаю, что она несчастна. Она без памяти любит Вас. Когда от Вас долго нет писем, Анджела просто места себе не находит, и у нее одна мечта – быть с Вами. Юджин, почему Вы не женитесь на ней? Она такая душечка, такая красавица, и характер у нее чудный. Она не хочет дожидаться хорошо обставленной квартиры и роскоши, – ни одной девушке это не нужно, если она любит так, как, я знаю, Анджела любит Вас. Она хочет быть с Вами сейчас, пока вы оба молоды и можете дать друг другу счастье, а не ждать нарядной квартиры и хороших вещей, которые Вы когда-нибудь сможете ей дать. Юджин, имейте в виду, я ничего не говорила ей, ни полслова, и я знаю, что она ужасно рассердится, если догадается, что я написала Вам. Она никогда не простит мне этого. Но я не могу удержаться, чтобы не написать Вам. Мне тяжело видеть, как она грустит и тоскует, и я уверена, что, узнав об этом, Вы приедете и заберете ее с собой. Только, пожалуйста, ни одним намеком не выдайте меня и не отвечайте на это письмо, разве только уж очень захочется. Но лучше не надо. И разорвите мое письмо. Но только приезжайте за ней поскорее, Юджин, пожалуйста, приезжайте. Анджела так ждет Вас, и она будет Вам прекрасной женой, потому что это чудесная девушка. Мы все ее так любим – и папа, и мама, и все. Надеюсь, Вы простите меня. Я не могла не сделать этого.

Любящая Вас Мариетта».

Письмо не только удивило, но и больно поразило Юджина, – он огорчился и за себя, и за Анджелу, и за Мариетту. В самом деле, какое прискорбное положение! Оно занимало его не только потому, что касалось его самого, но и потому, что в нем вообще было нечто трагическое. Бедная Анджела, с золотистыми волосами и ангельским личиком! Какой стыд, что они до сих пор еще не вместе, когда ей этого хочется, как, до известной степени, хочется и ему. Она прекрасна, в этом нет сомнения! Она несколько не хуже любой другой хорошенькой женщины, не считая, правда, тех, которые выделяются своим умом и развитием. Зато чувством она богаче и Мириэм Финч, и Кристины Чэннинг. Она только не умеет говорить об этом, вот и вся разница. Она умеет лишь страдать. Юджин представлял себе все многообразие ее душевных мук – отношение родных, с недоумением поглядывающих на нее, смятение, в которое повергают ее эти взгляды, ее собственные терзания, холодное участие знакомых, пытающихся разгадать эту загадку. Бедняжка, в какое мучительное положение он ее поставил. Не лучше ли ему поехать к ней? Она может дать ему счастье. Они будут жить в студии, и со временем все устроится. Или лучше остаться жестоким и не ехать? Ему было трудно примириться с этой мыслью.

Так или иначе, но Мариетте он не ответил и, как она просила, разорвал ее письмо на мелкие клочки. «Если бы Анджела знала, – подумал он, – это, конечно, глубоко оскорбило бы ее».

Размышления Анджелы тем временем привели ее к выводу, что, пожалуй, разумнее отдаться возлюбленному, если он когда-либо к ней вернется, – он тогда сочтет себя обязанным жениться на ней. Она и вообще-то плохо знала жизнь, а в то время в ее суждениях царила полная путаница. Она не отдавала себе отчета в том, как неразумны подобные уловки. Она любила Юджина, она чувствовала, что он должен принадлежать ей, что лучше умереть, чем лишиться его, и мысль о таком недостойном шаге пришла ей в голову как последнее

средство. Если он откажется жениться, ей остается только броситься в озеро – это она твердо решила. Она покинет этот ужасный мир, где лучшие надежды любви осуждены на гибель. Она забудет все свои муки. Если там ее ждут покой и тишина, больше ей ничего не надо.

Месяцы шли, близилась весна, и так как Юджин догадывался о настроениях Анджелы по тем патетическим фразам, которые часто повторялись в ее письмах, он постепенно пришел к решению, что должен поехать к ней. Письмо Мариетты не выходило у него из головы. В нем родилось предчувствие неминуемой катастрофы. Он не мог хладнокровно сесть и написать ей, что они никогда больше не увидятся. Слишком свежи были в его памяти впечатления от поездки в Блэквуд – благоухание лета и свежая красота того мира, в котором она жила. В апреле он написал, что приедет в июне, и Анджела была вне себя от радости.

Решению Юджина способствовало и то обстоятельство, что Кристина Чэннинг не предполагала в этом году вернуться из Европы. Она несколько раз писала ему в течение зимы, но в чрезвычайно сдержанном тоне. Посторонний человек, прочитав ее письмо, никогда бы не подумал, что между нею и Юджином что-то было. Его письма звучали, конечно, более пылко, но Кристина предпочитала игнорировать его страстные намеки и постепенно внушила Юджину, что ему нечего ждать от нее в будущем. Они останутся добрыми друзьями, но вряд ли будут когда-либо любовниками и, во всяком случае, никогда не будут мужем и женой. Его бесила мысль, что она с таким спокойствием относится к вещам, казавшимся ему чрезвычайно важными. Гордость его была уязвлена тем, что она так равнодушно вычеркнула его из своей жизни. В конце концов он обозлился, и верность Анджелы начала представляться ему в новом свете. Вот девушка, которая не стала бы с ним так обращаться. Она по-настоящему любит его. Это верная, преданная душа. Теперь поездка в Блэквуд стала казаться ему более привлекательной, а к началу июня он уже горел желанием увидеть Анджелу.

Глава XXVI

Наступили прекрасные июньские дни, и Юджин во второй раз отправился в Блэквуд. Странное чувство овладело им – он и хотел увидеть Анджелу, и вместе с тем мучился сознанием, что, возможно, совершает ошибку. Мысль о какой-то роковой неизбежности томила его. Или так уж ему суждено жениться на Анджеле? Но это глупо – ведь решение зависит только от него. Он сам решил ехать за нею, – а впрочем, может быть, и нет?.. Юджин готов был допустить, что следует голосу страсти, но, говоря по правде, он и не видел в любви ничего, кроме страсти. Разве не влечение толкает мужчину и женщину в объятия друг друга? Правда, бывает еще и обаяние личности, но основой все-таки остается страсть. Если физическое тяготение достаточно сильно, то разве не довольно этого для союза двух людей? И что, собственно, еще требуется? Это была логика пылкой и неопытной молодости, но на время она устраивала Юджина и успокаивала его. В Анджеле не было того, что влекло его к Мириэм Финч и к Норме Уитмор, не было у нее также чудесного таланта Кристины Чэннинг. И все же он ехал в Блэквуд.

За истекшую зиму его интерес к Норме Уитмор усилился. Юджина восхищала широта ее взглядов и утонченность ума. Он мало встречал людей с таким независимым вкусом, который делал бы для них доступным все новое и оригинальное в искусстве. Ее влекло к выразительному реализму в литературе и тому свежему, непосредственному искусству, представителем которого он считал себя. Необычайная чуткость и восприимчивость, которая позволяла ей по достоинству ценить то новое и свежее, что он пытался сделать, служила для него огромным поощрением, не говоря уже о популярности, которую она создавала ему и его исканиям среди своих друзей. Не ограничиваясь этим, Норма пыталась заинтересовать работами Юджина двух знакомых владельцев художественных салонов. Как-то, встретив-

шись с ними, она выразила удивление, что они до сих пор проходят мимо такого крупного и значительного явления, как молодой Витла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.